

В НОМЕРЕ:

Проза, поэзия

Рубен Овсепян. Первомайский парад. Рассказ. Перевод Л.Овсепян	3
Анатолий Оганесян. Из глубины молчания. Стихи. Перевод А.Налбандяна	14
Сусанна Арутюнян. Смерть деда в моем исполнении. Господь решил помыть ад. Речь идет об осени. Рассказы. Перевод Н.Абрамян	19
Тадевос Тоноян. Время ожиданий. Стихи. Перевод Г.Баренца	36
Ким Бакши. Девяносто восемь ступеней. Главы из новой книги	39
Вика Чембарцева. Невесомость неба. Стихи	103
“Благодарю друзей за уроки общения” Беседа Е.Шуваевой-Петросян с В.Чембарцевой	107

Очерк, публицистика

Русское слово в Армении	120
Нелли Саакян. “Не имеет стола кроме своих колен”	126
Лариса Геворкян. “Мы прожили интересную жизнь”. Перевод Е.Петросян	149
Содержание журнала “Литературная Армения” за 2011 год	175

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

РУБЕН ОВСЕПЯН

Первомайский парад

ПЕРЕВЕЛА ЛИЛИТ ОВСЕПЯН

Под конец апреля бес нашептал на ухо моей жене не оставлять меня в Москве в статусе одинокого и беспризорного студента на первомайские праздники и следующий за ними мой день рождения, тем более что купленные месяцы назад платья стали тесны нашим удивительно быстро растущим дочкам. Производя их на свет, мы не учитывали того, что родившаяся на семь лет позже младшая не сможет сразу же облачиться в одежду старшей и должна дожидаться семь лет, а за семь лет женский мир семьдесят раз меняет как свою форму, так и цветовые сочетания. И в результате, с рукавами и без оных, длиннополые и короткополые, однотонные и пестрые, эти змеиные шкурки остаются не изношенными и стопками скапливаются в запасниках гардероба.

Словом, праздник праздником, день рождения днем рождения, но необходимо заказать номер в какой-нибудь гостинице близ универсама “Детский мир”, дабы мать родившихся с разницей в семь лет дочурок не очень уставала в суете большого города. И не мог же я привести ее в общежитие с сумеречными

вонючими коридорами, общими кухней и туалетом, чтобы, узрев праздничный обиход пока еще не известных разноязыких поэтов, прозаиков и драматургов необъятной страны, моя жена, с полным правом повязав по рукам и ногам, увезла бы меня домой.

– Не могу же я привести ее в общежитие, – объявил я блондинистой дородной Пашкевич, ведавшей в Литфонде гостиничными делами, и положил, как бы между прочим, коробку шоколада на ее стол.

– Разумеется, не можешь, – согласилась Пашкевич. – От неожиданного появления любовниц ни одна порядочная жена не придет в восторг.

– У меня нет любовницы, – запротестовал я, а про себя решил: если откажет, заберу шоколад обратно и заявлю, мол, сколько ты ни пытайся вместо “с” использовать “ш”, все равно не скроешь своей принадлежности к ненавистному для армянина роду Паскевича*. Присвоивший чужие победы и достижения, этот негодяй убрал с арены не только своего соплеменника Ермолова и моего соплеменника Лазарянца, но и святейшего Нерсеса Аштаракеци, не убоившись даже Господа Бога, которого вроде бы чтит.

Будто прочитав мои мысли, Пашкевич ловко смахнула коробку в ящик стола и вытянула из папки направление в гостиницу “Москва”, а я, воодушевленный надеждой, повторил:

– У меня нет любовницы.

– Конечно, – усмехнулась Пашкевич, – какой армянин держит в Москве любовницу?.. Или грузин... чеченец... узбек?.. Москва для вас – монастырь... Вы скорее отрубите себе пальцы, чем поддадитесь соблазну... Тебе предоставляется номер председателя Совета Министров Туркмении. С пианино, посудой... Люкс. Наслаждайся.

* Паскевич Ив. Фед. (1782-1856), граф Эриванский (1828) – русский генерал-фельдмаршал. В 1827-33 гг. наместник Николая I на Кавказе.

Номер действительно был шикарный – просторный, где свободно могли бы носиться ахалтекинские скакуны, а чтобы галоп был бесшумным и не нарушал покоя соседей, пол был устлан великолепными туркменскими коврами... Ранней весной на несколько дней расцветает пустыня. Все песчинки взрываются мелкоцветковыми цветами, саксаулы сходятся в букеты, барханы превращаются в цветистые холмы... И эти вот ковры демонстрировали тот самый временный сказочный миг.

Из всех окон гостиницы, выстроенной по вкусу Сталина, любившего все масштабное, грандиозное, те, что достались нам, глядели прямо на Красную площадь, мавзолей, трибуну мавзолея.

– Ну вот, – заважничал я перед женой, – усядешься утром у окна и будешь наблюдать, как вожди страны приветствуют ликующих трудящихся. – Было очевидно, что номер жене понравился, только пианино, похоже, стояло не на своем месте и, пожалуй, карликовый кофейный столик тоже. Но как только карликовый кофейный столик вместе со стульями перекачвал к окну, а пианино прокатилось в сторону буфета с японской посудой, выяснилось, что шкаф претендует на место письменного стола с грибовидной ночной лампой, а стол – на место прикинувшегося пальмой фикуса.

– А если он вдруг заявится? – спросила жена, открывая чемодан, откуда, по всей видимости, должна была выползти и бельевая веревка.

– Кто? – спросил я, высматривая на стенах гвозди.

– Хозяин номера. Председатель Совета Министров Киргизии.

– Первوماй повсюду, – успокоил я ее. – В Узбекистане тоже вожди приветствуют ликующих трудящихся. Вероятно, он прибудет осенью, по случаю сбора хлопка... Кстати, ты можешь объяснить, каким образом Азербайджан выполняет план по сбору хлопка прежде Туркмении, если на родине нашего домовладельца весна наступает куда раньше, а лето там гораздо жарче?

– Когда ты приводишь в дом четверых друзей с одной бутылкой водки, не удивляешься, если на столе появляются еще три бутылки?

– Я радуюсь... А какая связь между хлопком и водкой?

– Прямая. Как я храню водку, чтобы тебя потом порадовать, так и Гейдар Алиев – хлопок с прошлого урожая. Быстренько его сдает и получает медаль... В этом номере жучков нет?

Я просунул руку в вентиляционную отдушину и извлек из нее похожий на пращу громадных размеров порванный лифчик, а также средней величины использованные презервативы. Из закопченного мрака отдушины мне лукаво подмигнула блондинистая и дородная Пашкевич, оседлала ахалтекинскую скакуна, галопом пронеслась по великолепным туркменским коврам и исчезла в пустынных далях, где расцветшие барханы сливались с небом.

Я смывал с себя отвращение под горячим душем и думал, что, в отличие от женщин, наше мужское племя легко счищает с себя грех...

В чемодане, источавшем домашние ароматы, бельевой веревки, конечно же, не было, зато обнаружилась наволочка, и это была моя наволочка, которая прибыла в Москву со специальной миссией – за несколько дней этот расшитый мешочек должен был, как губка, вобрать в себя мой утраченный запах и перенести его в Ереван в качестве подголовника для младшей из моих дочек, поскольку этот человек, воспринимающий мир пока что и главным образом посредством запахов, израсходовав все содержимое, превратил мою подушку в опавший воздушный шарик. И в сердце матери угнездились сомнения, что наша младшая может позабыть родного отца...

Я пытался мысленно нарисовать лицо младшей дочери и не мог – старшая мешала. Вспоминались большие искрящиеся глаза старшей (у младшей должны были быть печальные), белая, цвета сливок кожа (младшая родилась смуглянкой), каштановые мягкие волосы (у младшей они были кудрявые и блестящие), требовательный, не терпящий возражений голосок (младшая была тихоней)... Меня, в конце концов, утомила эта неравная и нелепая борьба, и я категорически отверг портрет, который вырисовывался из слияния обеих. От моей беспомощности, от бессилия мир, казалось, уменьшался...

Уже во сне, среди видений я страдал, тщетно разыскивая мою младшую – во дворе своего маленького дома, на городских улицах, в аллеях детского парка, в круге бешено крутившейся карусели... Я бежал вслед за каждой встречной девчушкой, и когда они оборачивались, глядя на меня изумленными глазками, оказывалось, что у всех черты лица моей старшей. Я вспотел, я задыхался, голова соскользнула с подушки... Я погрузился в глубокое соленое озеро, со дна которого доносился слабый колокольный трезвон... Дежурный по этажу был звонарем:

– Откройте дверь! К вам гости.

В восточных странах уже, пожалуй, был полдень или хотя бы утро, но только не в Москве, куда не распространялось влияние северного сияния, и курносо прижавшаяся к оконному стеклу Красная площадь все еще почивала в молочной мгле. В недоверчивом взгляде жены я вновь узрел призрак оседлавшей ахалтекинского скакуна блондинистой и дородной Пашкевич и крикнул в трубку:

– Какой, к черту, гость в такую рань?

– Откройте – увидите, – зевнул звонарь.

– Хозяйин номера! – накинула на себя халат жена. – Председатель Совета Министров Казахстана. Я же говорила... Какой стыд!..

Гость уже находился по ту сторону двери. Я чуял его дыхание и запах одеколona. Он успел побриться. Но не было ни лошадиного фыркания, ни ржания... Сквозь щель полукрытой двери просунулась рука раннего гостя, сжимавшая – не то как букет, не то как нож – корочку удостоверения.

– Прошу прощения, – произнес корочконосец, – но я буду дежурить у вас в номере. – И улыбнулся. – Служба. Извините...

Пригласив войти уже вошедшего сотрудника КГБ и уразумев, что с этой минуты он – хозяин положения, я продемонстрировал дух сопротивления в направленных жене мелких распоряжениях, посредством которых пытался подчеркнуть свои права и гостевой статус корочконосца.

– Дай человеку минеральной воды, – потребовал я.

– Может, водки? – съязвила жена. – Чокнулись бы за доброе утро.

– Нет, – отрезал я. – Он на службе. Кофе принеси. Бастурму... зелень, лаваш...

– А в чем смысл его службы? – поинтересовалась жена.

– Говори по-русски, – ответил я. – Неудобно.

– Разве не более неудобно задавать вопрос о смысле его службы на понятном ему русском? – не унималась жена.

– Посмотри в окно! – почти заорал я. – Что ты видишь?

– Красную площадь, мавзолей, трибуну мавзолея, откуда вожди скоро начнут приветствовать ликующих трудящихся.

– Это мишень, не понимаешь?

– Что? Мишень?!

– Мавзолей, трибуна, вожди... Пальнуть через наше окно из дальнобойной винтовки прямо по мишени – все равно что глотнуть минеральной воды.

– Откуда у нас дальнобойная винтовка?

– А он знает – есть у тебя винтовка или нет?

– А пускай обыщет все щели, чемодан и... оставит нас в покое. Что за напасть!.. Не лучше бы домовладелец – председатель Совета Министров Таджикистана приехал?..

– По-русски говори, неудобно. Про Матенадаран расскажи, про Мартироса Сарьяна... Человек боится, что мы в минеральную воду яду подсыпали – смотри, не пьет. Поставь на стол неоткупоренную бутылку, открывалку. Пусть своей рукой откроет и выпьет спокойно...

Светало. На подступах к Красной площади проглядывались милиционеры – в форме и замаскированные; под линзой постепенно усиливающегося освещения прочитывались буквы и слова на транспарантах. Жена попыталась было отворить окно, но прежде кинула взгляд в сторону сотрудника КГБ. Наш гость отрицательно покачал головой: нельзя.

– Что за напасть! – пробурчала жена. – А я хотела выставить твою подушку на солнце – влага бы выветрилась, а запах остался...

На площадь вступал духовой оркестр. Громадный барабан несли двое – выбрасывая ноги одновременно, равномерно, что-

бы не отставать и не обгонять друг друга, чтобы инструмент не накренить и не проткнуть остроносыми туфлями гудевшую от сверхнатяжения кожу. Сделав свое дело, площадь покидали поливальные машины, и водители, горделиво высунувшие левые локти из окна кабин, с умиротворением, свойственным только что пописавшим и застегнувшим ширинки мужчинам, желали музыкантам доброго шествия.

Сотрудник КГБ отказался и от кофе, сглотнул слюну от вида и запаха бастурмы, но тут же соврал, что только что позавтракал. Пожалуй, завтраком счел вчерашний ужин.

– Что же нам делать? – растерялась жена. – Не можем же мы притвориться, что тут никого нет и спокойно попить кофе? Что за напасть...

– Сперва ты с ним поболтай, а я выпью кофе, потом я поболтаю, ты выпьешь, – смекнул я и, чтобы вопрос очередности не оспаривался, набросился на кофе.

– Вы бывали в Армении? – любезно осведомилась жена.

– О да, – широко улыбнулся сотрудник КГБ. – Где я только не бывал по службе...

– В чем был смысл службы этого человека в Армении? – обратилась ко мне жена по-армянски. – В Армении некому было бдеть за стреляющими из дальнобойной винтовки?

– Было кому, конечно. Но бдящие из Центра более искусны.

– Почему?

– Потому что – из Центра. Центр – это ведь не только территориальное, географическое понятие... Центр – это сущность. Качество.

– И преимущество тоже?.. Если, скажем, Амо Сагян жил бы в Центре, то получил бы Нобелевскую премию?

– Наверное... да. Во всяком случае, имел бы много денег... А теперь ты пей свой кофе, а я буду общаться.

В окне уже виднелись головные ряды демонстрантов. Сотни и тысячи знамен развевались, еще миллионы запрудили улицу Горького и другие близлежащие улицы. Боже ты мой, подумалось мне, вот на что расходуется азербайджанский, туркмен-

ский, узбекский хлопок!.. Вот почему так мало детской одежды, за которой в общем-то и приехала в Москву моя жена, обманывая саму себя, а заодно, пожалуй, и весь мир вместе со мной, мол, оставить мужа в праздники одного выше ее сил...

– Сколько у вас детей? – спросил я сотрудника КГБ.

– Две дочери, – широко улыбнулся сотрудник КГБ.

– У меня тоже, – обрадовался я.

– Знаю, – многозначительно протянул сотрудник КГБ.

– Как это знает?! – удивилась, испугалась, запротестовала жена. – Они что, всю подноготную нашу выведали?

– Этот гостиничный номер своим расположением, вероятно, самый опасный, – заключил я. – И прежде чем в эти дни кому-то его предоставить, выясняют личность.

– Значит, ты у них в службе на хорошем счету? – то ли обрадовалась, то ли огорчилась жена.

– А с чего бы мне быть на худом счету? Все мои родственники – в тридцать седьмом арестованные, расстрелянные, умершие в ссылке – реабилитированы. Мой отец всю жизнь смиренно работал на эту страну. А мои рассказы, прежде чем выйти в свет, полощутся в бассейне цензуры. С чего мне быть на худом счету?

– Что за напасть!.. – Жена сделала последний глоток и перевернула чашку на блюдце, как делала всегда в трудную минуту, когда, уповая на кофейную гущу, пыталась преодолеть невыносимое настоящее перспективой светлого будущего. Светлое будущее, понятно, не приближалось, но настоящее действительно становилось более выносимым.

Трибуна мавзолея оживала. Друг за другом появлялись вожди государства и, согласно субординации, выстраивались рядком. Военные вырисовывались отчетливее – излучавшееся с их погонов, металлических пряжек, орденов дополнительное освещение прерывалось в центре ряда, где находилась мишень, если смотреть на зрелище взглядом вооруженного дальнобойной винтовкой снайпера. Справа от мишени раскинулись заросли широкополых шляп.

Сотрудник КГБ целиком превратился в глаза и уши, даже спиной улавливал наши незначительные и бесшумные жесты. Широкая улыбка на лице трансформировалась в выражение, какое бывает у охотничьего пса за секунду до появления дичи – палец пока не нажал курок, пуля пока еще не получила пинка в зад, но сверхчувствительная нюхалка охотничьего пса уже трепещет от раздражающего запаха пороха. Еще не взорвался выстрел, но в наделенном непреодолимым притяжением поле его ожидания и средоточия уже выглядывает из-под кустов мордочка зверька, уже бьется на макушке дерева птица.

И стук в нашу дверь раздался щелчком затвора дальнобойной винтовки. Сотрудник КГБ скрылся за шкафом и кивнул головой, мол, откройте. Жена отворила дверь и прикрыла пальцами рот, чтобы не вскрикнуть в изумлении: от верзилы, возникшего в громадном проеме доставшейся нам двери в гостинице, построенной по вкусу Сталина, любившего все масштабное, грандиозное, обозначился только торс. Голова отметилась позже, когда ее хозяин, пригнувшись, шагнул внутрь и на ломаном русском спросил, нельзя ли полюбоваться первомайским парадом из нашего окна. В его комнате окна не выходили на Красную площадь. Не повезло... Или его личность была подозрительной... Или верзиле не пришло в голову преподнести коробку шоколада какой-нибудь Пашкевич...

В его руке покоился фотографический аппарат размером с пулемет, на носу сидели очки с толстыми стеклами – он смотрел на землю с такой высоты, что у него сдавало зрение. Я вдруг почувствовал, что вглядываюсь в иностранца с подозрительностью сотрудника КГБ и не могу выбрать, разрешить или нет. Сотрудник КГБ кивнул из-за шкафа, мол, можно, впускайте. И тут в дверь постучали снова.

Молодые люди в шортах, некоторые – женского вида, хотя в нужных местах у них и не проглядывалось чудо под названием грудь, так же были вооружены фотоаппаратами, но меньших размеров, и щебетали подобно пробудившимся с рассветом воробьям.

Потом появилась чрезвычайно разбитная бабуля, которая заметно подлизывалась к сотруднику КГБ, приняв его за хозяина номера, – угощала жвачкой, сигарами и каленым миндалем.

Прикатил старик в самоуправляемой коляске и с канадским флажком в руке, шелк которого щекотал дрыхнувшего на безжизненных хозяйских коленях огромного кота.

И еще две влюбленные пары, у двоих из которых в нужных местах было все в порядке.

И в этом муравейнике я потерял свою жену... Она, разумеется, была, существовала, повсюду обозначились следы ее перемещения, однако в стремительности этого перемещения ее самой уже не было видно. У всех в руках появились кофейные чашки, брдучи* с сыром, зеленью, бастурмой, зазвенели стаканы с лопающимися пузырьками минералки, цвет содержимого которых скоро стал красным... Пустые бутылки моментально исчезали, появлялись новые, брдучи съедались и тут же скручивались заново, и даже кот, проснувшийся под флажком с изображением кленового листа, пожирал бастурму, выплевывая прочие ингредиенты начинки на пол. Окрусанная головка сыра потеряла форму, как на глазах теряет форму рудоносная гора, и прожевывающие ароматные стебли разноперой зелени иностранцы, плавая среди винных паров, продвигались к роялю. Несколько рук и множество пальцев ударили по клавишам, и под пассажи дикой танцевальной мелодии затопал табун необузданных ахалтекинских жеребцов... Разбитная бабуля, млея от удовольствия, просто-таки лупила сотрудника КГБ сигарой по голове...

Никого больше не интересовал первомайский парад, что нудной кинолентой протекал за нашим окном. В водовороте сумасшедшего африканского танца неподвижным оставался только сотрудник КГБ, правой рукой сжимавший спрятанный под пиджаком пистолет...

* Брдуч – скатанный трубочкой лаваш со снедью.

В полдень, когда демонстрация закончилась, а соседи покинули наш гостиничный номер, напоминавший поле после битвы, Иван Иваныч хлебнул коньяку, смачно откусил брдуц и сказал:

– Какой тяжелый был день...

– Бедный человек, – простенал голос жены со стороны дивана, и я, наконец, отыскал ее – съезжившуюся среди пухлых подушек. Ей хотелось плакать от жалости к сотруднику КГБ, осушающему вторую рюмку, и, пользуясь ресницами, как подпорками, она силилась не смыкать отяжелевшие веки. И прежде чем сотрудник КГБ опрокинул бы третью рюмку и утер губы, чтобы подойти и припасть к руке хозяйки первомайского пиршества, моя жена уже спала, как засыпают утомленные прополкой, выпечкой лаваша женщины.

– Тяжелый был день... – Иван Иваныч широко улыбнулся и вдруг захохотал. Мотал головой и хохотал, как будто только что вылез из покореженной машины и осознал, что остался жив и невредим. Как будто прошелся по всем медицинским лабораториям и выяснил, что сомнения напрасны, что у него стальное здоровье и проживет он аредовы веки...

От смеха Иван Иваныч расцвел, как бархан весной. Из него исчез охотничий пес. Он все-таки поцеловал усталую руку моей спящей жены и шепнул мне на ухо:

– Нелепо, да, дорогой, что не вы меня стерегли, а я вас? Оружие-то было у меня.

И в самом деле... Он был вооружен, а мы плясали африканский танец...

АНАТОЛИЙ ОГАНЕСЯН

Из глубины молчания

ПЕРЕВЕЛ АЛЬБЕРТ НАЛБАНДЯН

* * *

День – подарок,
Раскрывающийся как сердце,
Кровоточащее, познавшее боль
И всё же не привыкшее к боли,
Я твой атом, ненасытный, неутолимый...
Раствори меня в твоих синих небесах,
Как крупицу надежды,
Как луч веры,
Укажи ту страну,
Где могли реять мои крылья,
Когда ещё не были сломаны.

* * *

Твой виновато-невинный взгляд
Время стирает,
Как ошибку со школьной доски.
Колебля завесу мечты,
Раненой земли не касаясь,
Никого не замечая,

Оно опустошает этот город
От воспоминаний,
Унося зарево горящего леса
И оставляя лишь то,
Чего не вымел ветер...

* * *

Точно пёс беспризорный,
Бродит призрак страданья,
Снова принохиваясь к шипам и колючкам.
Когда опускается вечер,
Ожиданье – натянутый нерв,
Нищий, копошащийся в мусоре, –
Укол совести.
Между обилием и пустотой
Всхлипывает обиженный ребёнок:
Он потерял то,
Чему и сам не знает названья...

* * *

Прошла и эта осень,
Улетела вслед за другими,
Точно перелётная птица,
Чьим гнездом было твоё сердце.
Слепящее золото листопада
Подвело итог безрассудству
Стяжания и мотовства.
Пройдут и дожди,
Серый цвет поглотит все краски,
Солнце с ликом мумии
Глянет с холодного зимнего неба –
И в тебе взвоят собаки,
Бездомные собаки,

Тоскующие по великой радости
Тесного ошейника.

* * *

Когда на тебя нисходит
Божья милость – покой и дрёма, –
Когда к тебе, расправив крылья,
Бежит ангел,
Порожденье твоих изощрённых грёз,
Ты не замечаешь
Несоразмерности его крыльев,
Ты не замечаешь, что он
Нарядился в чужие одежды,
Ты смежаешь глаза
И говоришь:
– Я та гора,
Которая уже устала
Бросаться в собственные пропасти...

* * *

Взглядом твоим рождены
Похожие на улыбки
Разноцветные бабочки,
Что украсили день.
Капли воды у тебя на шее
Позаимствовали свой блеск
У твоих глаз.
Свежесть и аромат
Твоей кожи
Заставили аиста в небе
Застыть на мгновенье,
Удерживая крыльями
Равновесие мира.

Воздух свихнулся
И, ринувшись вверх,
Застрял у меня в горле...
А ты была холодна,
Как губы монахини.

* * *

Дрожа и трепеща,
Опускаются твои ресницы.
Пусть ангелы вот так же прилетят,
Чтобы унести мою душу...

* * *

Нервы мои –
Перепуганные дети,
Поглядывающие тысячеглазо
Из глубины молчания ночи.
Сейчас, сейчас погаснет
Подрагивающий огонёк
Последней свечи
И меня
Слепо, не глядя,
Поглотит темнота,
Как море – брошенный в него
Камень.
Мирно, безбольно,
Подобно стону,
Не коснувшись
Ничьего уха,
Время потечёт дальше,
Не осознавая того,
Что оно – лишь отголосок...

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

* * *

Беспомощный, как крик
Вслед уходящему поезду,
Я – собственная тень,
Преследующая себя
В этом мире...

* * *

Оговорка, небрежно брошенное слово –
Неосторожный смертоносный выстрел,
Остальное – слова,
Робко ступающие
По ветхому мосту сомненья.
Не пытайся спасти положение –
Ты вытаскиваешь нож,
Вонзившийся мне в сердце,
И мир слепнет,
Точно окна сгоревшего дома.
Мир...
Я наполнил этот мир такой любовью,
Что в нём для меня самого
Не осталось места...

СУСАННА АРУТЮНЯН

ПЕРЕВЕЛА НАТАЛЬЯ АБРАМЯН

Смерть деда в моём исполнении

Десять сорок пять – столько показывали часы в прихожей. Эти иранские часы размером с головку подсолнуха на рынке стоили доллар. Их приобрела моя тётка, сестра матери, по дороге к нам, купив кофе с выигрышем, и, сочтя за хлам, оставила у нас. Я смотрел на пластмассовый диск часов, на их раздутые, как ложь, цифры, на которых застыли стрелки, и думал, сколько же они будут стоять, если вычесть расходы на ввоз и налог на добавленную стоимость. Получалось, на улицах Тегерана они просто валяются. Но эти дешёвые мусульманские часы вынесли связанный с жизнью человека суровый приговор – они остановились.

– Стоя́т. В тот момент я остановила, – дядина жена всхлипнула от волнения, – так принято: в какую секунду человеческая душа отлетает, в доме часы до сороковин должны этот час показывать.

В комнате у другой тётки, сестры отца, было одиннадцать часов. Это уже был продукт советских лет. Тётка получила их в качестве приза в школьные годы – за второе место на олимпиаде по химии и всё время подчёркивала, что это её добро и она,

выходя замуж, непременно заберёт их вместе с приданым. Но мы не опасались их утратить, потому что вряд ли кто-нибудь женился бы на женщине за пятьдесят из любви к механическим часам. Хотя часы и впрямь были хорошие: они возвещали все советские праздники вплоть до призывов к свободе в восемьдесят восьмом, неумолимо отсчитывали время жизни и у них было полное право остановиться – даже ценой жизни человека.

– Такова традиция, – сказала тётка, – как услышала, бегом прибежала, остановила.

В комнате дяди стрелки стояли на семи минутах одиннадцатого. Это были местные часы – стрелки насажены на обсидиан, на чёрной блестящей поверхности которого с семидесятого года отражались вещи нашего дома. Дед их лично купил на ереванском вернисаже, пожалев мастера, в течение дня ничего не продавшего, когда сам он сдал на колхозном рынке две тонны груш и его карманы раздулись от денег. И часы молчали с подчёркнутой благодарностью и почтением.

– Я... – пролепетала сестра бабушки, – все голову потеряли, я первая прибежала и положила руку на стрелки, чтоб замолкли.

В комнате деда была дореволюционная кукушка, которую прежний хозяин дома в подарок оставил. Дед раз в год смазывал голосовые связки кукушки, свисавшую с кожаного языка кругляшку и прочую металлическую мелочь, что была в чреве деревянных часов. Здесь кто-то изловил кукушку ровно в десять и, задушив в момент кукования, обвязал клюв кружевным платочком. Маленькое окошко часов было настезь распахнуто, кукушка повисла на пружине, заслонив несколько цифр, а металлическая кругляшка стояла себе в центре – тут её вины вообще не было, хотя, по существу, ход времени обусловлен был её тик-таками.

– В каждой из комнат на каком-то часе остановились, – удивился я, – сколько же раз дед умирал? Может, он вообще не умер?

– Нет, – убеждала сестра бабушки, – умер. Просто – смотря кто когда услышал. А как же? – пока не услышал вести о его смерти, человек для тебя жив.

Моего деда в течение зимы трижды клали на операцию. Но бабушка не захотела вдовой остаться, раньше ушла. Решительная была женщина – с вечера у неё поднялась температура, утром скончалась.

На похороны поступило сорок венков, и на поминальный стол ушло семь коров. Соседки и родственницы, усевшись вокруг гроба, плакали и завидовали: ни в жизни не страдала, ни в смерти. Во время молитвы священника ввели моего деда. Дед мой старый, дед мой гордый, дед мой – мужик. Тяжеловесный, как медведь, – под тяжестью половицы скрипели, – сжимая в руках свою палку, шёл сказать последнее прости. Ни одной слезинки, ни один мускул на лице не дрогнул. Опираясь на палку, шёл он сдержанный, спокойный, медлительный. Шаг, шаг, шаг... шагами улитки тащил своё тело. Палку тяжело опирал о пол. После каждых двух шагов останавливался, переводил дух, потом дрожащей рукой осторожно отрывал палку от пола, осторожно переставлял чуть-чуть вперёд... Рука его дрожала, палка – вместе с ней... священник размахивал кадиллом по сторонам, и от острого запаха ладана болела голова.

– Слышь ты, когда женщина одна остаётся, такой жалкой не бывает, – глядя на поникшие плечи деда, прорыдала наша соседка.

– Глянь только, совсем как брошенный ребёнок. Хорошо тому мужику, что раньше своей жены уходит.

– Мой брат один оста-а-лся, – сквозь слёзы пропела сестра дедушки. Дудукист вдохнул воздух, надул щёки и медленно-медленно стал дуть в абрикосовую веточку с дырками. На крохотном расстоянии от одного конца дудука до другого воздух возмужал, стал мелодией и потянулся тягуче, скорбя и надрывая сердце, рыдая о невозвратной потере... Женщины дружно заголосили-запричитали. Не по бабушке – по деду и его жалкому виду...

– Успокойтесь, – скомандовал священник, – послушайте слово Божье, – и начал чин чином обряд отпевания. Дед не мог столько стоять на ногах. Медленно опустился он на стул, и священник кивком головы одобрил его.

– Ты только посмотри на него, – рассердившись на деда, зашипела мне на ухо сестра бабушки, – ни единой слезинки не пролил, да ещё по такой жене, как моя сестра.

– Крепкий человек, чего ты хочешь...

– Что значит “крепкий”?! Хорошая жена – что мать родная. А уж тем более такая, как моя сестра – вынесла своих змеюк-золовок, свою гадину-свекровь, пятнадцать лет за постельным больным, за свёкром, смотрела. Не говоря уже о том, что шестерых детей родила... Нет, ты на него посмотри, – опять в ярости взглянула на деда, – чтоб тебе пусто было, старый хрыч!

– Не мешай, святой отец на нас смотрит.

– Нет, ты только взгляни в лицо деду своему – ни боли, ни горя... Смотри, как он спокоен... Видать, надумал что-то, раз так спокоен. Один не останется... женится.

Моя комната была заперта в этот день. У меня там хранились любовные письма и немного денег, и я ключи с собой унёс, и часы, ни о чём не ведая, так и тикали себе – на четырнадцать квадратных метрах моей маленькой комнаты дед ещё был жив.

– Скорей, – распорядилась сестра бабушки, – останови, пока никто не видел, не то нас со свету сживут.

Часы я сделал сам. Увидел в передаче “Умелые руки”, скачал из интернета знаки зодиака, приклеил на дощечку, покрасил её в зелёный цвет, затем сорвал приклеенные картинки животных – их фигурки остались незакрашенными, цвета доски, – приделал стрелки... Одиннадцать часов была лошадь, а шесть – рак.

Я взял деревянный стул, поставил под часами, встал на него, потянулся и положил ладонь на холодные металлические стрелки. Их последний толчок испустил дух под моими руками. Конец – моего деда больше нет.

– Когда я с похорон бабушки возвращался, он меня раз двадцать поцеловал, – расстроился я, – только попрощаюсь, отойду на шаг, он опять зовёт, снова целует. Не успею и шагу ступить – зовёт обратно, опять целует. Я засмеялся – не в армию же уожу. Оказывается, уходил-то он. А получил письмо от него, поду-

мал: “Совсем отстал от жизни дед: тут тебе и интернет, и телефон, и факс – кто теперь письма-то пишет?..”

– Что он написал? – поинтересовалась сестра бабушки. – Денежки-менежки были у него?

– Написал всего несколько строк: “...Я решил было в середине октября помереть, но не захотел портить людям сбор урожая, подумал, пусть делают своё дело, соберут запасы на зиму, чтоб со спокойной совестью сели за поминальный стол, на упокой души выпили... Ничего не случится, если через десять дней умру. Но через десять дней, в час дня, из Москвы убитого привезли. Молодого парня. Подумал: пусть двое похорон друг другу не мешают, люди растеряются – куда пойти. Тот покойник молодой был, подумал – не стоит его долю слёз с ним делить. Независимо от меня днём моей смерти стала первая суббота ноября, девять тридцать утра...”

– Значит, в девять тридцать, – виновато посмотрела старуха на остановившиеся часы.

Я вспомнил день похорон бабушки, жалкий, несчастный вид деда, как бабушкина сестра злобно шипела на едва-едва держащегося за палочку старика.

– Бедняга умереть решил...А ты говорила – женится.

– Ну да, говорила же – один не останется, – не сдавалась она, – разве это не то же самое?... он же один не остался? Устроил же свою жизнь?

Господь решил помыть ад

В том году уровень Севана резко упал: дно озера дало трещину и вода убегала под землю – наводнять ад. После этого

потопа где бы отыскал сушу какой-нибудь сатана-Ной, да и отыскал бы вообще? – нас мало волновало, потому что решение Господа помыть ад нам дорого обошлось. Гектары земли, прежде бывшие дном озера, совершенно пустынные, расстились под солнцем и не понимали, что они будут делать в качестве суши. Срываясь с жуткой высоты горных вершин, ветер свистел, завывая, налетал на оголившиеся озерные валуны, изрытые дуплистыми пещерками, которые своими мягкими ртами вырыли-изгрызли рыбы. Изрытые камни для рыб были дворцами, для повидавшего бездонные пещеры Гегамских гор ветра – всего лишь дырками, и он, как мог, издевался: продевал палец, вдувал воздух, швырялся песком, хлестал хвостом по мордасам. И щербатые камни без толку сохли под солнцем, и, наполнившись воздухом, тёмные пещерки расположенных друг над другом рыбьих домов покрывались известью, белели по краям. Лишь несколько ящериц изредка, сгорая под солнцем, обращали эти отверстия во временное убежище – скользя влезали, скользя вылезали, и бывшие пристанища рыб так и не ощущали живого дыханья.

Кое-где земля отрыгивала взятое – вода подымалась, небольшими блюдцами покрывала песок, загнивала под солнцем, зацветала водорослями, по краям покрывалась корочкой – как открытая рана. В этих зачервивевших землях стояло зловонье и быстрее темнело... Лоскутки озера там и сям уже звались болотом, и перед дождём лягушки – эти русалки болот – давали концерт, квакая невпопад.

Поговаривали, что через эти дверца из-под земли приходят ведьмы, похищают сердца и души, уносят в дар прародителю зла. Раскрывшиеся из-за болот гнойные глазки ада за десять лет поглотили уже трёх коров. В жаркие дни появлялись и змеи – поесть тут мягоньких лягушек... Другие обезвоженные части суши – чистый песок, преданные озеру валуны – со временем покрылись деревьями, чтоб через их корни украдкой возвращать из-под земли утраченную воду.

Наш дом на землях обмелевшего озера вырос позже, чем три больших тополя во дворе. Когда мы переселились, на них было

довольно много вороньих гнёзд – скучившись, как злые мысли, они чернели на верхушках. В ветреные дни, когда макушки тряслись как припадочные, только что вылупившиеся птенцы сыпались вниз, но их даже кошки не ели – невкусны они были и черны. “Независимая республика ворон”, – шутили мы о своих тополях. Любовью пернатых было озеро, которое в сердцах выплёвывало по берегам лягушек и рыб. Птицы пикировали на голубые пески озера, ходили, роя голубой берег клювами, терпеливо ждали, пока пенистая вода не схлынет, пока выброшенные из воды беспомощные рыбы не забьются судорожно... ворон знает самое мягкое место на рыбьей голове, и крепкий клюв привычным движением вонзался в глаз... нечто вроде затмения солнца... а за глазом был мозг – вкусный. Если птица обладала вкусом, то, отобедав в глазнице, удалялась, оставляя тушку тем, кто придёт после. Независимо от того, была рыба мертва или нет, в миг удара клювом её хвост мелко-мелко дёргался кверху. Хотя наши вороны взлетали-достигали скользивших по безграничности облаков, с небом у них особой связи не было, потому что от их клювов вечно несло падалью, в то время как другие птицы ими пели.

По расчётам матери, к тому времени, когда озеро начало мелесть, тополям было сто сорок лет. “В приличных странах такие деревья охраняются государством”, – гордо говорила она.

Как-то к нам во двор заявили самое меньшее семеро мужчин с пилой “Дружба”, которой в одночасье целый лес можно повалить. Они соскочили с трактора, на котором приехали, и направились к тополям.

– Бедняги, – пожалела мать прибывших, – пусть спилят тополя, заберут. Это беженцы – зимой сожгут.

– Спилить дерево и убить человека – одно и то же, – сказала сестра.

– Да разве это дерево? Ни плодов не дает, ни тени... одни гусеницы сыплются, мой сад разоряют.

– Столько лет не разоряли, а теперь разоряют?

Но мать была непреклонна.

– Пока я жива, – сказала она, – решать буду я.

Мужчины принялись вершить жестокий суд над деревьями – ветка за веткой. Пила с визгом седлала ветку, и через мгновение та со свистом валилась вниз, влача за собой птиц и птичьи гнёзда, гусениц и жуков, грибы и улиток, и расшибалась лицом о землю. Листья, пыль, крик и грай испуганных птиц, вздрагивающая от ударов земля, голоса людей... Гнёзда птиц до земли не долетали – разлетались в воздухе, и их стенки – сухая трава, пух – смешивались с поднимающейся от земли пылью. Птицы металась в воздухе туда-сюда, в панике налетая друг на друга, затемняли облака и небо – и в ужасе кричали, кричали... Один из мужчин даже предложил: “А не перестрелять ли нам их?”

Спустя часы тополя стояли перед глазами у мира голые и потеранные, как ошипанные в драке петухи. Над головой у них, как вестники ада, зловеще каркали бездомные вороны. Старые вороны с резким карканьем налетали на мою мать, но боялись людей – не клевались. Со злости кружили, кружили, как вихрь... и над головой у нас вороньё стояло чёрной тучей.

К вечеру от наших тополей осталось три живых столба – торчали между небом и землёй, будто не давали небу с землёй слиться. Под самый конец один из мужчин надел на ноги похожие на когти кривые железяки, поднялся по голым столбам, и пила “Дружба”, напористо визжа, распилила сверху, кусок за куском, столбы. С каждым падавшим куском небо опускалось всё ниже и ниже и, опозоренное, осело на землю.

– Их, – наш сосед указал на круглые обрубки, – можно поставить в саду – вместо стола и стульев и до самой зимы попивать там кофе.

– Пусть уносят, – сказала мать, – жалко их, это беженцы, пусть жгут, зимой согреваются. Если я захочу стол и стулья в саду поставить – знаешь, сколько денег мне сын из Греции посылает, итальянскую мебель куплю, поставлю в своём саду.

– Помнишь, – засмеялся тракторист, – твоему сыну ещё трёх лет не сровнялось, а ты, как красивую девушку встречала, говорила: когда вырастет, за него посватаю. Сыну двенадцать лет было, а у тебя уже со всем селом сговор был.

– Вот твою-то дочь как раз и возьму себе в невестки, – с ехидцей сказала мать.

– Моя на двадцать лет моложе твоего парня...

– Что с того, – рассердилась мать, – или наша соседская жизнь в одной деревне, мой почёт и уважение не стоят того, чтоб ты на эти двадцать лет закрыл глаза?

Тракторист засмеялся и ответил: стоят. Мать, довольная, “вот так-то” сказала. Сказала: “А я не стану твою дочку сватать: она заигрывает со всеми напропалую”. После чего тракторист привязал к заднику старого трактора распиленные чурки и тронулся. Чем дальше удалялся трактор, тем больше вспучивалась земля вокруг пней... пухла, пухла, пухла и опа! – вылезли метровые корни – выскочили наружу точно удалённый зуб, вместо крови обдавая всё вокруг мокрой землёй. Выставились щупальцами гигантской медузы, и “Конец, – сказал тракторист, высунув голову из кабины, – вы тут как знаете, а я поехал – дела...”

Сестра побежала к корням деревьев. Сосед закричал-де, близко не подходи, вдруг корни змеями опутаны.

– Жалко. – Мать взглянула на корни и сказала сестре, напуганной одним только именем змеи и застывшей на полпути. – Знаешь, твой брат в Греции на старухе женился... старше меня даже.

– Значит, полюбил...

– Что там любить?.. В этом возрасте в женщине ни хрена не остаётся – душа изношена, гормоны растрочены... разве такую можно любить?.. Небось, ради денег, – расплакалась мать и растерянно села на землю. Плача она смотрела и смотрела на корни, выставившие к небу свои когти, которые тряслись, раскачивались, сжимались и разжимались, как дождевые черви. Мокрые комья летели от них вправо и влево, и чёрные щупальца, как райские змеи, ползли к небу. “Запачкали землёй небо”, – пожалела мать и ещё горше заплакала. “А вороны что станут делать? Все деревья в селе, вместе взятые, не смогут их принять”, – сказала я, устав от вороньего карканья. “Чтоб они сгнули! – прокляла ворон мать. – Они всё и накаракали”, – всхли-

пывала она. “В конце концов, это были всего лишь деревья, – утешила я, – не умирать же нам из-за двух-трёх деревьев...” – “Со стороны легко говорить... – вздохнула мать. – Великая жестокость случилась... как этот парень за мои слёзы расплатится? как за чёрное карканье этих ворон ответит? Что же это за ад такой должен быть, чтобы всё это там поместилось...” – И слёзы всё лились и лились. Я смотрела на её горячие слёзы и вдруг поняла, что из всего нашего добра мать только эти деревья и любила. Брат мой надругался над её мечтами, а она – над его наследством... Если когда-нибудь он вернётся, не будет у него больше гигантских тополей, на которые в минуты усталости облакачивалось небо и на верхушки которых в ветреные дни натывались облака. А вороны будут каркать над нашим домом столько времени, покуда какой-нибудь сатана-Ной не обнаружит какую-либо новую сушу – свой собственный ад.

Речь идёт об осени

Ветер стучал в грудь неба и оголял её, стаскивая облака, сосок за соском обнажались звёзды. Уставившись в небо, я дремлю. Веки тяжелеют, тяжелеют, только хотят закрыться – вскакиваю, преодолевая себя. Я ей сказала, что до поздней ночи читаю, и каждую минуту она может постучать в дверь, или позвонить, или прислать какую-нибудь весточку, или что там ещё...

Старуху я не узнала, позвонила мне утром и до того была уверена, что узнаю её по голосу, – не представилась. А я, чтоб не ставить её в неловкое положение, не спросила. Должна была прийти, и нет её. Сердце подсказывает – надула. Но как-то не верится: старческий, тусклый голос, человек уже свёл счёты с жизнью, что за интерес – обманывать.

Ветер под окном постукивал по жухлой траве, ломал ей спину. Не могу поверить, что творящий эту жестокость весной был юным зефиром, и беспрерывно зеваю.

Зловеще завывая, ветер, кипя сам в себе, зашипел, унесся ввысь, с размаху ударил, сунул луну под облака. Бледный, бескровный лик луны скользнул сквозь облака, над, под и между ними... играя в жмурки, вырвался из рук ветра и выплыл на открытое место. Ветер снова ка-а-ак ударит бешено... луна подпрыгнула вверх, звякнув шлепнулась о горы, кувыркаясь по неровным склонам, достигла озера, смешалась с рыбьей чешуёй и холодно блеснула. Пенная волна бросилась на берег, подобрала в мокрый подол луну, унесла. Светило нырнуло в воду, захлебнулось, кануло... озеро стало молочно-белым. Небо нахмурилось-посинело: у него больше не было сил изобрести новую луну, но кое-где от звёзд, как из сосков здоровой кормилицы, сам собой лился белый свет на жаждущие устья ущелий... Мне уже ничто не интересно – ни душераздирающая истерика осени, ни утопленница-луна, ни её приход, – засыпаю.

Телефон... в пять утра.

– Доча, ты дома?

– А где же мне быть на ночь глядя!

– Значит, так, никуда не уходи, с утра пораньше приду, – произносит тусклый старческий голос.

– Нельзя было подождать, пока рассветёт? Чуть сердце не остановилось, или не знаешь, что ночью только о плохом сообщают?

– Знаю, доча, только ждать нет времени, сердце разрывается... Ты дома, нет? Приду. Есть кое-что с тобой обсудить, только ты и поймёшь. – Она называет меня “доча”, и было бы очень стыдно не узнавать её, хотя и точно знаю, что лишних родителей не бывает, что невозможно иметь внебрачного отца или мать, как оставленного в студенческие годы в каком-нибудь городе и выросшего самого по себе ребёнка.

Чтобы понять, с кем говорю, начинаю издалека:

– Буду ждать, приходи, но прежде скажи, твой сын поправился? – Конечно, я не догадываюсь, кто моя собеседница, но сын

уж точно должен быть. Женщины этого возраста рожали детей одного за другим, пока не родится мальчик.

– Ох, не сыпь мне соль на раны, приду – поговорим. Ты дома, нет? Смотри не уходи, тресну, если не поговорю с тобой.

Так и не поняла, кто это, но пригласила:

– Жду. – Придёт – увидим.

У меня было небольшое дело – уплатить коммунальные счета, но ещё два дня оставалось до крайнего срока. Хотя она поступила по-свински, испортив мне утренний сон, но кто бы она ни была – жалко, пожилая женщина, наверняка всеми брошенная. Разве что из нашей деревни, иначе откуда ей меня знать. В ушах у меня снова прозвучал её тусклый голос: “Доча...” Жалко стало. Сделаю доброе дело, приму, угощу кофе, терпеливо выслушаю. К чужой боли я всегда терпелива.

Весь день просидела дома. А она не пришла. Но вечером позвонила.

– Ах, доченька, – не дала даже пожаловаться, сама начала, – тебе и невдомёк, что стряслось... Тот, из нашей деревни... – Я ждала, что хоть деревню назовёт или покойника, но впустую. – Словом, завтра... завтра непременно приду, смотри, вдруг не уйди.

– Не обмани, я из-за тебя коммунальные счета не оплатила, завтра последний день, не то воду, электричество – всё отключат.

– Нет, приду, до часу непременно приду, до трёх поговорим, потом пойдёшь по своим делам.

– Договорились, буду ждать.

Жду с нетерпением... до вечера, до скольких-то минут одиннадцатого.

– Ох-хо-хо, – в одиннадцать ноет в телефон, – да что же это такое, наверняка без нечистой силы не обошлось... – говорит, ни имени своего не называет, ни чистых, ни нечистых, ни кого другого, чтоб я поняла, с кем дело имею. Надо было в самом начале имя спросить, теперь уже неудобно. – Доча, завтра... если и завтра не приду, знай – померла я. Уже деваться некуда, сердце полным-полно... того гляди – разорвётся.

– Ну ладно, – утешаю её, – до завтра потерпи, сердце своё уговори, чтоб не разорвалось, придёшь, поговорим, полегчает.

Электричество отключили. “Ну разве я не идиотка, иду на поводу у какой-то полоумной; что такое десять минут? – сбегала бы, заплатила. Я ей нужна? Пусть бы пришла, подождала”. Как бы там ни было – уже поздно: и счета не уплатила, и она не пришла. Есть же такие идиотки вроде меня – ищут кого-то, чтоб его горе разделить, чужой болью поболеть, чужие заботы на себя взвалить. “Ну и дура же ты, жизнь для тебя – боль и горе; если даже своего не найдётся, чью-нибудь присвоишь”, – упрекала и ругала сама себя... Было уже девять часов, на ощупь передвигаясь в темноте, натыкаясь на стулья, отправилась спать. Не успела веки смежить – телефон:

– Доча...

– Пошла ты к чёрту! – ору в бешенстве.

– И не стыдно тебе, – воспитывает из телефонной трубки, – я тебя вырастила, а ты меня оскорблять?

– Я не брошенный ребёнок, чтоб чужие меня растили, да и тебя знать не знаю.

– Как же так?... А когда твоя мать ходила на работу... а когда твоя бабка померла, вас на руках принесли к нам домой, чтоб вы, ещё совсем дети, со смертью не встретились... чтоб... ты и вправду меня не знаешь?

– Не знаю и знать не хочу.

– Ну ладно же, я буду не я, если тебе глаза не выцарапаю.

Утром решаю сначала двор подмести, потом сходить оплатить счета, потом зайду в магазин, сладкое – самое лучшее лекарство от стресса, особенно от такого ... размышляю, и веником – шып, шып, шып – нервно вожу по земле. И вдруг калитка – скрип...

– Девка... чтоб тебя... ты что это, львиного сердца попробовала... как ты со мной разговариваешь?! – Жена дяди моего отца, из тех мумифицированных бабушек, которые в восемьдесят лет как бы застревают в этом возрасте – и ни старости, ни смерти: ау, где ты, вечность, я пришла. Одной рукой подбоченилась,

другая поигрывает палочкой, чтоб если какое-то слово или что-нибудь... Со страху притворяюсь – смеюсь:

– Ой, какая ты наивная... значит, не поняла, что я тебя разыгрывала? Нет, правда, ты такая наивная?

Обезоруженная, прячет руки под фартуком.

– А я-то думаю, совсем эта девка сдурела...

– Скажешь, тоже... заходи, заходи. Давай поглядим, о чём речь.

– Сегодня – нет, завтра, – отказала, – завтра около трёх... никуда не ходи... ты дома, нет?

– Да, буду ждать, приходи.

Опираясь на палку, медленно уходит. Шаг, другой, на третьем останавливается:

– Зайти времени нет, но рюмочку чего-нибудь выпью.

– У меня грушовка только, туго идёт.

– Неси уж, – махнула рукой, – и не такое пили...

Вырвала у меня из рук бутылку самогона, надела рюмки на пальцы.

– И солений...

...После третьей рюмки она в моих глазах сделалась индийским богом – с несколькими головами и бесчисленными руками. И своими бесчисленными руками опиралась на ограду, наклонялась-брала соленья, бесчисленными головами крутила вправо и влево, бесчисленными устами произносила тосты. Наконец обняла свой живот:

– Треклятый, сейчас начнёт, – и пошла, – значит, завтра.

Умираю от любопытства – сегодня, завтра или в другой какой день, положим, придёт – что будет говорить, о чём, что у нас общего, чего я не знаю, столько лет ни связей, ни признака родственной близости... Вот бы узнать – о чём нам говорить-то. Ну да ладно – завтра так завтра.

Я уже зла до предела: или старуха рехнулась, или меня за такую принимает.

– Душа моя, – убеждает по телефону, – голова закружилась, упала я.

– Не прикидывайся, – я в бешенстве, – будет врать. – Хотя я уже догадалась: какое там враньё, просто когда студёная рука осени коснётся жизни, человек, чтоб справиться с ужасом внутри себя, хватается за самый ничтожный, прежде казавшийся ничего не стоящим шанс, и рука сама собой тянется к телефону – алло? Проверяет: есть ли кто на том конце провода? Как школьная переключка, когда по очереди читают имена и дети один за другим встают: я. В журнале её памяти – только моё имя, остальные уже окончили, или переехали в другой город, или остались на второй год, или из школы их исключили ... – Если это известная мне голова, то ей неизвестно, что значит кружиться: как вечный двигатель, работает без остановки.

– Да нет, доча... что ты такое говоришь, быстрее земного шара кружится... но где уж тут жаловаться, кто со мной цацкаться будет?

– Ну ладно, раз тебе плохо, я сама приду.

– Да нет, дружок, завтра... завтра приду... сердце так полно, доча... такого ты небось не слыхала. Если и тебе не расскажу... кто у меня ещё есть, не тащить же с собой на тот свет.

Не пришла. На другой день тоже не пришла. От злости у меня разболелась голова, но время от времени думала: а вдруг вращение быстрее земного шара окажется правдой?.. осень, ветер, луна, бессонница, погодные колебания плюс старость... А что, если упала, голову разбила, лишилась сознания, крови много потеряла... умерла?..

Бегу, бегом бегу. Во дворе на верёвочках, натянутых от подсолнуха к подсолнуху, качаются рыбы, нанизанные через глазные отверстия, от слабого ветерка бьются друг о друга, постукивают. Хотя рыбу именно так и сушат, но я похолодела: к этому времени рыба, конечно, давно сдохла, но что ощущал тот, кто нанизывал, когда вдевал иглу в чужой глаз?.. А она, сидя в тени подсолнухов, нюхает табак. Подвигается вперёд, подставляя правый бок холодному солнцу. Через несколько минут меняет позу, выставляет из тени ногу:

– Солнечная ванна – спасение для костей...

– Разве это солнце? – говорю. – Лысое, ни тебе лучей, ни тепла... как облезлое животное.

– Думала согреться и прийти, – начинает оправдываться. – Если не сядем, не поговорим – помру. Нужно чтобы кто-нибудь знал правду. Завтра, около трёх... никуда не ходи, приду, поговорим, не то тресну.

– Ну вот и встретились, – говорю и вхожу внутрь ограды, – зачем тебе до завтра мучиться? Зайду, сядем, поговорим.

Делает рукой знак, чтоб я ушла.

– Сегодня – нет. Сегодня голова не в порядке... иди домой, завтра... около трёх... позвоню, приду.

Выхожу из её двора. Немного отхожу и смотрю назад через плечо: как сытый кот, поворачивается с боку на бок под холодным солнцем. Потом берёт из травы стеклянную литровую банку – в ней полно рыбок, и ставит рядом. Суёт руку внутрь, достаёт рыбёшки размером с мизинец, глотает. Держа высохшими пальцами трепещущую рыбку за хвост, отправляет в рот и – ам!

– К-к-кошка?.. – заикаюсь от удивления.

– Какая там кошка, доча... – вздыхает, – народная медицина: язву желудка лечу. Проглотишь – в горле темно, тесно, сухо... от сухости рыба яростно бьётся, в агонии складывается пополам, трепыхается, колотит головой и хвостом по стенкам... сколько ни есть ранок – все снимает, уносит.

Продолжаю с сомнением смотреть на пустующую банку.

– Болезненно, – говорит, глотая очередную рыбку, – но это – спасение. Ой! Голова моя... да какая голова такую-то жизнь выдержит? – начинает меня убеждать, будто я что-то сказала, – восьмидесятилетняя голова... ты только подумай – восемьдесят лет!.. Иди, иди домой, завтра, когда приду, поймёшь, что только не вынесла эта голова...

– Да не придёшь ты, – машу рукой и ухожу. У меня за спиной рыбы, подвешенные на верёвках от подсолнуха к подсолнуху, дёргают хвостами, ветер шлёпает-стучит по ним, а потом заглатывает сухих рыбок, эти звуки, стоны старухи, качающиеся

подсолнухи... Вслед мне две вороны резко каркают – не знаю, что это значит в их словаре, но думаю, обо мне.

Поворачиваюсь. Вороны снимаются с ограды, взлетают до туч. Подсолнухи от ветра и от тяжести, повешенной на них, склонились друг к другу. Она, стоя между ними, тискает теперь животы нанизанных на веревки рыб – высохли уже? “Да не придёшь ты, – говорю я себе, – ты просто хочешь показать, что жизнь не кончена, что ещё есть что-то, что ты можешь сделать, есть какое-то место, куда ты можешь пойти. Что это ещё не конец”.

На следующий день – звонок:

– Ты дома?.. В четыре часа...

– И в четыре, и в пять, и в десять... для тебя я дома круглосуточно, когда хочешь, приходи, – смеюсь я.

– Не надо круглосуточно, самое позднее – в шесть.

– Договорились, – кладу трубку.

“Да не придёшь ты”.

ТАДЕВОС ТОНОЯН

Время ожиданий

ПЕРЕВЕЛ ГУРГЕН БАРЕНЦ

ПЫЛЬЦА ДРУГОГО СОЛНЦА

Льнет к ножницам цветок, даря себя,
Деревья отдаляются от неба,
И ветер бьет и гонит воробья,
Несет и бьет - сердито и свирепо.

Готовы почки в дерево врасти,
И рыбы жаждут с берегами слиться.
Должно, должно кому-то повезти –
Пыльцой другого солнца опылиться.

ИСЧИСЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Вот уже тридцать два года
Я живу без первой любви;
Десять лет уже ровно
Я живу без единственного друга;
Сорок восемь лет
Я живу без свободы;
Ровно семнадцать лет

Я живу без державы;
И уже тридцать пять лет
Я живу без мамы.
Значит,
Фактически уже сто сорок два года,
Как я одинок.

ПРИВЕТ ИЗ ДРУГОЙ ВЕСНЫ

Опять склонились мерзлые поля,
И души завершают перелет;
И смотрит с неба, над землей паря,
Тот, кто давно к себе нас всех зовет.

Я притерпелся к жизни, хоть она
Не столь длинна, как век моей страны.
Творец, я в небе спрятал семена;
Возьми и сохрани их до весны.

Из бездны вышла осень. Дни бледны.
В глазницах листьев исчезает свет;
Но кто-то, кто-то из другой весны
Мне голос подает: “Привет тебе, привет”...

НА СКЛОНИВШИХСЯ ПОЛЯХ

У осени – забытый привкус ветра;
Спит солнце на склонившихся полях.
Отец мой в небе ласков и приветлив,
Вином гостей приветствует в дверях.

И мы сидим на скошенной поляне,
Хвосты комет и небо – вот наш кров.

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Отец непостижим с его делами,
Вино дороже, чем венки и кровь.
Мы все отдали, все, что можно, взяли,
Боролись и остались не у дел.
Здесь, на земле, дерзали, проявляли
Свой гений
Армянин
Иль иудей.

ГДЕ БЫЛ ТЫ, БРАТ МОЙ?

Где был ты, брат мой, столько долгих лет?
Я искал тебя;
Мне, кроме тела, нечего отдать;
Что ж, время ожиданий подоспело,
Я объявлю, что жизнь уж на подходе.

Сургуч да олово – вот все, что мне осталось,
И я не выбираю никого,
Кто в современном летоисчисленьи
Замесит тесто, испечет нам хлеб;
Но и за них мне тоже придется
Держать ответ.

Где был ты, брат мой?
Тебя искал я
Столько долгих лет...

Ким Бакши

Девяносто восемь ступеней

Главы из новой книги

Это ровно столько ступеней от земли до бронзовых дверей Матенадарана. Ныне, с реконструкцией входа в хранилище древних манускриптов, это число изменилось. Но я не хочу менять заглавие книги. Пусть это будут воображаемые, живущие в моей памяти 98 ступеней. Ведь я почти пятьдесят лет ходил по ним. Так прошла почти вся моя жизнь.

Как родилась эта книга

Для меня это большая загадка. Теперь я начинаю понимать, что она незаметно началась за много лет до того, как вот этим необычно теплым апрелем (впрочем, перешедшим в заморозки, что привычно в нашей полосе) я сел за стол в своем доме в калужской деревне недалеко от Тарусы. Новая книга эта началась тогда, когда я и думать не думал о ней. Просто переживал вместе с Арменией удивительные события 1988-го революционного года.

Может быть, кто-то не помнит, а я помню отлично: это были времена огромного общественного возбуждения, необъятных надежд. Оправдались ли они? В любом случае надежды всегда плодотворны, они возвышают душу – человека ли, народа ли – все равно.

Я был тогда в Ереване, работал над очередными сериями фильма “Матенадаран” и всё видел своими глазами – что творилось. И строки дневника, который тогда вёл и который сейчас собираюсь перечитать вместе с вами, пахнут порохом. Помните, как у Пастернака: открыть окно – что жилы отворить...

7 июня 1988. Ереван

Утром шел с Кареном Григоряном в Матенадаран, он меня провожал. И у здания Оперы я увидел небольшую группу бастующих студентов. Они расположились на спальных мешках на базальтовой площадке у самого входа. Рядом приклеен плакат с требованиями этих сидячих забастовщиков. Читаем. Просят признать геноцидом массовые убийства армян в Сумгаите и от имени государства, от имени СССР, выразить соболезнование по поводу жертв. И Карабах, конечно Карабах! Свободу ему, против угнетения братьев в этом древнем армянском краю.

Светлым, ярким, похожим на день вечером возвращаюсь из Матенадарана в свою гостиницу “Ереван”, где в последние годы обычно останавливаюсь. Сажу в номере, читаю исследование Татьяны Измайловой о Евангелии католикоса Вазгена I.

(Читаю, но еще не осознаю, что этот потрясающий манускрипт связан с Карабахом. И что настанет день, и я отправлюсь в места, где он хранился.)

А под балконом моего номера тем временем проходит демонстрация. Стоустая молва скандирует: “Арцах – Карабах!”, “Арцах – Карабах!”.

Смотрю на идущих людей со стесненными чувствами сопереживания и одновременно – своей вины. Я же ведь с той, виноватой стороны, москвич.

Говорят, на сегодня назначен грандиозный митинг. Донеслись слухи об ожидаемых репрессиях, будет введен комендантский час. Что следственный изолятор освобожден, ждет демонстрантов.

19 июня 1988. Ереван

Снова прилетаю в Ереван, по тем же киношным делам, встречает Арто Давтян, наш второй режиссер и неизменный директор сериала “Матенадаран” в своей несменяемой и неснимаемой кепочке. Пока ждали багаж – железные коробки с фильмом, которые я привез после премьеры в Москве, Арто мне фрагментарно “освещает обстановку”. Дает почитать статью в “Строительной газете”, где напечатано интервью со знаменитым армянским строителем, баловнем Москвы, Гарником Минасяном, Героем Социалистического труда. Он рассказывает в ней о том, что заставило его начать голодовку на площади Оперы. Он увидел там голодающих студентов. Им по 18-20 лет... “Как же бросить их, наших сыновей?..” Читаю, глаза влажные... Гарник мой ровесник, 57-58 лет ему.

А Арто рассказывает о митингах, в которых участвуют сотни тысяч, и тоже подсыпает деталей, от которых трудно продохнуть. Как пришли, например, на митинг глухонемые, и рядом с микрофоном стоял их человек и им всё переводил на язык жестов. А они молча сжимали кулаки и голосовали “за”.

Арто продолжал свой рассказ по дороге, в такси, и в гостинице, куда я наскоро устроился, и мы пошли на площадь. Тогда это значило – к зданию Оперы. Арто показывает – вот там, у памятника композитору Спендиарову, голодали студенты, а сзади памятника голодал Гарник. Там же висел его пиджак с золотой звездой героя и орденскими планками.

Когда они там сидели и лежали, люди, собравшиеся на митинг, не курили. Написано: “Голодающие” – это было всё равно что надпись: “Не курить!” И сотни тысяч не курили на площади, выходили на соседнюю улицу.

Из окон на улице Туманяна передавали воду для участников митинга, а вечером подъезжали машины с едой, со свежеевропейским хлебом – кооператоры кормили бесплатно.

Была всеобщая забастовка, но в эту субботу и воскресенье (я прилетел как раз в воскресенье) все работают, чтобы покрыть ущерб. Чтобы их в Москве не могли упрекнуть в дезорганизации производства.

(Господи, какая сознательность и... какая наивность!..)

Организовался Комитет “Карабах”, он воздействовал на депутатов Верховного Совета Армении, чтобы они подписали документ с требованием созвать внеочередную сессию; депутаты упрямылись, не хотели подписывать, прятались. Народ их вылавливал, грозил отзывом. А одного известного взяточника забросали смятыми рублевками, плевали в него: на – подпиши!

Наконец, внеочередная сессия была созвана. Народ требовал от депутатов: официально признать Нагорный Карабах, воссоединить его с Арменией, соответственно просить согласиться с этим Верховные Советы СССР и Азербайджана. Но во время сессии председатель и другие руководители стали крутить, обманывать. Тогда народ двинулся к Верховному Совету; прорвали оцепление, засвистели дубинки. Начались волнения, кричали: уберите войска! Обстановка накалилась. И тут заиграл трубоч. Взобрался на 18-й этаж, на крышу и заиграл сначала “Танец с саблями”, а затем позывные Арно Бабаджаняна “Мое сердце в горах...” И все успокоились. Никто его не знает – этого трубоча, он как будто выпускник консерватории.

Ах, этот трубоч! Самой жизнью порожденный символ, метафора революции.

Потом вышли представители демонстрантов, допущенные на заседание, зачитали вынужденное решение Верховного Совета, разъяснили, что требования народа приняты. Призвали прекратить голодовки и всем отправиться по домам. Но сначала все пошли снова на площадь. С факелами несли на руках к “скорой помощи” тех, кто голодал.

А сколько благородных характеров проявилось в эти дни! Приводят в пример Алексана Матвеевича Киракосяна, бывшего первого зама председателя Совета Министров: как он выступил на сессии, – был уже пенсионер, – и про геноцид 15-го года сказал (тема была запретная), и про резню армян в Сумгаите (ее замалчивали). Это и Чекиджян, поднялся знаменитый дирижер – от него никто не ожидал. Виктор Амбарцумян, которого не очень любили и считали слишком близким к высшим государственным кругам, вошел к Долгих (большая московская бонза): “Называете армян экстремистами. Я экстремист? Посмотрите – я экстремист?..”

А сколько прекрасных писем пришло из России со словами поддержки! От Пиотровского, от Лотмана. Я думаю, почему я не отправил армянам тоже открытое письмо? Это странно, что не догадался. Причин тут, по-моему, две. Во-первых, я не отделяю себя от них. Не будут же армяне сами себе писать письма?.. Во-вторых, считаю себя небольшой величиной, чтобы такие письма писать – открытые, к народу.

Сильва Капутикян говорила обычно мне при встрече: “Ну что? Вы по-прежнему любите армянский народ? Вам хорошо, вы в двенадцатом веке...” И вот теперь можно любить армянский народ XX века, сегодняшний. Гордиться им.

Чувствую, что я свидетель событий великих, очень полезных для всех нас. Вот они, уроки Армении, а не гены истории. Интересно, приезжал ли сюда в эти недели Андрей Битов?

20 июня 1988. Ереван

Познакомился с одним из активистов Комитета “Карабах”.

Между прочим он рассказал о своей встрече с московскими диссидентами. Они удивлялись неопытности лидеров “Карабаха”, мол, не знают они правил конспирации – как грамотно спастись от КГБ, многого не знают и не умеют, но добились большего, чем все московские диссиденты, вместе взятые и за все годы. Потому что, добавили диссиденты, у вас великий народ.

А по-моему, дело не в природных качествах армян, хотя, наверное, с февраля за четыре месяца народ вырос колоссально. Дело в едином, властно возникшем стремлении. Вековая реакция на национальное и культурное угнетение, притеснение, на физическое уничтожение. Это всё подспудно жило в армянском народе и вот полыхнуло пожаром, сплотило людей.

И поэтому не нужна конспирация, как у наших диссидентов, которых народ не поддержал, – они один на один были с всеильным государством. Но при всей своей мощи оно бессильно перед восставшим народом. На удивление, Комитет “Карабах” действует без чёткой организации, железной дисциплины и других партийных штучек, к которым мы привыкли, и при этом всё как бы само собой делается. Народ сам все делает. Когда все взрослое население участвует в митингах у Оперы, им уж не надо руководить в нашем “партийном” понимании этого слова – вытаскивать, принуждать, уговаривать.

Так, наверное, уже было однажды в истории, и события в Армении мне объясняют загадку революции 1917 года. Я всегда удивлялся, как это горстка революционеров могла раскатать миллионный и тёмный, к тому же, наш народ. А все было сложнее и проще. Они (большевики и прочие революционеры) твердили в своих газетах и на сходках о народных требованиях, об эксплуатации, о 8-часовом рабочем дне и т.д. до тех пор, пока естественным путем истории, своим ее ходом (в котором была и их малая доля) народ ба-ранов превратился в революционный народ.

А иначе надо поверить, что миллионы людей повело за собой ничтожное число “подстрекателей”. Это словечко было в ходу в полицейских кругах 1917 года. Полицейские верили в то, что стоит лишь нейтрализовать кучку “подстрекателей”, и все нормализуется.

Кстати, это словечко активно употребляется и сегодня по отношению к армянам во властном словаре (а также “экстремисты”, “матерые националисты”). Существует дурацкая на-

дежда, что стоит их переловить, пересажать, а людей запугать, и все успокоится.

Вот они, уроки Армении...Это революция и революционный народ. И есть надежда, что и наш народ в России, наконец, проснется и так же, как армянский, стряхнет с себя апатию и семидесятилетнее подчинение. И в четыре месяца пройдет великий путь.

...Был вечер, стемнело. Я шел по улицам. А над головой гремели вертолеты, плыли как акулы. Я испытал десять процентов страха и девяносто – стыда.

21 июня 1988. Ереван

Погода в Ереване странная для июня. Прохладная, московская, с легкими, как пыль, дождиками. С прояснениями, с бледными просинями, с просверками солнца, с туманными пробелами, в которых потонул Арарат.

Сегодня, как всегда за последние двадцать пять лет, пошел в Матенадаран. Увидел лестницу, ступил на ноздреватый базальт – дырчатый заплесневевший сыр. Начал считать ступени... Их оказалось девяносто восемь – до самой бронзовой двери. Меня проверил мой близкий друг академик Самвел Григорян: он считал, а я волновался, но его счёт сошелся с моим. И закружилась голова от моих постоянных восхождений и непрерывных спусков.

Да, ровно девяносто восемь ступеней!

Лозы, покрытые причудливо изрезанной листвой винограда, декоративно пробирались меж статуй великих деятелей справа и слева от входа. Да, девяносто восемь ступеней. Ступеней моей судьбы.

Не обижайтесь, пожалуйста, и не упрекайте меня, дорогие мои читатели. Но думаю, это моя последняя “армянская книга”, седьмая по счёту. И поскольку это всё-таки так, я позволю себе обратиться к первой своей армянской книге “Орёл и меч”, 1970 года.

“У каждого народа есть свой Кремль, свой Лувр, своя Долина пирамид. В Армении – это Матенадаран. В него вступаешь, как в концерт.

Сначала оркестр настраивает инструменты, разноголосо шумит Ереван. Поднимаешься по розовостенной улице в гору – звуки отпадают один за другим. Остаются оглушительное чирканье воробьёв и гортанный крик ребятишек, играющих на ступенях плоской и бесконечной лестницы.

Это звучит как первая музыкальная тема. И вместе с ней, параллельно ей, возникает и с каждым шагом вверх усиливается торжественная мелодия Матенадарана.

Он величественно надвигается, нарастает как крепость, как памятник. Его фасад на фоне гор – как хоран, начальная страница древней рукописи, одной из тех, что хранятся в нём”.

Тогда, в 1970-м, мои молодые ноги легко несли меня вверх по лестнице. Спусти двадцать лет и я был немного другой и Ереван звучал по-иному, грозно.

Стоило мне появиться в Матенадаране, как уже в вестибюле мне вручили письмо в ЦК КПСС от имени коллектива Матенадарана. Меня удивило, что и здесь, в хранилище вечных рукописей и среди очень образованных людей, всё так политизировано, все наивно верят в письма, резолюции. А стоило мне заикнуться насчет манускриптов – как бы их посмотреть, – в ответ мой друг Арташес Матевосян (для меня он Артюша, а вообще-то великий ученый) потащил меня наверх. В выставочном зале подвел к широкому, забранному ажурной сеткой окну, сквозь которое открывается бесконечная перспектива Проспекта. Перед ним много лет уже стоит витрина с заключенным в ней камнем с армянскими письменами – надписью, по правде сказать, виданной мною-перевиданной, но не читанной. В ней говорится о монастырской библиотеке-матенадаране. Я никогда не интересовался, из какой стены взят камень, понимал – смысл экспоната в том, чтоб показать посетителям: много веков назад была в Армении грамотность, книги, библиотеки. Матенадаран не вчера взялся.

И вот стою, читаю...

“В 1204 году я, Тер Ованнес, с большим трудом построил эту церковь и собрал кресты и РУКОПИСНЫЕ КНИГИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В НЕЙ ТЕПЕРЬ, разбил виноградник Джотац и насадил новые саженцы. Затем монастырь с приделами при содействии владыки Атерка передал старшему брату моему Гасану и его сыновьям. Кто нарушит сие условие, да будет наказан Богом”.

“Во имя Бога, это моя, Гасана, надпись о том, что, когда мой брат построил церковь и передал мне весь монастырь, я подарил Хндзорабак с приделами этой церкви, кто противится этому, тот против Бога, кто нарушит это, да не будет помилован Богом...”

Артюша указывает мне, что это фрагмент плиты из Хатраванка. (Банк по-армянски – монастырь, Хат – имя ученика апостола Фаддея, который вёл в первом веке в Армении проповедь христианства.) Так вот, этот Хатраванк, оказывается, находится не где-нибудь, а в Арцахе. Вот в чем дело! Сейчас все это вызывает особый интерес. В связи с притязаниями Азербайджана, исторические свидетельства об исконной принадлежности Арцах армянам очень ценны. А кто лучше знает об этом, как не в нашем Матенадаране.

Артюша говорит новые для меня вещи: два знаменитых Евангелия, гордость Матенадарана, – Ахпатское, 1211 года, и Таргманчац, 1232 года, хранились, лучше сказать: “сохранились” в Арцахе в этом самом Хатраванке. Так что эта расколотая на три части плита с надписью, впаиваемая в витрину, – очень важное свидетельство.

Боже сохрани! – я не ставил под сомнение рассказ Артюши о том, где были два знаменитых манускрипта до Матенадарана, их связь с Арцахом; меня интересовали подробности – откуда узнал. Так я узнал от Артюши, что в тринадцатом веке был такой полководец Григор Арцахский. Со своим отрядом он ходил в походы вместе с монголами – они громили турок-сельджуков, извечных врагов армян. Из походов он привозил спасённую из

разрушенных армянских церквей утварь и – особенно – книги. Так он спас два Чарынтыра – сборника торжественных речей, Книгу церковных канонов католикоса Ована Одзнеци, роскошное киликийское Евангелие, переписанное и украшенное в тысяча сто шестьдесят шестом году. В Матенадаране оно неизменно было представлено на выставке как образец киликийского искусства книги. И всё это Григор собрал в монастыре Хатраванк.

Евангелие же Таргманчац появилось в этом монастыре как дар другого Григора – князя Допяна: у него умерла жена и в её память он принес Таргманчац в монастырь.

Теперь об Ахпатском Евангелии. Артюша – тонкий исследователь – заметил в обеих рукописях знаки взаимного влияния, признаки того, что было время, когда они жили вместе, в одном монастыре, стало быть – в Хатраванке.

Боже мой, вот уж действительно не знаешь, что тебя ожидает в будущем! Пройдет двадцать лет, точнее, девятнадцать с лишним, и я обязательно захочу увидеть этот самый Хатраванк.

С великим трудом в мои 76 лет поднимусь к монастырю по бесконечной, заросшей и пропадающей тропе сквозь чащи и буреломы, перейду ручьи по камням и рухнувшим деревьям. И каждый спуск, который, казалось бы, облегчал мне путь, не радовал меня: я уже знал, что за спуском на обратном пути последует подъём.

А перед этим мы в горестном недоумении остановились на берегу по-осеннему стремительной реки Тартар. Чтобы найти Хатраванк, надо было пересечь реку, но как? Не лезть же в пронизывающий холод, это и летом было страшно, тем более в октябре. Один из местных ребят, охотник и следопыт, участник боёв с азерами, посоветовал нам раздобыть мощный грузовик “Урал” – он упрётся носом в берег, а мы перелезем по кабине, по его крыльям, спрыгнем на тропу. Так мы и сделали.

Добравшись до стен монастыря, я попытался среди не обозначенных на планах руин найти книгохранилище. Предстоял ещё пугающий обратный путь. На ватных ногах я начал спуск,

но последние метры до “Урала” тропинка мне показалась будто намазанной мылом и я поскользнулся в горную речку, в ее несущийся холод. Хорошо, что шедший за мной и страховавший меня местный парень, схватив меня за задницу, подвесил над водой и помог перелезть в кузов грузовика. Оказывается, мой друг Акоп все время фотографировал мои приключения.

Читаю дневник и, конечно, с трудом вспоминаю обстоятельства тех дней. Артюша из выставочного зала заставил меня спуститься вниз, в подвал, в хранилище, в царство главного хранителя Геворка Тер-Варданяна. Там с его помощью выстроил солидную стопу (по-моему, даже две) знаменитых книг, созданных в разное время и в самых разных регионах Армении; одно у них было общее – все они долгие века хранились, а верней сказать, спасались в Карабахе – в церквях, монастырях, дворцах князей, меликов, и уже из Карабаха в разное время и притом самыми причудливыми путями попали в ереванский Матенадаран. Но и не только – в Париж, Лондон, Вену, Рим, Венецию, Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анжелес. Об этом я узнал много лет спустя.

Но слова “хранились”, “спасались” были произнесены Артюшей ещё в 1988 году и записаны в моём дневнике. Однако не были поняты, оценены мной. Но всё же, как выяснилось, залегли в сознание, как не востребованный запас. И сегодня, после стольких прошедших лет, заполненных путешествиями по Арцаху, работой над армянскими рукописями в крупнейших мировых собраниях книг, часами раздумий над древними манускриптами, они вернулись ко мне, эти ключевые слова, вернулись, как важнейшая тема новой книги: **Арцах (Карабах) на протяжении столетий был в истории армянской культуры Матенадараном, то есть хранилищем, сохранил для народа самое ценное – книгу, манускрипт. Карабах был сокровищницей, полной незримых животворящих семян культуры, ныне востребованных в мире, нужных сегодня людям.**

Итак, моя книга – о земле-хранительнице народного духа – об Арцахе.

“Я укрепил эту дружбу стихами...”

Вступление в книгу

АХ, ЭТА СТАТЬЯ “КАРАБАХ” – ПРОРОЧЕСКАЯ, ПРОВИДЧЕСКАЯ, ПОРАЗИТЕЛЬНО ТОЧНАЯ ПО ПОПАДАНИЮ В ИСТИНУ...

Она была опубликована больше девяноста лет назад – 23 марта 1919 года в газете “Кавказский вестник” и принадлежала перу Сергея Городецкого, известного русского поэта серебряного века, ныне почти забытого. Впрочем, тогда он выступал не в качестве поэта, а популярного военного корреспондента.

Война с турками шла успешно (в отличие от бездарной российско-германской), русские войска и армянские добровольческие отряды громили турок. Это было накануне того обманного и ужасного, что имело такие плохие последствия: Ленин подружился с Ататюрком, возложил на него напрасные надежды. Ах, это наша вечная русская вера в теорию, которую сами же и создали! И в результате русские оставили Западную Армению и армян на растерзание головорезам.

Это произойдёт через считанные месяцы, а покамест русское общество живо интересовала успешная война с турками. Корреспонденции с театра военных действий, как тогда говорили, читались взахлёб. Благодаря войне Сергей Городецкий увидел армян, Армению, Карабах. Игдыр у подножья Арарата, Ван – растерзанный рай. И до самой своей, к счастью очень поздней, смерти помнил о своей молодой поездке, был верен армянам, хранил о них дорогую память. Хотя это и звучит почти фантастически, мне в этом посчастливилось убедиться самому.

Мы на филфаке МГУ “не проходили” Сергея Городецкого, до сих пор не понимаю – почему.

Имя его было на слуху в литературных кругах в конце десятих и начале двадцатых годов прошлого века. Современник и

хороший знакомый всех великих серебряного века, он занимал видное положение если не в поэтическом строю, то в литературных взаимоотношениях своего времени. Друг Александра Блока – вместе учились в Петербургском университете. Вместе с Гумилёвым Городецкий – организатор имажинизма. На первую поэтическую книгу его, кроме А.Блока, положительно откликнулись Брюсов и Макс Волошин, Вяч.Иванов и Пяст. О нём писали Горький и Луначарский.

Этого ничего я не знал, но имя Городецкого слышал. Я запомнил его в связи с легендой, бытовавшей вокруг него, – рассказывали, что однажды к нему в дом пришел деревенский юноша из-под Рязани, этакий златоволосый Лель. Это был Сергей Есенин. Городецкий отнесся к нему поначалу как мы сейчас к таджикам, поручал то, что сами мы не хотели бы делать – помыть и натереть полы, например. Но прочтя первые стихи Есенина, восхитился и дал юноше ход, открыл ему путь в литературу; как сам неоднократно о том говорил – открыл Есенина. И я это сам от него слышал.

Насчёт натирания полов – это вряд ли. Есенин пришел к нему с письмом-рекомендацией от Александра Блока и кипой стихов, завёрнутых по-деревенски в тряпицу.

Он жил у Городецкого несколько месяцев. Играл на гармошке-тальянке, пел частушки...

Городецкий всю свою жизнь любил Есенина. Вот отрывок из письма Есенину от 4-го июня 1915 года:

“...Все мне кажется, что я на тебя не нагяделся и стихов твоих не наслушался. Пришли мне книжку твою теперь же, хоть какой она есть. Будь здоров, весел и певуч. Не забывай про меня. Целую тебя нежно. Не влюблён я в тебя, а люблю здорово. Твой Сергей”.

Позволю теперь немного личных воспоминаний. В то время, в 1957-58 году, я работал в литературной редакции Всесоюзного радио, был лихим репортёром, умело пользовался портативным магнитофоном, который тоже, кстати, носил название “Репортёр”.

В те годы еще были живы многие знаменитые писатели, некоторые ещё при всей своей большой славе и известности, некоторые – полузабытые, холодные персонажи истории советской литературы. Среди известных были Леонид Леонов, с которым однажды мы провели целый день на студии звукозаписи. Борис Пастернак. Константин Федин. Но был и Федор Гладков, автор “Цемент” и ещё многих повестей конструктивистской поры, ныне давно уже забытый. Или Павел Радимов, поэт и художник, тонкий, лирический пейзажист. Он доживал свои годы в Абрамцево, вел дачное хозяйство, мастерски солил огурцы. О чем написал гекзаметром в длинном стихе, который очень нравился Репину, с которым дружил. Репин и Поленов рекомендовали его в Товарищество передвижников. Очень интересный был старикан, добрый и радушный.

Зачем я тогда записывал их голоса на плёнку? Право слово, сейчас и не знаю. Но увлекательное это было дело – знакомиться с такими замечательными людьми. Само ожившее время! После меня, уже на профессиональной основе, это дело прекрасно повёл Глеб Скороходов.

Однако – не помню уж откуда – я узнал, что в Москве живёт Сергей Городецкий. В это было трудно поверить: неужели он жив-здоров? Однако он охотно ответил на мой звонок и пригласил в гости.

Не помню район, где он жил, не помню обстановку в квартире и что было на стенах – картины, старые фото? Но помню общее впечатление от него. Это не был древний старик, расслабленный и т.п. Он был молодцеватый, такой тип подсушенного временем джентльмена, был сух, высок, похож на свои ранние портреты.

У него был готов для печати сборник стихов, какие-то воспоминания – о Блоке, Брюсове, Есенине, Ованесе Туманяне. Проза – два романа, действие которых происходило в Турецкой Армении, рассказы. Была и книга-альбом рисунков цветными фломастерами. Эта манера была для меня новая, и, честно гово-

ря, рисунки не слишком мне понравились, о чём я, естественно, умолчал.

Тогда Армении, как темы жизни, у меня даже в мыслях не было, а очень жаль: стоило бы его расспросить, как он бывал в Западной Армении, например, что видел при обороне Вана...

Вот теперь я достал двухтомник Городецкого, прочёл его два романа на армянскую тему (при его жизни они так и не увидели свет). В них замечательными для меня были два обстоятельства. Во-первых, критическое отношение “к своим” – к русским войскам, к казачьей коннице. Он не скрывает пьянство офицеров, разнузданность казаков, бездуховность этой среды, обманы. Во-вторых, всё то, что мы слышали и знаем о турках и курдах сегодня, знаем о трагической судьбе армян, вынужденных покинуть разрушенные жилища в Западной Армении, оставлять свою родину, – короче говоря, то, что уже нам всем известно и сделалось как бы общим местом, было сформулировано Городецким (может быть, первым!) прямо по горячим следам событий. Удивляешься пронизательности писателя. Строки романов живы сегодня и продолжают стрелять.

Отдельный том в двухтомнике посвящен поэзии Городецкого. С волнением открыл я в нём цикл стихов с характерным названием “Ангел Армении”.

Он мне явился в блеске алых риз

Над той страной, что всех несчастней стран.

Одним крылом он осенил Масис,

Другим – седой от горьких слёз Сипан.

В цикле – двенадцать стихотворений, написанных, в основном, весной 1916 года. И снова скажу: созданы они не по чьим-то рассказам, а по впечатлениям очевидца, вдыхавшего горький дым пожарищ разрушенного Вана, слышавшего многоустрый стон беженцев, видевшего трупы на обочинах дорог и белые кости армян в ущельях гор. Городецкий собирал детей армян в Ване и других разорённых пунктах и перевозил сирот в Игдыр – он совершил не одну такую экспедицию.

Полюбил ли Городецкий Армению? Этому посвящено стихотворение, открывающее цикл. Оно полно ожидания встречи с Арменией.

*Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу двери сердца отворить!
Армения, звенящая огнём и кровью,
Армения, тебя готов я полюбить.
Я голову пред древностью твоей склоняю
И красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!*

Цикл “Ангел Армении” был опубликован в Тифлисе в 1919 году и посвящён Ованесу Туманяну, с которым Городецкий подружился в Тифлисе и оставил о нём воспоминания. Он понимал своё значение. И не ожидал, видимо, что его стихи и прозу ждёт нынешнее забвение. Вот что он пишет в одном (из трёх) текстов, посвященных Ованесу Туманяну:

“Я считаю себя продолжателем славного дела Валерия Брюсова. Он ещё более подружил Россию с Арменией. Я укрепил эту дружбу стихами и работой на фронте...Дела двух русских поэтов подтвердили идею Ованеса Туманяна об исторической неразрывной связи армянского народа с русским”.

Лучше не скажешь и в 2011 году!

Так же пророчески и современно звучит окончание стиха “Ангел Армении”. Разгневанный ангел обращается к армянам:

*Встань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвецаю новой жизни дни.
Истлеет марево враждебных чар,
И цепи ржавые спадут, как сон.
Заветный Ван и синий Ахтамар
В тебе вернуться из былых времён.
Встань, страна! Воскресни, Айастан!*

*Вот радугу я поднял над тобой.
Ты всех земных была несчастней стран,
Теперь счастливой осень судьбой!*

Мой визит, как я понимаю, внёс разнообразие в его одинокую жизнь. Он захлопотал вокруг стола – появилась бутылка молдавского вина с надписью “Мускат”. Я попробовал и удивился – это был не сладкий, как я ждал, а сухой напиток.

– Это братья молдаване умеют делать. Я такой очень люблю, чувствуете аромат? Где достал? Очень просто – в магазине “Молдавия”.

Действительно, был когда-то такой магазин на Садовом кольце, не доезжая Курского вокзала. Кроме красного сухого отличного и недорогого вина, там продавалась сладкая кукуруза (невиданный тогда продукт) в железных толстостенных банках, как из-под тушенки военных лет.

Поговорили мы, конечно, и о Есенине, я записал его рассказ. Городецкий считал Есенина самым талантливым из современников, он его очень любил.

А когда я сказал, что тоже очень люблю Есенина, и что-то прочёл наизусть, Городецкий проникся ко мне добрыми чувствами и надписал мне книгу, где были такие строки:

“Киму Бакши... Радио?.. (а может быть, ПОЭТУ?..)”. Книга с его надписью сгорела вместе с моей богатой армянской библиотекой, вместе с домом в деревне.

Статью “Карабах” я нашёл много лет спустя и прочёл уже во время работы над новой книгой. Для меня она вся как бы состоит из **эпиграфов**. Я даже предварительно расчленил её текст, набрав их для памяти жирным шрифтом. В таком виде я и показываю её нашим читателям.

Карабах

У каждой страны, у каждой нации есть свои заветные твердыни. Когда история народа складывается счастливо, она становится центром культурной и политической жизни.

Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, **Карабах сделался цитаделью Армении, восточным ее флангом.** Таким он был в прошлом, таков он сейчас, таким он будет и всегда, ибо сердце Армении, долину Арарата, нельзя защищать, не владея Карабахом. Неоднократно меликства собственными силами отгоняли врага. История повторяется, и в последний раз это случилось на наших глазах.

Природа и история создали в Карабахе ярко выраженный тип. Рассеянные по всему свету, карабахцы всюду легко могут быть узнаны. Широкий размах, беззаветная храбрость, склонность к риску, уверенность в себе, своеобразное упрямство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту – вот симпатичные черты карабахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокостей истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе. Высокий, кряжистый народ, ушедший в горы для спасения жизни, окреп в горном воздухе и предохранил себя от заражений, постигающих жителей равнин.

Национальная память Армении должна запомнить немало имен карабахцев. Нет области, в которой они не проявили бы своей предприимчивости и таланта. (...)

Давший столько видных деятелей мужчин, Карабах создал, или, вернее, сохранил, в чистом виде и тип древней армянской женщины...

Скованный своей культурой и бытом, Карабах и в наши дни не посрамил своей старинной славы.

Таково значение Карабаха для Армении. Несомненно, если бы она его утратила, идея самоопределения наций по-

терпела бы сильное ущемление. И наоборот, обладая Карабахом, Армения получит богатый приток энергичной культурной силы...

Каждый народ ищет теперь свое. Все будущее возрождение наций зависит от того, найдут ли они в самих себе достаточное количество, так сказать, дрожжей своей национальной культуры. При таких условиях все центры, где по тем или иным причинам сконцентрировалась культурная жизнь, приобретают исключительное значение. Таково же и значение и Карабаха для Армении.

“Кавказское слово”, 23.III.1919 г.

Осенью 2011 года мы хоронили нашего друга-фронтовика, героического лётчика штурмовой авиации, писателя Артёма Анфиногенова. Там я встретил Андрея Нуйкина. Через несколько дней его сын Павел передал мне книгу Андрея “Боль моя Карабах”. Книгу поразительную по обнаженности чувств. В ней собраны выступления Андрея в печати за несколько лет в защиту Карабаха, его обращения к президентам, премьерам, международным организациям с той же целью. Книга обжигает болью и благородством. Я знаю Андрея Нуйкина много лет, но таким, как в этой книге, он предстает передо мной впервые. И вот что ещё интересно: как раз в описываемое Нуйкиным время я регулярно бывал в Армении, в Ереване. И вроде был, как говорится, “в курсе”. Но, оказывается, многого не знал и не понимал. Да и что и по сей день знаем мы, рядовые обыватели, о тайных пружинах совершающихся событий!

Читая книгу, я добрался до статьи Андрея Нуйкина, опубликованной в июле 1993 года в газете “Урарту”. И в ней я нашел почти буквальные переключки с Сергеем Городецким.

“Я остаюсь по-прежнему убеждённым в том, – пишет Нуйкин, – что отступление от Карабаха – это не только нехорошо или безнравственно, но просто ничего не решит. Недавно в одной своей статье я высказал мысль, что Карабах всё-таки не волчья лапа, которую можно отгрызть, оставить в капкане и

убежать. Это один из духовных центров нации, в котором нуждаются все армяне, и утрата его была бы гибельна в целом для государственности Армении”.

Два русских интеллигента, разделенные почти столетием, говорят одно. И тем исполняют исторический долг благородной русской интеллигенции. Отвечают тем в Армении, кому надоел Карабах, кто хотел бы избавиться от него. Как будто это может дать Армении спокойную жизнь. Но исторический опыт показывает: предательство приносит неисчислимые бедствия.

*Там, в неприступных высях Карабаха, в течение
двух с лишним тысяч лет армянский народ
выдерживал натиск кочующих племен, сохраняя
свою культуру, обороняя свое национальное лицо.*

Сергей Городецкий

Начало путешествия

Доброе утро, туманное утро!

15 октября 2006 года. Мы едем в Арцах.

Выбрались из Еревана. Чуть брызжет дождь.

Тучи серой тяжелой ватой обложили все окружающие пространства, не видно ни Малого Арарата, ни Большого Арарата. Впрочем, знаю, они все равно по дороге в свой срок исчезнут из виду, когда мы углубимся в горы.

В предвкушении монастыря Амарас, святыни Арцаха, которую скоро предстоит увидеть, вспоминаю вчерашний день. Он неотделим для меня от Месропа Маштоца, святого, создателя армянского алфавита, первого из двух переводчиков Библии на армянский язык. Монастырь Амарас также неотделим от Мес-

ропа Маштоца: в начале V века он основал в Арцахе, как раз в Амарасе, одну из первых своих школ на армянской земле, чтобы обучать там отроков (и не только!) созданной им национальной грамоте.

Вчерашний день был до краев наполнен, прямо-таки переполнен Месропом Маштоцем. Надо же такому случиться: вчерашний день, канун отъезда, совпал с Праздником переводчиков. По традиции вся Армения в этот день спешит в село Ошакан – поклониться могиле Месропа Маштоца.

Скопище машин, автобусов, грузовиков, приспособленных для перевозки людей. Многолюдство, не протолкаться. Сбор знакомых и незнакомых, однако глядящих на тебя вопросительно, ожидающе – вот сейчас улыбнемся друг другу, заговорим, познакомимся.

Атмосфера праздничная, сердце сжимается. Мне пришло в голову воспоминание из очень далекого, почти всеми забытого прошлого. А для большинства, родившегося позже, как бы и вовсе не бывшего. Как мы собирались на первомайскую демонстрацию.

Откуда-то из репродукторов неслось: “Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля... Холодок бежит за ворот...”

Я бежал по улицам, ехал на трамвае к месту сбора у школы – мальчик, полный веры и надежд. Надежд увидеть Сталина на трибуне Мавзолея.

Собирались рано, шли группами – знакомые и все-таки не совсем, – непривычно приодетые, гладко выбритые, слегка торжественные. Шли со свернутыми, пока, до времени, флагами, с транспарантами, навязанными в профкоме, – на палку набита фанерка, а на ней лозунг.

У сборного пункта толпа густела. Девочки – женская школа напротив нашей – собирались вокруг фанерной дощечки “183 шк.”, мы – у фанерки “182”. Учителя раздавали бумажные гвоздики (с обязательным возвратом!).

Вот как сейчас у церкви в Ошакане. Председатель Союза писателей Армении раздает членам делегации белые гвоздики.

С настоящей, живой, горько пахнущей гвоздикой в руках обхожу церковь, воздвигнутую над могилой. У северной стены стоит целый строй хачкаров, сделанных в форме армянских букв и расставленных не абы как – в порядке месроповского алфавита. Между хачкарами бегают, шалят, весело переговариваются ребята и девчонки – школьники. В руках у них транспаранты с армянскими буквами из поролона, но порядок их постоянно меняется – девчонки сбиваются в кучки, перешептываются, мимо них носятся ребята. И вслед за “А” бежит “Ф”.

Потом мы долго стоим в очереди, чтобы спуститься в подземелье и поклониться праху Месропа Маштоца, медленно продвигаемся через переполненный церковный зал к спуску, к ступеням. А навстречу нам поднимаются ребятишки с лицами ангелов, хранящими детскую торжественность от только что увиденной святыни.

Я смотрел на них, и у меня горло перехватило и слезы стояли на глазах, – черные головки, головки посветлее, девочки с их косичками и бантами, очень серьезные, трогательно разодетые своими мамашами. Это все шло нам навстречу во всей своей символичности и значительности, во всем ощущении единства *идеи*, которая объединяет этот народ. Не ради убийства или подавления кого-то, или завоеваний, или утверждения величия государства за счёт унижения других. А ради буквы, слова, алфавита. И еще ради того Слова, которое есть Бог.

Мы медленно спускались и наконец увидели мраморную плиту, всю устланную белыми гвоздиками. Я положил свою. Преклонился, перекрестил себя, дотронулся рукою до мраморной плиты. Потом мы пошли в обширный зал, церковный, предназначенный, вероятно, для собраний общины. Он был наполнен писателями, переводчиками, духовными и светскими людьми. На счастье, в эту пору в Ереване оказались мои московские друзья Самвел Мирзоян, Геворк Петросян, Ваник Бароян, Ваан Апроян. С ними еще был замечательный человек

Джованни Гуайта, итальянский писатель и духовный деятель, автор книг, посвященных армянской церкви и геноциду армян. Я высоко ценю эти книги и очень благодарен за них Джованни.

Еще в Москве я обещал показать друзьям гробницу армянских царей Аршакидов в селе Дзорап и рассказать ее историю. Как будто все благоприятно складывается!..

Рядом со мной сел Александр Иванович Божко, видный арменолог и арменовед, в то время Чрезвычайный и Полномочный посол Украины в Армении. Его во время Праздника переводчиков награждали Золотой медалью Союза писателей.

Александр Божко произнес речь на армянском языке, не раз прерываемую растроганными аплодисментами: ему все так хлопали, так были рады, горды, что этот высокий, статный украинец с мудрыми глазами так легко и красиво говорит на их родном языке. Слушая его армянскую речь, я вспомнил, что уже однажды был во время его награждения: ему тогда вручали государственную награду – медаль Мовсеса Хоренаци, автора V века, отца армянской историографии.

Мы пригласили Александра Божко поехать с нами, расселись по машинам и отправились в село Дзорап, древний Ахцк, где похоронены отбитые у персов останки армянских царей. Это одно из самых моих любимых мест в Армении.

Ступив на эту землю, спустившись в тесное и темное подземелье усыпальницы, я рассказал моим спутникам все, что знал из сообщений армянских историков о персах и армянах, о последних годах армянского царства, о крепости Забвения – Анхуш, куда был заключен царь Аршак. А за его окнами, за решетками, на фоне слепящего, как бирюза, персидского неба покачивалась на ветру голова его любимого полководца и снятая с него кожа, набитая соломой. Того самого полководца Васака, который в ночном бою отбил кости царей-аршакидов. А сам персидский царь, нынешний убийца Васака, едва спасся голый верхом на коне.

От гробницы мы подошли к краю ущелья, послушали, как слитно шумит река в его головокружительной глубине. Как

сквозь толщу веков... Кстати, занимаясь сейчас Карабахом, читая всё о нем, я недавно узнал из сообщения одного американского ученого, что арцахские князья Джалаляны находились в родстве с этим царским домом – Аршакидами. А академик И.А.Орбели пишет, что они недаром называли себя царями.

Мы оставили село Дзорап лежать в предгорьях (я и не знал, что ему вернули древнее имя Ахцк, – ура!) и отправились дальше, забираясь все выше.

Вот уже купола Бюраканской обсерватории на другом берегу ущелья ушли вниз. И впереди на орлиной высоте показалась церковь. Я узнал ее по характерным двум остроголовым башенкам-часовням, поставленным на притвор, и еще раз подивился богатству и разнообразию форм армянских церквей XIII века.

Вскоре мы совершили последний подъем и остановились у стен церкви, построенной архитектором Ахбайриком (1213-1238) на средства княгини Мама-хатун, жены князя Курда Ва-чутяна; в её честь церковь часто именуют в народе Мама-хатун. Опять Арцах не отпускает меня! Мама-хатун была бабкой знаменитого Хасана Джалала Дола, одного из могущественных князей Хачена.

Другая женщина, носившая имя Мама-хатун, была его дочерью и тоже славилась строительной деятельностью.

Я не стал отбивать хлеб у церковного служителя, который повел нашу группу сначала по притвору и затем вошел в зал, окруженный моими друзьями. Как и большинство служителей в армянских церквах – не ученых и даже не священников, он хорошо знал историю своей церкви, свободно перебирал исторические имена. Я тихо отошел в сторону, зажег и поставил свечи в поминовение дорогих ушедших друзей. Во здравие живых. Ах, как им нужно это здравие! И с каждым годом всё нужнее...

Затем мы отправились в ресторанчик, искусно вырубленный в скале на обрыве. Внутри, по законам армянского народного жилища, было световое отверстие – ердик – над головой, печь для выпечки лаваша – тонир – в каменном полу, ковры по стенам, ковры на лавках. За столом было много речей, но запом-

нилось мне то, что сказал Александр Божко – опять мы с ним сели рядом. Он поднялся во весь свой рост, положил мне руку на плечо. Ласково взглянул на сидевшего недалеко Джованни Гуайту и спросил: “Что нас объединяет – итальянца Джованни, русского Кима и меня, украинца Сашко? То, что мы арменоведы, люди как бы одной крови. Наша общая любовь и общая забота нас объединяют – любовь к Армении...”

И случилось так, что, совершенно случайно конечно, водка, которую мы пили, была украинская, хлебная, “Хлібна”, что ли. Не слишком хорошего качества. Но всё равно что-то в этом было: у подножия церкви Мама-хатун пить украинскую водку в присутствии посла Украины...

Наша компания заняла всё не слишком большое внутреннее пространство ресторанчика. Мы и не заметили, как на деревянном балконе, пристроенном к скале, уселась еще какая-то группа. Мы услышали негромкое согласное пение. Мы выглянули и увидели мужчин среднего возраста, скорее всего одногодок – чуть постарше, чуть помоложе, – кто в военной форме, кто в пятнистой маскировочной куртке, кто в обычной ветровке, а кто просто в трикотажной полосатой рубашке. Они воевали в Арцахе, собрались вспомнить то время, попеть те песни.

Мы присоединились к ним, познакомились, побратались. Стоя выпили за их командира, за его светлую память. Было так, что на минном поле подорвался какой-то молоденький солдатик. И пока они ждали тех, кто должен был разминировать, – а это было долго и сил не было смотреть, как юноша истекает кровью, – командир сказал: “Я не могу ждать”. Пошел, поднял его на руки и сам подорвался. Мальчик был спасен, а командира похоронили.

Только я один знал, что не когда-нибудь, а именно завтра отправляюсь в Арцах, на землю, обильно политую их кровью. Хотел сказать им об этом, но удержался – какое значение имеют мои планы перед мужественными лицами окружавших меня воинов, перед ужасным лицом смерти, о которой они вспомнили. Но эта встреча с ветеранами Арцаха и вообще этот

день с могилой великого Маштоца в заглавии, с праздником армянской буквы, армянского слова, с гробницей армянских царей и мужеством полководца Васака, с величественной церковью Мама-хатун – взлётом армянской духовности на вершинном плоскогорье, – всё это как нарочно подобралось, как будто это я все придумал для книги.

Однако, едем. Доброе утро, туманное, однако! Мы давно уже втянулись в горы. Перед нами пелена дождя, и дальние безжизненные холмы заштрихованы серыми влажными росчерками. Перед ветровым стеклом машины то и дело возникают туманные образования, наполненные тысячами капель, и дворники не могут с ними справиться и прояснить картину. Эта водная стихия, куда мы погрузились, напоминает мои нырянья в глубину. Там тоже плывешь над ущельями и провалами. На глубине дно исчезает и снова проявляется во время ныряния. Какие-то туманные очертания тогда возникают перед глазами. И вот уже дно приблизилось к лицу – совсем как усыпанные обломками камней стенки, которые видишь в окно машины то слева, то справа, в зависимости от того, куда повернуло шоссе.

Так мы ехали и ехали. Прорывались сквозь завесы дождей. Миновали перевал, спустились в равнину – и тогда внезапно стали видны подробности бытия, осенняя отдыхающая земля.

Впереди сидит мой друг Сурен Саркисян. Он взял шефство надо мной и моими книгами. Заботится обо мне, как мамка старая (выражение Пушкина) или, если продолжить круг пушкинских ассоциаций, как Савельич из “Капитанской дочки”. Откровенно скажу: чем старше я становлюсь, тем такая дружеская опека всё более мне необходима.

Сурен сидит впереди, внимательно вглядывается в дорогу. И вот, наконец, мы оба читаем большими буквами написанный знак: “Свободный Арцах”.

И хотя внешне ничего не изменилось, как часто бывает, за чем-то вглядываешься, ищешь отличия, особенности. И природа словно отвечает желаниям. В неизмеримой высоте открылся просвет. Как Божье око. Брызнуло солнце. И вокруг открылась

целая страна – сложная, сложно сочинённая и сложно расчленённая, разрезанная ущельями, подносящая зеленые лужайки на своих каменных плоских ладонях прямо к дороге, уставленная деревьями, чем дальше, тем гуще. И вот уже вместо рыжих, гончарных, как писал Мандельштам, прибавлю: голых, вознесённых к небу пространств вижу зеленый каракуль лесов, покрывающих горы. Этот эффект особенно заметен, когда в Арцах летишь на вертолете. Там особенно видна граница Армении и Нагорного Карабаха – желто-коричневое внезапно сменяется зеленым, горным малахитом.

Сейчас, в октябре, леса представляют глазу все осенние оттенки листвы – красный, оранжевый, желтый, зеленый. А желтый – тоже разный: лимонный, а то яичный, то бледный, какой-то бессильный, золотушный, а то и впрямь – звенит золотом.

Золотая осень в горах Карабаха встречает нас, обещает череду солнечных дней, сулит удачу нашему путешествию. И это белое, надутое ветром облако, которое показало из-за горы свой ослепительно белый парус...

Но жизнь наказывает романтические мечтания. Это самое облако мы скоро увидели высоко перед собой. Оно все приближалось и уже не казалось таким прекрасным. Наконец, оно повисло над дорогой прямо на нашем пути. И чем выше мы поднимались, тем облако все приближалось к асфальту, к белой разметке. Мы понимали, что вот сейчас въедем в облако – и что? Должны ослепнуть, остановиться?

Вот уже белые хлопья пронесются над головой, задевают крышу нашей машины. Вот мы уже по пояс в облаке. Тысячи капель летят в окна, водитель включил дворники. Наступила молочная темнота, ничего не видно.

Закрываю глаза. Чтобы постоянно не вперяť взгляд в короткую полосу дороги, которую можно различить перед машиной. Чтобы каждый раз не пугаться внезапно и близко возникающих фар встречных автомобилей. Чтобы сердце не закатывалось на резких поворотах – на обочине видна лишь трава да плети ежевики. Я отключился, верю водителю.

Открываю глаза у входа в гостиницу, надо выгружаться.

На следующий день с утра пришла машина, сверкающая белизной “Нива”, а в ней шофер Марат (он остался ждать за рулем) и Рубен Осипов; он поднялся к нам и представился нашим постоянным сопровождающим на дорогах Арцаха. Теперь вся наша “шайка” была в сборе, как говаривал сэр Питер в пьесе Шеридана о своей супруге леди Тизл и ее подругах. Предстоящие дни и недели подтвердили дружный и сплоченный характер нашей команды. Что в путешествиях очень важно, особенно по горам.

А пока нам предстояло “пойти по начальству”, как выразился Сурен; в таких делах он отлично разбирается. Начальство в лице президента республики и премьер-министра оказалось очень расположенным к нам, целиком поддержало нашу идею о создании книги, посвященной духовным ценностям Арцаха. Обещало всяческую помощь. И надо наперед сказать: все обещания – большие и малые – были выполнены. Дело дошло до того, что президент, сидя с нами, позвонил в село Ванк Левону Айрапетяну (“очень интересный человек”) и просил принять нас.

После этого наш “чичероне” Рубен Осипов отвел и познакомил со своим непосредственным начальством – министром просвещения, по делам молодежи и спорта. Оказывается, Рубен работал инспектором в этом министерстве.

Во время похода по верхам я был очень рад снова встретить тогдашнего министра иностранных дел Арцаха Георгия Михайловича Петросяна. Еще в Ереване он с энтузиазмом поддержал идею книги. И теперь, уже в Степанакерте, мы стояли в большой комнате, где работала президентская команда, разговаривали. И меня еще раз поразила замеченная ранее... как бы это ловчее выразиться... не простота и не доступность государственного деятеля, это всё неточно, – а позиция очень умного человека, которому нет необходимости что-то играть, хотя бы и простоту; его интересует, увлекает суть разговора. И в этот момент он никакой не министр. Просто мягкий, интеллигентный, много знающий собеседник.

Не помню, как разговор свернул на знаменитых коней карабахской породы. “А помните, как звали коня, на котором скакал в атаку Петя Ростов?” – ?? – “Карабах”. Я подосадовал на себя, что не помню этого из моей любимой “Войны и мира”, книги, которую читал три раза. И чтобы компенсироваться, проявил знание темы. Армянские кони. Армянская конница... Слава их прошла сквозь тысячелетия. Конь, дар царю Дарию, на барельефе Персеполиса. Клинопись ассирийского царя Саргона. Свидетельства Ксенофонта и Страбона... Тогда во время разговора я передал их своими словами. Сейчас процитирую: “Страна эта настолько богата конями, – пишет греческий географ Страбон. – Сатрап Армении ежегодно посылал персидскому царю 20 тысяч жеребят. При вторжении в Мидию вместе с Антонием царь Артавазд выставил на смотр, кроме прочей конницы, 6 тысяч покрытых броней лошадей, выстроив их в боевом порядке”.

Оказывается, Георгий Михайлович знал всё про армянских коней. И хотя они исчезли, кое-что сохранилось в Карабахе. Восстановить знаменитую арцахскую породу – этим планом он воодушевлен. Достал и показал мне ксерокопию иллюстрации из какого-то дореволюционного журнала: русский солдат держит в поводу красивого карабахского скакуна.

Что ещё можно вспомнить?.. Пушкинское “Путешествие в Эрзрум” – там в Тифлисе поэт видел армян на конях местной породы.

Жаль, что тогда в разговоре я не мог привести (не знал еще) интересный исторический пример. Во время похода грузинский царь, муж царицы Тамары, в битве у Шамхора сидел на коне, купленном у знаменитого арцахского князя Вахтанга Хаченского; конь стоил ему одной крепости и одного села.

Это тот самый Вахтанг, у которого несколько лет гостил великий законовед Мхитар Гош, пока работал над своим “Судебником” – сводом законов Армении и пока строился для него монастырь Гошаванк – вместо разрушенного землетрясением Гетика. В Венеции, на острове Сан-Лаззаро, в богатейшей библиотеке армянских манускриптов я держал в руках один из первых

переписанных экземпляров “Судебника” с авторским собственноручным посвящением царю Вахтангу. Не грузинскому царю, как я думал, а Вахтангу Хаченскому.

А в монастыре Дадиванк на огромной надписи на алтарной стене кафедрального собора тоже есть имя князя Вахтанга... Но кажется, я забегаю вперед. Мы обязательно – может быть, и не раз! – побываем в Дадиванке, этом великом, загадочном духовном центре, важном не только для Арцаха и Армении, но в известном смысле для всего христианского мира.

На этом надо завершить и так затянувшуюся начальную главу.

Князь князей Хасан Джалал Дола

Не знаю, есть ли такой эффект в истории других народов, но в Армении периоды расцвета искусства не обязательно совпадали со светлыми мирными годами (которые в Армении большая редкость). На седьмой век приходится арабское завоевание. Но это был золотой век армянской архитектуры. И в первой половине тринадцатого века под игом турок-сельджуков, а с тридцатых годов и под тяжелым игом монголов расцвёл серебряный век!

Это перечисление знаменитых храмов XIII века я нашел у Анатолия Якобсона, великого знатока этих храмов: Арич – это самое начало XIII века, 1201 год. Знаменитый Гегардский монастырь – 1215. Ованаванк – 1216, в том же году заложен Гандзасар. Макараванк – 1241 год. Хоракерт – 1251 и Аратес – 1265.

Это всё выдающиеся творения армянского гения, классика архитектуры. Зачем же Анатолий Якобсон собрал их в специальной работе, посвященной Гандзасару? С каждым из этих храмов он нашел в Гандзасаре параллели в архитектурных решениях или в скульптурном убранстве, что позволило ему сделать

вот какой вывод о храме Гандзасар, художественном и духовном центре Арцаха: это прекрасное архитектурное творение воплощает в себе все лучшие достижения армянских зодчих XIII века. Его можно назвать энциклопедией армянского зодчества тринадцатого столетия.

Стены храма и примыкающего к нему гавита (притвора) покрыты многочисленными надписями. Приведём одну – очень важную, строительную:

“Именем святой Троицы, Отца и Сына, и Святого Духа, надпись сию велел выбить я, слуга Божий Джалал Дола Хасан, сын Вахтанга, внук Хасана Великого, бнакавор (властитель) высокого и великого края Арцахского, царь Хоханаберда с обширными нахангами (владениями). Отец мой перед смертью своей, безвозвратным уходом из мира сего, завещал мне и матери моей Хоришах, дочери великого князя князей Саркиса, построить с помощью Дарителя благ (Бога) церковь и кладбище отцов наших в Гандзасаре, строительство которой мы начали в 765 году армянского летосчисления (1216).

И когда возвели восточную стену выше окна, мать моя, отказавшись от жизни в свете сём, в третий раз отправилась в Иерусалим, где, надев власяницу и проведя многие годы в отшельничестве у врат храма Воскресения, почила во Христе в день Пасхи и там же была предана земле. Мы же, помня о всех напастях, подстерегающих в жизни, поспешили завершить постройку и закончили милостью и благословением Всемилосердного Бога в 1238 году”.

Отвечая на возможные недоумения, что имя владельца Хачена звучит как-то не по-армянски, раскроем смысл его арабских имён: Хасан – красивый; Джалал – слава, величие; Дола – богатство, княжество.

Возникает естественное у современного неверующего человека недоумение. В основание Гандзасара, как гласит церковное предание, положена голова Иоанна Крестителя. Как она могла оказаться в Арцахе, в таком отдалении от дворца царя Ирода, где по просьбе Иродиады эту голову выпросила у царя

Ирода её дочка Саломея. Это очень интересная история, в которой факты тесно переплетены с легендой.

Блюдо с головой Крестителя царь велел отправить к Иродиаде. Та посоветовала дочери ещё потанцевать перед царём и ещё что-нибудь заработать.

Саломея снова танцевала перед царём на льду. Внезапно лёд разверзся и поглотил “скверную” девушку (так она зовётся в легенде).

Когда тело её исчезло, лёд снова сомкнулся и отрезал ей голову. “Голова скверной осталась поверх льда, а поганое тело погрузилось в воды. И страх великий объял царя и всех вельмож”.

Эту историю рассказывает уникальное церковное предание, сохранившееся, насколько мне известно, в армянской церкви. Оно напечатано на русском языке в качестве приложения в книге “Мовсес Каланкатуацци – История страны Агванк”, отлично переведённой на русский язык и богато прокомментированной талантливым сотрудником Матенадарана Шаваршем Смбатяном, к сожалению, безвременно ушедшим от нас. Сохранилось сравнительно много манускриптов, содержащих Историю Агванка. Только в ереванском Матенадаране их одиннадцать. Во время своей поездки в Лондон в рамках подготовки к этой книге я видел ещё одну рукопись Истории Агванка, описанную в каталоге армянских манускриптов в Британском музее (Лондон, 1913, стр.117).

Что же потом произошло с головой Предтечи? Жестоко наказанной оказалась и скверная женщина – Иродиада. На её дом с неба упал камень, она погибла под обломками. В этой жестокой расправе я вижу удовлетворённое народное чувство справедливости, оскорбленное тем, как легко отделались скверные женщины за своё великое преступление. И народная легенда беспощадно свела с ними счёты.

Что же касается головы Крестителя, то ряд чудесных событий, явлений во сне привели к тому, что голова была обнаружена и попала последовательно в руки двух отшельников – нищего гончара и некоего неназванного князя, который увёз её в

Константинополь – “Истампол”, где на голову стали покушаться католики. Эти два факта между прочим указывают на приблизительную датировку возникновения этой легендарной истории – не раньше завоевания Константинополя турками. Чтобы спасти голову и самому спастись, князь увёз её в Грузию, Иверию, где она попала в руки брата Хасана Джалала Дола.

“В 1211 году Джалал Дола поехал к брату своему и попросил у него святую голову, но тот не соглашался никак отдать ему добровольно. Тогда силою отнял её у брата и привёз в край Гандзак, в гавар Арцаха, в родовую усыпальницу свою. И поместил её там и над ней построил удивительную и восхитительную церковь Катогике во славу Бога Христа и Крестителя его святого Иоанна. А в день освящения церкви назвал её именем святого Иоанна Гандзасара”.

Один умный человек сказал, что в истории никак нельзя обойтись без мистики, и вот пример. Наш друг Джованни Гуайта, видный арменовед, недавно перешел из католичества в православие и принял сан. Я был приглашен присутствовать при этом торжественном акте. Отыскал старинную церковь в центре Москвы, в Замоскворечье, где ему предстояло служить. И представьте: его церковь оказалась в память УСЕКНОВЕНИЯ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ.

Я рассказал Джованни об армянском церковном предании, помещенном в приложении к книге Мовсеса Каланкатуаци. Он о нём ничего не знал, этот знаток не только армянской, но и католической и православной церковью. Хотя, конечно, слышал и об Арцахе, и о таком историческом деятеле, как Хасан Джалал Дола.

Теперь надо сказать, хотя бы кратко, как возвысился род Хасана Дола, а значит, возвысился и Арцах.

К концу XII века, после распада княжества Сюник стало усиливаться небольшое арцахское княжество Хачен, или Арцах. Свою родословную князья по мужской линии возводили к царской династии Сасанидов, а по женской – к правившим в Ани, Карсе и Лори Багратидам. Они очень гордились таким своим царским (легендарным) происхождением.

В 1142 году во главе Хаченского дома встал Хасан, который впоследствии женился на Мама-хатун, дочери царя Кюрике. Это в построенной ею церкви с двумя башенками-колоколенками мы побывали накануне поездки в Карабах. С нами был тогда, как вы помните, Иван Божко, посол Украины в Армении, и Джованни Гуайта. Мы радовались светлому осеннему дню и не помышляли о том, что сама судьба шлёт нам многозначительный знак.

Итак, во главе Хачена стали Хасан и Мама-хатун.

К концу жизни Хасан постригся в монахи, оставив шесть сыновей. Его власть унаследовал его сын Вахтанг, храбрый воин и рачительный хозяин.

Помню сегодняшний Атерк, небольшое село. Это здесь жил и работал Мхитар Гош. Мы приехали сюда в поисках мощного “Урала”, который бы нам помог переправиться через реку Тартар, чтобы на той стороне пойти в Хатраванк.

Ничто в нынешнем Атерке, кроме многочисленных и малоизученных развалин, не напоминало о былом величии этого экономического и политического центра Хаченского княжества. О политических настроениях хаченцев можно судить по такому примеру: в списке армян, пришедших к царю Петру Первому просить защиты от иноверцев, значится также человек из Атерка.

Мы стояли с главой нынешней администрации Атерка, который обещал (и сдержал обещание) дать нам “Урал”, вышли из здания, чтобы сфотографироваться на память, встали на краю необычного какого-то провала в форме цирка. Весь центр села оказался на этом краю. Было впечатление, что постепенно дома сползают в глубокую воронку. А вместе с ними тонет, исчезает славное прошлое Атерка и с ним гандзасарского княжества.

Но слава Богу, из тех времён доносится до нас живой голос Вахтанга, его памятная запись в замечательном манускрипте – Гандзасарском уставном Евангелии, созданном в Арцахе в XIII веке и ныне составляющем гордость собрания рукописных книг ереванского Матенадарана (по каталогу – номер 378).

“Итак я, Вахтанг, и супруга моя Хоришах, по воле Бога прожив, родили трёх сыновей и трёх дочерей – телесных наследников. В качестве же духовного памятника, о сём деле более ревнуя, с большим усердием и расположением сердец наших построили сию церковь и украсили внутри и снаружи замечательным убранством и прочими украшениями.

Затем взирая духовным оком на славу, которую обещал Бог правды своим возлюбленным, подобно и мы пожелали вписать наши имена в книгу жизни. Уверенные в человеколюбии Бога, мы приказали написать сие живительное и желанное святое Евангелие, украсив Согласие (то есть хораны, таблицы согласования) многочисленными и многоцветными красками и разукрасив Начала Евангелий золотым письмом. Да будет это вечным памятником в доме Господнем и притворе Бога нашего. Памятуя слова пророка, который говорит: “Заповеди Господни суть свет и свет дают и страх Божий пребывает вовеки”.

Итак, я, Вахтанг, и супруга моя Хоришах пожелали получить святое Евангелие”. Этот ишатакаран (памятная запись) относится к 1261 году.

Одним из сыновей Вахтанга был Хасан (в честь деда) Джалал Довла (Дола).

Может быть, интересно вспомнить о том трагически важном, что случилось в Армении в 1236 году. За этот один год Северная и Центральная Армения была завоевана монголами. Об этом с удивлением и ужасом пишут тогдашние армянские историки. После упорного сопротивления пала столица Ани, население было жестоко вырезано. Карс решил не сопротивляться, но город и жителей его постигла та же безжалостная судьба. Тридцатитысячное полчище монголов во главе с Чармаганом наводило страну. Убивали даже собак, щадили лишь лошадей.

Покорность им изъявили занимавшие высшие посты в грузинском царстве сыновья армяно-грузинских сановников Иванэ и Захарэ. Монголы в Карабахе захватили сначала Верхний Хачен, а потом осадили владельца Нижнего Хачена – князя Хасана Джалала Дола, который затворился в неприступной кре-

пости Хоханаберд. Остатки его стен на одной из окружающих вершин до сих пор видны со смотровой площадки Гандзасара.

Поняв, что крепость им не взята, монголы пошли на соглашение.

Зная, что большинство князей Армении и Грузии подчинились монголам, Хасан Джалал также признал свою вассальную зависимость, спустился из крепости с условием, что монголы сохранят за ним его владения. Этим он сохранил свои земли от разорения. Кроме того, его ждал почти завершённый строительством кафедрального собора в Гандзасаре.

Возвращаясь в 1236 год, вспоминаю еще раз рукопись Евангелия Игнатиоса, оно тоже 1236 года. Есть у этой рукописи одна потрясающая особенность: у всех, кого изобразил художник, – у Христа, у евангелистов видна слеза на щеке. Евангелие плачет! Оплакивает трагическую судьбу Ани, Карса, всей Армении, зарезанного народа, полонённого, проданного в рабство.

Владелец Евангелия – военачальник, защищавший Ани, передал рукопись в дар монастырю Хцконк. Из монастыря неизвестно какими путями она попадает в монастырь Хавуц-тар, расположенный по ту сторону ущелья Гарни. Была восстановлена на средства богатых жителей села Гарни и подарена монастырю. Значит, прежде подверглась опасностям, повреждениям. Рукопись-беженка.

Сам князь Дола пользовался большим уважением в высших монгольских кругах, он звался царем, и имел на это право, потому что предки его восходили к царям Багратидам, а мать его была родной сестрой Иванэ и Захарэ, освободителей и фактических правителей Армении. Он создал специальный “взяточный фонд”, чтобы откупаться от монголов, время от времени приходивших грабить его земли. Когда со своими отрядами Хасан Дола участвовал в походах монголов против турок-сельджуков, то привозил домой отбитые у противника армянские церковные ценности, священные книги. Выкупал армян-пленников, особенно лиц духовного звания.

В 1238 году Хасан Джалал завершил строительство кафедрального собора в Гандзасаре; храм этот ныне признан жемужиной мирового зодчества. Хасан Дола подарил монастырю множество земель, садов, серебряную утварь для ведения служб. А в 1240 году состоялось освящение храма. На этот торжественный акт собрались богословы, ученые, историки со всей Армении, включая и заморскую Киликию, множество епископов, до семисот священников. Был дан праздничный обед, Хасан, подпоясавшись полотенцем, самолично прислуживал гостям, в дорогу им были розданы богатые подарки.

Но вряд ли время господства монголов могло быть хоть где-нибудь мирным. Несмотря на связи в монгольской верхушке и на совместные походы против сельджуков, в 1241 году монголы вторглись в Нижний Хачен, разрушая все на своем пути. Была разрушена и крепость Хоханаберд, которая в свое время спасла Хасана Джалала; его самого захватили в плен, издевались над ним, чуть ли не пытали. С трудом удалось ему откупиться ценой большого золота.

Был у Хасана Джалала заклятый враг – Аргун-хан, он собирал, вернее сказать, сдирал налоги с захваченных земель и искал повода, чтобы расправиться с Хасаном Джалалом – считал, что тот ему не доплачивает. Аргун и посоветовал Хасану отправиться в далекое путешествие в Монголию на поклон к великому хану в его столицу Каракорум. То ли в отсутствие хозяина Аргун хотел разделаться с Хаченом, по его мнению, слишком независимым, то ли рассчитывал оговорить Хасана Дола перед великим ханом и добиться его казни. Отказываться было нельзя, опасно. И владетель Хачена поехал в дальние монгольские степи, что до него не раз проделывали армянские владетели. Например, Смбат Спарапет, славный полководец Киликийского армянского царства, автор свода законов. И даже сам киликийский царь Левон отправился в дальний путь; он проезжал через Карабах.

Велик был страх перед монголами не только в армянской среде, но и в Европе. В Париже в Национальной библиотеке я

рассматривал богато иллюстрированную, чрезвычайной ценности “Книгу чудес”. Среди прочих сочинений книга содержит рассказ и о монголах, о Чингизхане. Автором этой книги был Этум – так на французский лад называли киликийского царевича Гетума, который переехал на Запад, принял католичество и стал монахом.

Хасан Дола пустился в дальний путь к великому хану вместе со своей женой Мама-хатун и старшим сыном. Но для безопасности поехал через Золотую Орду, где к нему присоединился его друг и защитник Сартак, сын золотоордынского хана, христианин по вере.

Расчеты князя Хасана оказались верными – он был хорошо принят в Каракоруме. Ему даже удалось рассказать великому хану о беззакониях Аргуна. Тот был вызван в столицу, закован, ожидал суда. По слухам, спас его случившийся там Смба́т Спа-рапет. А Хасан Джалал ничего не знал о том, что Аргун спасён и возвращён в прежнюю должность. Вместе с семьёй Джалал отправился домой, имея на руках грамоту, подтверждавшую его владение землями Хачена. О своём путешествии в далёкий Каракорум он рассказал в памятной записи в том же Уставном Эчмиадзинском Евангелии. Они вернулись домой в 1261 году, жена отправилась прямо в Арцах, а князь задержался в Тавризe. Там его застала горестная весть о смерти любимой жены. Он поспешил в Хачен.

Как меняется тон памятной записи, когда Хасан Джалал пытается рассказать о постигшем его горе:

“В это время, когда настал роковой час смерти, скончалась во Христе Мамкан (так он ласково называет Мама-хатун. – К.Б.). И я, приехав, нашел свой блистательный дом полным неутешной скорби и плача: ибо она была услодой и утешением всех войск, и всадников, и церкви, и священников. Итак, я в лето 1261 сие святое Евангелие, разукрашенное в память боголюбивой госпожи, принёс в наш светозарный святой монастырь Албании духовному лицу Нерсесу, который ныне благополучно занимает святой престол и превосходит святых.

Итак, молю вас, святые отцы и читатели, которые будете читать эту запись, от всего сердца (в тексте – “полным ртом”) скажите: Христе Боже, когда придёшь обновлять и преображать вселенную, обнови и присоедини боголюбивую Мамкан и сопричисли её к сонму избранников твоих заступничеством святой Богородицы твоей и всех святых твоих, сопричисли ее к святым твоим, прославь ее с ними... С нею даруй душевный покой и единственному сыну моему, даруй твою щедрую милость, а всех противников его сомни, убей и посрами. Аминь”.

А когда Хасан Джалал Дола похоронил супругу в усыпальнице Гандзасара, пришел приказ из Ирана, из города Казвин, от Аргун-хана. Он занял прежний пост и теперь звал Хасана Джалала Долу на расправу.

И правда, князь Хасан был арестован. Когда же Аргун узнал, что за узника в Каракоруме хлопочет жена великого хана, он велел его немедленно убить. Знакомо, не правда ли? Нет человека – нет проблем... Мало того, что Хасана Джалала зарезали, но еще расчленили его тело на куски. Их собрал старший сын князя, и вслед за женой в родовой усыпальнице легло тело верного защитника Арцаха, прочного щита родной земли.

Гибель Хасана Джалала Дола и последовавшее за тем вторжение монголов отразилось на всей жизни Арцаха – на судьбе князей и знати, ремесленников и крестьян, священников, монахов, переписчиков книг, их художников.

Очень много о монголах рассказывают нам историки XIII века, особенно Киракос Гандзакец, который добровольно пошел к ним в плен, решив последовать за своим любимым учителем Ванаканом. Вот какую итоговую характеристику даёт Киракос Джалалу Дола: “Он был человек благочестивый и боголюбивый, кроткий, спокойный, милостивый, нищелюбивый и усердный в молитвах и молениях, как живущие в пустынях. Где бы ему ни случалось быть, он, точно в монастыре, неуклонно исполнял дневную и ночную службу. И в память воскресения Спасителя проводил в бдении, стоя на ногах без сна ночь с субботы на пер-

вый день недели. Он очень любил священников, был очень любознателен и постоянно читал божественные книги Завета”.

Вот так. Ни слова о его походах, воинских подвигах, о том, что в походах он освобождал христиан, выкупал из плена, что спасал книги и привозил их на родину. Со слов Киракоса создаётся обаятельный образ интеллектуала, интеллигента XIII века.

Самое дальнее путешествие

Сегодня, **25-го октября 2006**, собираемся с Алексом Каноняном отправиться в *самое дальнее моё путешествие по земле Арцаха* – в монастырь Дадиванк и далее в район Кельбаджара (теперь он называется на армянский лад: Карвачар).

С утра уже привычно подхожу к окну, смотрю, какая погода: хорошо, безоблачно. Оранжевые полосы стоят на небе. Вчера все время звонил Алексу, не мог его отыскать. Но сегодня его мобильник откликнулся – оказывается, Алекс подъезжает, сейчас уже недалеко, в районе Гориса, обещает быть часам к десяти.

Однако, надо же сказать, кто таков Алекс Канонян. Мы познакомились с ним у Соса Саркисяна. Он рассказал о замечательном патриоте Армении: жил в Тбилиси, почувствовал армянский зов, самостоятельно выучил язык, а потом и грабар, древнеармянский. Постоянно поселился в Карвачаре, создал школу для молодежи по изучению истории Армении и её древнего языка и письменности. Сос рассказал о нём и пригласил, чтобы мы познакомились.

Пройдёт несколько лет, и в журнале “Анив” появятся статьи Алекса Каноняна – он предстанет передо мной как глубокий оригинальный армянский философ. Так ли сам он вырос, пока мы с ним не виделись, или это было в нём при нашей встрече – не знаю.

Выехали мы с ним в 9 часов утра (для памяти – накануне мы с Зорием Балаяном летали на вертолёте). Марат за рулем, Алекс как ведущий рядом с ним. “Нива” блещет чистотой снаружи и внутри – какие коврики! – немой упрек мне: не так содержу я свою старенькую “Ниву”.

Миновали места уже совершенных поездок, спускаемся к долине реки Хачен. По моей просьбе Алекс делает краткий экскурс в историю.

– В период Великой Армении – III-II век до н.э. – Арцах, Сюник и часть Утика составляли одну административную единицу. Потом произошло разделение между Сюником и Арцахом. В Арцахе, на всей его исторической территории, правила одна династия, туда входили Карвачар и вообще все ныне освобожденные территории и даже юго-восточная часть бассейна озера Севан. Династия принадлежала к высшему нахарарскому разряду. Постепенно, особенно в период арабского владычества, произошло феодальное дробление династии, они уже стали называться Араншахиками и продолжали несколькими ветвями управлять этой территорией. Это феодальное деление продолжалось, постепенно образовалось Хаченское княжество, отдельно было Верхне-Хаченское княжество. Гандзасар принадлежал Верхнему Хачену. И к XIII веку меликам Верхнего Хачена принадлежал также Дадиванк, весь Карвачарский район, Зод (у Севана), часть Мардакертского района – долина реки Тартар, мы называем ее по-древнему – Трту.

Теперь Алекс объясняет извечную принадлежность Карвачара, куда мы едем, к Арцаху. В “Ашхарацуйце” V века (доказано, что это не VII в., только правка седьмого) это был гавар Арцаха Вайкуник. И постепенно он терял армянское население – так, как это было вообще в Карабахе. А схема такова. До начала XVIII века везде преобладал армянский элемент. Затем началось заселение края тюрками-скотоводами. Они постепенно вытеснили коренных жителей с долин. Армяне также мешали им и на высокогорных летних пастбищах и потому обосновались в срединной лесной полосе. Этот процесс продолжался и

углублялся при русском владычестве. Со второй половины XIX века царское правительство начало политику навязывания оседлости скотоводам-тюркам. А то за ними не уследить. В результате даже высокогорья были ими заселены. С советской властью, когда Сталин отдал Карабах азерам, началось насильственное переселение армян из Карвачара, чтобы отрезать Армению от Карабаха. Чуюли, что права их на эту землю зыбкие. Тогда-то Карвачар стал целиком тюркским.

Так мы ехали... Слушали Алекса. Где-то в ничем не примечательном месте он попросил остановиться. Съезжаем на обочину, выходим. Навстречу нам шумит неширокая река, которая все это время бежала рядом с дорогой. Но мы не слышали ее из-за шума мотора, и вообще машина – замкнутый звуковой мир.

Теперь же слитный успокоительный шум объемлет нас, отделяет от всего городского, искусственного, надсадного, возвращает к деревьям с их желтыми осенними облаками листвы и чернью стволов – на той стороне реки. К каменной плоти гор – на этой. Машина приткнулась почти вплотную к скальной стене.

Идем по металлическому мостику, перекинутому через реку, гремим ботинками по железному настилу. Ступаем на ту сторону. И странным образом именно с этого туманного мыса у реки, непроглядно поросшего тонконогими, какими-то сорными деревьями, наше путешествие обретает нешуточную серьезность.

Идем по заросшей, давно не торенной тропинке, окруженной дикими камнями и обломками строений, кое-где хранящими отёску. В просвете между деревьями открывается церковь. “Кусац анапат”, – говорит Алекс. Я уже знаком с звучанием армянских слов, знаю – это женский монастырь. Какого времени? Тринадцатого века? “Да, приблизительно...” “Анапат”, что такое “анапат”? Вспоминаю: это пустынь, уединенное место, где обитали пустынники, а здесь – пустынницы.

Меня поразило одиночество церкви, вся окружавшая ее заброшенность. Вид камней, густо обросших мхом, остатки какой-то грубой кладки. Храм стоит среди стволов, как промеж лю-

дей, пришедших поклониться. Большое дерево стоит у самой стены – восточной, алтарной, оно уже переросло церковь.

С особым чувством я прихожу в Арцах к руинам женских монастырей. Думаю, какие они были – насельницы этих мест? Какие причины заставили их покинуть свет и затвориться? Принять постриг? Вера, конечно, тогда все верили. Но могло быть и еще что-то. Потеря мужа, детей, разорение гнезда. Времена-то были какие! Ещё, может, несчастная любовь. Или, наоборот, не было надежды обратить на себя внимание, выйти замуж. Представляю, как они жили в этих кельях, сложенных из грубого камня. Как осенью со страхом ждали зимы, как мерзли в морозные ночи, как вставали затемно на службу. Молились, молились... Как однажды молодая монашенка, одна из самых скромных, всегда тихая, в тот раз, когда все пели, увидела: Пресвятая Богородица летит к ней по воздуху храма, нежно улыбается, зовет к себе. О том, что видела, девушка побоялась рассказать, а время спустя, на страстной неделе немного покашляла и умерла тихо, как жила.

Где теперь монастырское кладбище с серыми источенными косточками под плитами, где ее камень, тихой девочки? Всё это затерялось в чаще, поросло мхом, сгнуло.

Остался нам пустынный мыс и одиночество п'устыни.

Сажусь в машину с твердым убеждением, что наше путешествие для меня – не простое посещение достопримечательных мест. Но и грустные встречи, но и судьбы давно ушедших людей, которые жили в этих краях, молились, надеялись на лучшее. Как-то выживали среди этих лесов, гор, камней. И мой долг по мере сил вспомнить их и написать.

Добрались до Дрмбона, где добывают золото. Огромные запасы, несколько сотен тонн золота. К сожалению, его не выплавляют в Арцахе, вывозят. Вид предприятия современный, “заграничный”. Алекс хвалит организацию работ, заботу об экологии, зарплату. Предприятие дает работу селу, через которое проезжаем, и ещё соседним.

Выезжаем на берег водохранилища Сарсанг, что на реке Тартар. Оно даёт электричество; раньше вода уходила в Азербайджан на орошение хлопковых полей. Пока что не используется для орошения в Карабахе. Едем по правому берегу реки – левому по направлению нашего движения. Вода языками заходит в неглубокие ущелья, что-то в ней есть сказочное.

Алекс обращается к цели путешествия – Карвачару. Несколько преувеличивает значение его взятия армянами: он считает, что оно было исторически даже важнее освобождения Шуши. Начался процесс не постоянной потери, а возвращения армянских земель в лоно родины. Надеется на продолжение этого процесса?..

Едем. На той стороне на возвышении, на высоком плоскогорье, видим село. Это Атерк, мы уже были в нём, когда доставали автомобиль “Урал”, чтобы переправиться через речку Трту.

Атерк – это Верхний Хачен, историческое место, говорит Алекс. Упоминается в урартских надписях, сохранившихся на территории Армении; есть более древнее название Атерка, – вот когда он уже был! Арцахские князья называли себя владельцами Великого Хачена и всего Атерка – такое значение ему придавалось; название села входило в титулатуру князей Верхнего Хачена.

Это крупное село Мардакертского района. В советские времена густонаселенное: говорят, тысяч тридцать населения было. В июне 1992 года оно было захвачено азербайджанцами, на время отбито, но в июне же снова захвачено. И только в марте 1993 село было окончательно освобождено. Оно было сильно разрушено, азеры при отступлении сожгли дома, взорвали инфраструктуру. Так что сейчас едва ли осталась половина села. “Война, – думаю я, – то же делали и немцы. То же и мы – когда отступали, взорвали Днепрогэс... И даже сожгли дом при Полотняном заводе, где жила Наталья Николаевна и бывал Пушкин”.

– Арцахцам присущ четкий оптимизм, – говорит Алекс, – особенно он необходим жителям освобожденных районов (т.е. захваченных у азербайджанцев), хотя мы никому не собираем-

ся отдавать эти наши земли. Подробнее поговорим в Карвачаре, увидите, как там люди обосновываются, чтобы жить. И тем возвращают армянское присутствие на древней армянской земле. – Так он говорит.

Обращаю внимание, как свободно течет река Трту – так Алекс упорно называет Тартар, по-старому, по-древнему.

– Это среднее течение реки, она широко здесь разливается по межгорной долине, но вот доедем до села Гетаван, и буквально через несколько километров ущелье сожмет реку, она забурлит, помчится.

Алекс меж тем говорит об Армении в целом и этих, в частности, краях. Как известно, земельных угодий в этих каменистых местах было мало, поэтому армяне дома свои возводили на склонах, как в Атерке, а ровные участки использовали для земледелия.

Алекс называет много сел по дороге. Они почти год были в плену, много потеряли. Он называет эти села, не успеваю запомнить все, успеваю схватить Верин Оратаг, Вагуас...

Оказывается, Вагуас – это целое созвездие церквей и монастырей.

Доезжаем до Гетавана.

Я заговариваю о Грузии, где жил Алекс. Начинаю с грузинского языка.

– Я когда-то грузинский знал идеально, – говорит Алекс. – Мы жили в грузинами населенном районе Тбилиси, я ходил в грузинский детский сад. И даже обиделся, почему меня вместе с друзьями не отдали в грузинскую школу. Но с годами, особенно с девяносто первого года, живя вдали от Грузии, я стал утрачивать речевую практику. Но для меня она не так важна. Мне нужно понимать язык, читать книги. Я даже ухитрился читать грузинские лапидарные надписи. Когда мы с Самвелом Карапетяном работали над книгой “Джавахк”, я составил наиболее полный свод древнегрузинских, вернее, грузиноязычных надписей на территории Джавахка; всего их более ста пятидесяти.

– А армянский вы не знали? – приступаю я к главному.

– Армянский до восемьдесят девятого года я не знал. Знал только два слова: “Че” – “Нет”, что правильно, и “Воч” – “Да”, что неправильно. Моя мама до сих пор армянским не владеет, хотя с двухтысячного года живет в Армении. Я ее сумел кое-как убедить, и она переехала.

– Она живет в Ереване, вместе с вами?

– Ну, я уже с 2002-го живу в Карвачаре, так что мы живем отдельно.

– Вы часто бываете в Ереване?

– Бываю, когда есть работа, переводы. Мой личный бизнес – это переводы. Жить в Арцахе и содержать семью, не очень молодую маму, невозможно.

– А что это за переводы?

– Ну, это переводы для итальянских делегаций. Иногда это работа с туристическими группами.

– Вы итальянский знаете? – Дурацкий вопрос, попытка таким образом выразить удивление.

– Я четыре года учился в Италии, так что владею языком, как русским и армянским.

– А как вы там оказались, в Италии?

– В Италии? Ну, первые три года после окончания школы я учился в Эчмиадзинской духовной семинарии ...

Час от часу не легче! Какие вещи открываются! До сих пор никак не проявлялась его религиозность. Что, впрочем, и не обязательно.

– Я очень люблю древнеармянский, зубрил его в свое время, переписывал десятки книг. И уже в семинарии им овладел настолько, что мог писать на нем. Обо мне услышал мхитарист-архиепископ (не тот ли мой любимый, из Сан-Лазаро?).

Алекс учился в известном университете, специализировался по двум направлениям: теология и политология – такая вот, казалось бы, сумбурная специализация. На самом деле они друг друга взаимно дополняют. Очень часто считается, что вполне достаточно знания первоисточников и истории. А на деле, кроме знания исторических фактов, ты должен понимать законо-

мерности исторических процессов. Потому что есть философия исторических процессов, даже есть такая наука – философия истории.

В этом контексте вижу направление его ума. Он не кабинетный ученый. Что подтверждается и его сегодняшней деятельностью в Арцахе и в Джавахке, куда он ездил уже, что называется, на моих глазах. Мне не ясно, в качестве кого он выступал: может быть, теоретика-консультанта? Интересно, есть ли у него стремление к самостоятельному действию в качестве политического лидера? Это то же явление, как физики и математики принимали активное участие в армянской революции и позже в арцахском движении.

– Знание философии – это ведь очень важно, если еще ты с помощью духовной культуры можешь проникать в ментальность древних людей, сопереживать с ними, думать в тех же категориях, что и они. Философией тут только поможешь, не более. Самое главное – детали: бытовое поведение, споры, словечки, очень и очень многое, что можно найти в первоисточниках.

Задаю ему вопрос о том, можем ли мы представить себе духовный мир средневекового армянина, или византийца, или латинянина?

– Вы мне задали очень сложный вопрос; пусть это не прозвучит самоуверенно, но в определенных чертах – да, я могу их себе представить... Латынь я очень люблю, после грабара второй язык, который я обожаю, – это латынь. Причем латынь христианской эпохи, после святого Августина, латинскую патристику и также латинское богослужение. Меня особенно интересовала история крестовых походов, я читал почти все латинские первоисточники. И я представил, что чувствовал латинянин, когда видел византийский обряд, когда попадал в мусульманскую арабскую среду в Передней Азии. Ясно представлял себе психологию византийцев, их неприятие варваров-латинян, которые прибыли к ним. Меня интересовали антигреческие латинские трактаты и антилатинские греческие трактаты, я их много читал, эти бесконечные споры о тесте, о квасном хлебе, о

безбрачии духовенства, о том, может или нет быть священником тот, кто бреет бороду. Эти споры сегодня кажутся абсурдными, но тогда они очень искренне занимали умы и чувства людей. Когда я учил греческий, то учил его в первую очередь для того, чтобы читать патристику (раннехристианские – II-VIII вв. – творения восточных отцов церкви, они на греческом, – поясню от себя). И еще для того, чтобы понять, почувствовать византийское богослужение. Потому что (Алекс был убежден) таким образом можно проникнуть во внутренний мир византийца.

Я подумал, сколько было слез пролито гимназистами в дореволюционных русских классических гимназиях из-за латыни и греческого. Все эти бесконечные спряжения, аористы, супины! Ужас! Да я сам на филфаке МГУ не очень-то убивался над изучением латыни, уверенный, что она никогда мне не понадобится. Вот уж поистине никогда не говори “никогда”. Пример Алекса показывает, как могут быть увлекательны эти мертвые языки, когда понимаешь: они тебе нужны. Когда ставишь определенную цель. Когда с их помощью может осуществиться какой-то жизненный интерес.

Алекс продолжает развивать свою мысль. Он вообще считает, что духовная культура каждой нации самым тесным, глубинным образом связана с внутренним духовным миром человека. Потому что внешняя духовность, обряд, церковная музыка являются внешним, символическим отображением реального внутреннего содержания. Византийская музыка, византийское богослужение – они самым ярким образом отображают в материальных формах все то духовное мировоззрение, которое есть в византийской духовной и светской культуре.

Я отвлекаюсь на дорогу, рядом с которой стремится навстречу нам река Трту, и продолжаю слушать Алекса, протягиваю к нему диктофон. И уже передо мной храмы Константинополя, Святая София. И вслед за ней соборы Рима, святого Петра, но не тот, который мы все знаем, а его предшественник.

– То же самое: возьмем латинян. Более того, григорианские хоралы, григорианские песнопения – они абсолютно уникаль-

ны; объясню почему. Например, если византийские песнопения отражали византийский дух, византийскую традицию, то...

“То” так и не было расшифровано, потому что мы увидели село Гетаван, о чем мне сообщает Алекс. Это последнее село Мардакертского района по современному административному делению.

– Здесь, в Гетаване, кончались армянские села, – говорит Алекс, – далее, до восточного берега Севана, жили азербайджанцы.

Вся эта территория до 1988 года была заселена азербайджанским этносом, чего я и не подозревал.

– Это турки, которые себя называют азербайджанцами, – говорит Алекс, повторяя широко бытующее среди армян мнение, но при этом он более благоразумен. – С этим не надо спорить, пусть называют себя как хотят... Но вернемся к григорианским хоралам. Они не эмоциональны и не национальны, вернее, наднациональны. Если в армянской, византийской и в русской службе эмоциональная окраска есть – радость, покаяние, горе и т.д., то в григорианской традиции вы не узнаете – это пасхальная радость или страстные дни. Все под одной безэмоциональной окраской. И эта “наднациональность” позволяла служить любой нации. Не мешало иметь собственные традиции – французские, итальянские, испанские с их национальной окраской и своей эмоциональностью. Не следование ли это – близкое – Христу: для меня нет ни иудеев, ни эллинов; что-то в этом роде...

Алекс отвлекается и обращает внимание на внешний мир, говорит:

– Вот мы сейчас пересекли условный барьер между средним течением реки Трту и ее верхним течением. И мы видим вход в ущелье, оно будет все больше и больше сдвигаться. И протянется до самого Карвачара и еще дальше – на двадцать пять километров – до селения Цар. Скоро мы окажемся в глубоком каньоне, “мрачном”, как было написано в Большой Советской Энциклопедии. – Говорит это Алекс с легкой насмешкой и легкой же обидой. Ах, эти армяне, даже самые объективные, даже те, что всё знают про григорианский распев...

Не знаю, из каких внутренних побуждений и как будто без видимой связи с предыдущим разговором Алекс говорит, что он никакого участия в карабахской войне не принимал. Впрочем, как бы слегка оправдывается: он тогда учился в духовной семинарии в Эчмиадзине. Увлеченный воспоминаниями о том молодом времени, он вспоминает, что знал Карабах наизусть, бесконечно рисовал карты Карабаха для себя и своих друзей, отмечал на них ход войны, сданные или возвращенные, отвоеванные территории, села. Он, в сущности, был мальчик, делал то же, что и я во время войны.

И карта у меня была, и отмечал я на ней, жирно рисовал линию фронта. Во время наших наступлений прирезал кусочки. Почему-то я очень хотел, чтобы взяли назад Ялту и Балту. Ну, Ялту понятно. Столица Крыма и всё такое. Но возврат маленького, ничтожного населенного пункта Балта где-то на юге Украины с его степной сухостью мне казался символом окончательного, глубокого освобождения от немцев. А когда наши подошли к Польше, пересекли границу с Германией, о Балте я позабыл.

– Долгое время я не был в Арцахе, хотя, казалось, знал его наизусть. – Это Алекс продолжает вспоминать. Едва приехав из Италии, первым делом он отправился в Арцах и облазил его весь вдоль и поперек. – Когда я приехал в Карвачар, понял одну вещь: у каждого человека есть некая мечта о некоем месте, где ему бы хотелось жить. И когда я увидел Карвачар, я понял, что это то самое место, о котором я всегда мечтал. Тут еще, конечно, было сопутствующее патриотическое соображение – надо заселять эти территории. И я решил, не хочу сказать по глупости, а по очень доброй наивности, создать молодежный центр и заниматься преподаванием древнеармянского, армянской истории здешней молодежи, чтобы максимально приблизить ее к этим землям, чтобы она воспринимала ее как свою родину в узком понимании этого слова. На этом пути было много трудностей, в том числе искусственных... Одну минуту, посмотрите в окно, эта скала...

Мы давно уже едем по ущелью; опасная скала нависла над дорогой. Что-то очень живописное, напоминающее гравюры немецких романтиков XVIII века. Стремительно несется река Трту, мы переехали на другой берег по железному гремящему мосту. Вода под ним туманно-голубая, цвета необработанного изумруда. Проехали мимо заброшенной, разбитой БМП, чудом сохранившей свои гусеницы.

Впереди Чаректар. Алекс говорит, что с него-то и начиналась полоса азеров. Село основали армяне, там есть руины монастыря Чаректар, XII-XIII века, монастырь был местом широкого паломничества. Люди верили, что поклонение там спасает от черных сил. Название “Чаректар” можно перевести как “тот, кто удаляет злых духов”. Но это не спасло сам монастырь от злых сил, от ненависти. В Чаректаре постоянно жили азеры и планомерно разрушали монастырь, разбивали хачкары. В небольшой церкви же еще при советской власти и великой дружбе народов был хлев.

Это его мы видим на холме – двускатную базилику, она сохранилась, потому что одна из семей превратила ее в хлев. Потому же остались и несколько важных лапидарных надписей. Семья пристроила к церкви еще одно помещение для скота. После освобождения, естественно, хлев упразднили, а пристройка пока сохранилась. В селе живут беженцы из Геташена и вообще из Шаумянского района, который до сих пор в руках азеров.

В замечательных фильмах замечательной женщины Цветаны Паскалевой я видел, как изгоняли армян из Геташена, Мартунашена, Шаумяна. Как женщины несли грудных детей, падали, потому что шёл дождь и было скользко. Они покидали ещё не остывшие очаги, а уже на их железных воротах были написаны имена новых хозяев – какой-то мамедов, оглы... оглы... Каждый должен посмотреть эти потрясающие фильмы!

А в соседнем селе Эркеч, названном по имени покинутого шаумянского Эркеча, обосновались беженцы. Невольно вспомнилась манера армян дублировать названия сел, городов и це-

лых провинций в память покинутых, навек утраченных очагов. В Ереване много таких районов, к старым названиям прибавляется “нор”, то есть “новый”, “новая” – Нор-Киликия, Нор-Мараш, Нор-Малатия и т.д. А по дороге в аэропорт, на пригорке есть Мусалер – в память героических защитников, отбивавшихся на горе Муса-Даг от турецких войск. Об этом написан роман австрийца Франца Верфеля. И вот еще один, наверно сотый, пример памяти народа – село Эркеч, так его называли беженцы взамен потерянного шаумянского...

Едем вдоль села, длинно протянувшегося по течению реки. Алекс говорит, что это вообще характерно для сел у реки Трту – такая вытянутость. Вижу много незаселенных домов, оставшихся от прежних хозяев. На фоне запустения чрезвычайно свежо выглядит здание школы. “Правительство отремонтировало”, – говорит Алекс. Я удивляюсь, откуда в селе найдется достаточно детей, чтобы заполнить среднюю школу. На это идут сознательно. Армянина нельзя приручить к месту, если для его детей нет условий для получения образования. Поэтому школы строятся даже в маленьких селах.

У меня будет много возможностей убедиться в правдивости этих слов.

Алекс говорит, что в отличие от Армении, где количество школ сокращается из-за недостатка учеников, в Арцахе оно растет. В их Карвачарском районе во всех селах есть школы, кроме одного. Ребятам не приходится в зимнее время далеко ходить. Школа – это и рабочие места, и зарплата для постоянных жителей – она, плюс ко всему, имеет и такое социальное значение.

Мы приближаемся к следующему селу. Его историческое имя нам известно, это Хутаван, или Хут, что означает “холм”. В последнее время после освобождения его по имени монастыря стали называть Дадиванк.

Но прежде Алекс просит остановиться у места, которое считает очень красивым. Шумит река, стелется горький дым тлеющих опавших листьев. Алекс задумчиво подходит к воде, к

прибрежным камням, следит течение и то, как бурлит река на подводных камнях – за каждым пенный короткий хвост... На другой стороне белесое, седое, вертикально обрезанное ложе, над ним почти отвесная каменная стена.

Гляжу на Алекса и в который уж раз отмахиваюсь от впечатления его какой-то неуместности здесь. Вернее, его чужеродности что ли, – так смотрятся японские туристы у собора Сан-Марко в Венеции. Это надо пояснить. Я прекрасно представляю его в какой-нибудь процветающей фирме или в банке. Я много видел молодых людей этого типа. Худые, подтянутые. Скромно, но модно одетые. Хорошо образованные, дисциплинированные, внимательные, серьезные, в очках, сухо смеющиеся. На берегу мчащейся Трту Алекс выглядит как эксперт, член какой-нибудь международной комиссии. А вовсе не житель здешних мест.

Дадиванк

Остаток пути до монастыря Дади, до Дадиванка был мне хорошо знаком. Несколько дней назад мы пролетали над ним в вертолете. А еще в этот наш приезд в Арцах мы заглянули в монастырь ненадолго, чтобы сказать ему: “Здравствуй” и без лишних углублений в историю – просто насладиться им.

А еще я приезжал сюда десять лет назад, когда не существовала современная дорога, по которой мы сейчас едем, а змеился разбитый путь, с остатками боевой техники. Помню, меня поразил танк с оторванной головой – башня и пушка валялись в стороне. Чей же он был – армянский, азербайджанский? – невозможно определить. С обеих сторон воевало без опознавательных знаков советское оружие. Тогда мы ехали долго – по огрызкам асфальта, тормозили у глубоких ям; шумела река, опасно подмывая дорогу. У монастыря оставили машину далеко внизу, карабкались по кремнистому подъему. Казалось, без сле-

дов человека. И чудо монастыря представлялось личным открытием, что во много раз увеличивало его прелесть.

И вот теперь мы подъезжаем к монастырю по новой дороге, которая ловко взбирается на подъем. Останавливаемся на почтительном отдалении от входной арки и остатков защитной стены. Спасибо шоферу, нашему Марату, он понимает такие вещи.

Движемся – Алекс впереди – под сень арки и далее. Но, к моему удивлению, не в главный храм, в собор, а заходим как бы во двор, ограниченный стенами, – я скоро понимаю, что это храм без покрытия, – и останавливаемся перед вертикально стоящим отесанным прямоугольным камнем. Я его впервые вижу, не обращал внимания.

Алекс начинает издалека, как бы отвечает на мой невысказанный вопрос: не всегда главный алтарь – самое почитаемое место в соборе. Вот в Эчмиадзине – не то торжественное, что мы видим впереди, а Алтарь Сошествия, он как раз под куполом. На это место, по церковному преданию, указал Господь Григору Просветителю: здесь стройте первый армянский храм. Так и здесь, в Дадиванке.

Алекс указывает на камень и остатки церковного пространства вокруг:

– Это самое древнее место в монастыре, согласно преданию, – то, о чем я сейчас буду говорить, это предание (не знаю, зачем он это так подчеркивает, а остальное что, научный факт?). Эта каменная стела, согласно древнему священному преданию армянской церкви, памятник Дади, ученика апостола Христа. Одни утверждают, что он был здесь обезглавлен, другие – что здесь похоронен; единой традиции нет. Так или иначе, этот камень связан с деятельностью Дади, который, опять же согласно традиции, был учеником Фаддея, первого апостола, который проповедовал в Армении христианство. За что был казнен. После этого первые верующие, которые восприняли от него учение Христа, установили этот мемориал. Время установки камня – конец первого или – что менее вероятно – начало второго века. И таким образом, эту стелу архаической формы можно считать

первым памятником армянской христианской культуры. Как вы понимаете, он находится на земле Арцаха. Что очень важно во многих отношениях.

Замечаю кресты на стеле.

– Можно ли считать их предшественниками хачкаров?

– Ну, во-первых, неясно, когда они были высечены, – может быть, значительно позже.. А во вторых, надо различать хачкар и крест на камне. Хачкар – это не просто крест на камне, это особая скульптурная форма, отражающая некую богатую духовную сущность. На хачкаре и знаки вечности, и каменные узоры, которые тоже имеют свое значение, и евангельские сцены, и Богоматерь, а самое главное – это особая оригинальная форма, художественное единство, имеющее свои законы. Как известно, в таком виде хачкар сформировался к девятому веку. А до этого основной формой благочестия в камне были каменные колонны – армянские христиане ставили высокие четырехгранные стелы, как мы это видим в Агуди и в Одзуне. На них – кресты, фигуры святых и т.п. Возвращаясь к камню, который мы видим, можно с большой степенью вероятности считать его первым христианским памятником на армянской земле, предшествующим эпохе Григория Просветителя и крещения Армении в 301 году.

Я сделал протестующее движение или даже сказал, что не согласен с этой датой. Алекс сказал:

– Да, я знаю ваше мнение. Многие вас критикуют за это. Но не будем сейчас. Не о том речь.

Но я и сам не захотел развивать тему крещения Армении, потому что меня интересовало оригинальное наблюдение Алекса.

Он назвал это асимметричностью – то, что церковь и святое место поклонения у армян часто не совпадают. К уже приведенным примерам он еще привел церковь св. Рипсимэ, где сама церковь и остатки мартириума, места мученической смерти, находятся рядом, но не совпадают. И в Хор-Вирапе жерло ямы, куда был заключен Григорий Просветитель, хотя и находится в

самой церкви, но в стороне. В латинской и греческой традиции храмы возводились непосредственно над сакральным местом. Как видите, не то у армян. Конечно, какая-то мистическая логика в такой ассиметрии есть, но Алекс не может её понять и объяснить.

– А что за пространство, где стоит стела Дади, это церковь?

– Может быть, церковь базиликального типа, датировка неизвестна. Или это был зал без алтаря, который накрывал святыню.

Мы идем к самой древней из целиком сохранившихся церквей. По дороге вижу кучи темного песка; наш деревенский – желтоватый, светлый. Пахнет бетоном. По всем признакам видно, что идут работы, расчистка, освобождение от напластований земли, что-то бетонируют. Алекс здороваётся с дюжими загорелыми людьми, о чем-то с ними перекидывается словами. Он всех знает, и его тоже, это приятно. Однако вот она – церковь седьмого века. Алекс объясняет:

– Что здесь интересно? Что здесь мы встречаемся с одним из наиболее древних из сохранившихся примеров гавита, притвора. В средние века гавит имел огромное литургическое значение – там совершались все богослужения покаянного типа, собирались советы монастыря, церковные соборы. Переписывались манускрипты и т.д. Здесь мы видим гавит не квадратной формы, как мы привыкли, но помещение, которое предваряло вход в церковь.

Алекс обращает внимание на пилоны в храме. Говорит, что они напоминают колонны в Одзуне. Это все указывает, считает он, на VI-VII век.

Мы идем от памятника к памятнику. А вот и галерея с колоннами, более поздняя, XVI век. Входим в Катогики, кафедральный собор – Сурб Хач или Сурб Ншан, как его определяют источники.

А вот и фрески. Здесь изображен Николай Чудотворец, говорит Алекс. Это впервые определила Лидия Дурново. По этому поводу исследователями были высказаны сомнения, да и я на-

помнил, что при папе Иоанне-Павле II было установлено, что такой персонаж – Николай Мирликийский – исторически не существовал. Да и кроме того, в Армении я не слышал ни о каком увлечении этим образом. Иное дело в России. Даже у Анны Васильевны, моей соседки по деревне, стоит огромная его икона. И, провожая в Москву, она крестит не то меня, не то машину и говорит: “Храни святой Николай Угодник”.

Но вот слова Алекса:

– Самвел Карапетян, когда исследовал фрески – сантиметр за сантиметром, – нашел надпись белой краской “Сурб Никога-йос” – “Святой Николай”. – Алекс восхищается Лидией Дурново – какова же была ее художественная интуиция и насколько глубоко знания иконографии, что она точно определила! Ведь надпись до Самвела никто не замечал. А если бы Дурново и заметила, не смогла бы прочесть.

У меня такое впечатление, что десять лет назад, когда я их увидел впервые, они были яснее, разборчивее. На странное обстоятельство обращает внимание Алекс: при дневном свете фрески из-за разрушений почти неразличимы, а стоит их осветить искусственно – они как бы восстанавливаются, проявляются в прежних красках. Они ведь и писались в расчете на искусственное освещение, а не на свет дня.

Вспоминаю: в книге Бориса Баратова они изумительно сняты. Рассказать бы о том, как он снимал их. И вообще о нем, о его книгах. О потрясающей “Армениаде”. О нашем фильме. О его подозрительности. И еще сказать громко о том, что его значение в армянской культуре недооценено. Он не просто фотографирует, но создает в своих книгах *зрительные образы* огромной художественной убеждающей силы.

Но я хочу вернуть наш разговор к святому Николаю – почему все-таки его изображение помещено на стенах Дадиванка. Алекс это связывает с правлением Иванэ и Закарэ в Армении, которые были близки к царствующему грузинскому дому и заинтересованы в сближении с Грузией, особенно двух церквей, отношение которых друг к другу было холодным. И культ

Николая был как бы дружественным жестом в сторону грузинской церкви. К этому надо прибавить (от себя), что князь Хасан Джалал Дола по материнской линии был родственником Захарэ и Иванэ.

Мы стоим перед двухэтажной колокольней; на высоте стоят два изумительных хачкара, о которых кто-то сказал, что он не хочет утверждать, что они самые лучшие, но он не знает лучших.

С этим согласен Алекс – хачкары одни из лучших. Он обращает внимание на жесткость камня – это не туф, на то, что эти узоры очень трудно было вырезать. Было время – предлагали из-за границы продать хачкар. Слава Богу, не согласились, хорошо также, что тюрки – тогдашние жители этих мест – их не повредили.

Колокольня – современница Арза-хатун, строительницы кафедрального собора. Муж ее Ваханг и сын погибли в войне с кочевыми племенами, а другой сын умер от болезни в младенческом возрасте.

Мы подошли к малой церкви. Это XVIII век. Алекс:

– Я вам скажу нечто, что скорее всего никто вам не говорил. Всякий более или менее значительный армянский монастырь имел, кроме большой основной, и малую церковь. Почему? Потому что, в отличие от Запада, который потерял эту традицию к седьмому-восьмому веку, на Востоке сохранилось литургическое правило: нельзя в одной церкви на одном алтаре вести службу более одного раза в день. Это связано с тем, что служба – это не просто произнесение священником и причтом определенных слов и совершение определенных действий, это воспроизведение, священное повторение того великого жертвенного *единственного* акта, произведенного на Голгофе, на кресте. Недаром армянское слово “патарак” означает не только литургию, но и жертву. Жертвоприношение Христа интегрируется в общедневной цикл молитв в церкви – всенощная, заутреня; еще у армян есть “аревагал” – молитва, специально посвященная восходу солнца, потом есть третий час, шестой час, девятый час – эти часы как раз посвящены Жертве, страданиям Христа; по-

том идет вечерняя служба, за ней всенощная. Поскольку алтарь – символически это Голгофа (таково глубоко мистическое восприятие алтаря), на которой Христос был распят, – а он не может быть распят дважды в один и тот же день, – то божественная литургия на одном алтаре не служится. В малой церкви одновременно с большой можно было служить по другим поводам – рождение и смерть человека, война, голод, напасти, болезни, бездождие – все, что хотите... Чтобы вести внекалендарные богослужения, всегда была необходимость в малой церкви. И еще Алекс сказал мне интересную вещь: в армянской церкви запрещалось хоронить лиц не канонизированных, как, например, Гаянэ, Рипсимэ, Месроп Маштоц. Если бы это произошло, церковь лишалась бы своей сакральности, в ней нельзя было бы отправлять службу. Поэтому достойных людей хоронят в притворе, вокруг церкви, но не внутри нее.

Алекс читает замечательную надпись Арзу-хатун. Потом объясняет, что за кресты вырезаны на стенах. Паломникам иногда разрешалось в память своего посещения и молитв оставлять безымянный крест на стене. Людям же, внесшим богатый вклад, позволялось оставлять и краткую надпись. Они сейчас для нас особенно ценны как исторические свидетельства. Помимо того, что вокруг монастыря были обширные владения, иногда оставившие надпись князья дарили ему что-то крупное даже в отдаленных районах – сады, мельницы, села. Большие земельные владения были подарены в Вайоц-Дзоре.

Алекс говорит о принципах построения армянской церкви в те века. Сейчас это утеряно. Тогда главенствовал монашеский принцип. Правила епархиями не территориальные епископы, а главы монастырей. Тот, кто становился настоятелем главного монастыря определенной области, к примеру Ахпата или Дадиванка, становился одновременно епископом, духовным владыкой всей епархии. Так, Католикос Всех Армян является духовным предстоятелем не потому, что он католикос, а потому что настоятель главного монастыря Армении – эчмиадзинского. И настоятель Дадиванка был архиепископом северных земель Ар-

цаха – Хачена, Верхнего Хачена и т.д. “А хорепископы?” – “Это в сирийской и армянской церквах (сейчас сохранились только в сирийской) были как бы помощники архиепископа, иногда это священники, даже не посвященные в епископский сан. В католической церкви они есть и поныне и называются вспомогательными, являются не предстоятелями, а лишь первыми заместителями епископа”.

Мы в усыпальнице князей Допянов, владельцев Верхнего Хачена. Ее можно рассматривать как притвор. На это указывает архитектура усыпальницы. Обсуждаем прекрасно украшенный интерьер. Обращаю внимание на сталактитовый мотив, связываю его с влиянием мусульманской архитектуры. Алекс возражает: это на саму архитектуру мечетей повлияло искусство сасанидского Ирана. Что ж, в этом есть большой смысл. Иран вообще формировал мировоззрение ранних завоевателей-мусульман. Так что мотив сталактитов Алекс связывает не с арабами, а с домусульманским Ираном.

Мы спускаемся на нижнюю ступень террасы, куда я до сих пор не ступал и где, оказывается (только для меня!), много самых разных духовных и светских строений. Они были вне защитных стен. Здесь и гостиница, и трапезная, и – предположительно – покои настоятеля. Все это еще надо отрыть из земли, реставрировать, определить, что там было. Идем по земляным тропинкам – а что под ногами в глубине?.. Алекс говорит, что уникальность этих строений в том, что они хоть и полуразрушенные, но сохранились, а в других монастырях они исчезли. Это правда: всякий раз я задумывался: храм – да, а где же люди жили? Здесь можно себе представить монастырское богатство. И конечно, среди всего – библиотека, матенадаран, где создавались и, особенно, хранились манускрипты. Здесь была переписана рукопись сочинения Григора Татеваци, которая ныне находится в ереванском Матенадаране. В библиотеке Дади даже есть комната, в которой, по предположениям, могли работать гричи над созданием манускриптов. А когда надвигалась опасность, книги прятали в огромной пещере на левом берегу Трту.

О ней никто ничего не знал. Только случайно ее обнаружил охотник, а в ней спрятанные книги. Охотник перевёз книги в Шуши и передал архиепископу.

Матенадаран Дадиванка... Ух, какая большая комната! Четыре колонны. Тринадцатый век. Вспомнил другие виденные мной матенадараны – в Гошаванке, Таддейванке, Санаине. В Вене – небольшая комната. В Алеппо – за спиной настоятеля...

Покидаем Дади, спускаемся, автомобиль снова втягивается в дорогу. Но скоро останавливаемся, идем. Стеной поднимаются скалы, все заросло деревьями – дубы. Мы идем к женскому монастырю Сурб Аствацацин. И вот мы уже у стен обители. Сломанные хачкары – их взорвали азеры, отступая. Минуем самую древнюю часть монастыря – однефную базилику с притвором, на тимпане надпись, что построила церковь царица Мама', дочь царя Кюрике, в 1174 году. Мама-хатун?

Главная церковь монастыря неплохо сохранилась, обходим ее; считается, что она поздняя – XVII века. В стене глубокая трещина, сквозная, даже часть стены отошла.

Входим. Трехнефная базилика. Видны на стенах следы штукатурки. По этому поводу Алекс высказывает важное замечание: поскольку в Арцахе мало вулканических пород типа туфа, а камни твердые плохо отесывались, то часто применялась штукатурка и, соответственно, появлялись фрески. Отесанные камни не нуждались в украшении. Так что? Фрески – это не влияние православия? Нет, говорит Алекс, хотя так часто думают, – это вопрос штукатурки. Там, где она была, появлялись фрески. Поэтому в Арцахе сравнительно больше фресок.

Осматриваем остатки других сооружений; они почти не сохранились, заросли деревьями, камни обросли мхом. Природа не выносит присутствия следов человека, старается стереть их. Алекс говорит, что монастырь хорошо виден зимой, когда листва облетает. Вот мы видим стену, там были выломаны хачкары, взорваны. Это ведь не по приказу из Баку и не генералы делали, это – что называется – простые люди. Какая злоба! Бессильная злоба темных людей.

Но не только темных. В свое время, в 1982 году, некий бакинский “ученый” без доказательств, что для них естественно и привычно, объявил монастырь албанским (агванским). Самвел Карапетян с двумя другими исследователями опубликовал в 1987 году результаты своих работ в монастыре, в частности 13 армянских надписей – тех, кто строил монастырь, кто его восстанавливал, кто делал богатые вклады. Эта публикация вызвала гнев в Баку, хотя она не оставляла никаких сомнений в принадлежности монастыря Аствацацин армянской культуре. И вот придя сюда после освобождения в 1993 году, Самвел увидел, что все надписи – на стенах церквей, на штукатурке, на хачкарах – в общем, все! – были стерты. Ай да ученые, нашли мощный аргумент!.. По этому поводу и в назидание приведу написанные когда-то в монастыре, но исчезнувшие слова: “Тот, кто повредит (сию надпись), да станет обладателем грехов моих”. Аминь!

Очень уединенное красивое место. Я думаю об уединении. Представляю себе настоятельницу – в последней молодости, свежую, мудрую. И монашек, которые здесь молились.

Шумит река, зовет нас в путь.

Напротив, за рекой, там, где гордо вздымаются скальные стены, затерялся еще один монастырь, безымянный. Сколько их таких в Арцахе!

Из машины Алекс указывает на ущелье:

– Там находилось шесть деревень, они были собственностью женского монастыря Сурб Аствацацин. Монастырь жил на доходы с них. Видите остаток дороги? Там, выше сохраняются руины церкви шестнадцатого века.

Алекс обращает внимание, что мы движемся по древней дороге, которая соединяла Партав, древний город, столицу Утика, с Двином, столицей Армении. Скоро мы подъедем к месту, где в Трту впадает река Дудху; завтра мы поедем посмотреть горячий гейзер и увидим нижнее и верхнее течение реки. Там есть такое место, где ущелье настолько сжимается, что оставляет место только для реки. Нет ни дороги, ни тропинки. Пришлось

рядом пробить дорогу, а от нее в одном месте – специальный короткий тоннель, чтобы увидеть это сдвинувшееся и сжавшее реку ущелье.

Алекс привёз нас в Карвачар. Мы переночевали у его друга, в доме на берегу Трту; всю ночь я слышал её неостановимый бег. Утром познакомился с главой администрации района. Заботы у него те же, что и у Алекса, – укоренение жителей на новой (старой армянской) земле. Потом мы собрались и поехали в Цар.

Это было место, где собирались окрестные жители в минуту опасности, потому что знали его неприступный характер. Это была крепость, но, в отличие от крепостей-орлиных гнёзд на вершинах гор, Цар был достаточно вместительным, чтобы защитить испуганных людей.

Но прежде чем понять всё это, мне предстояло взобраться на головокружительную высоту. Я всё время повторял про себя пушкинский стих: “Отселе я вижу потоков рождение...” И вправду отсюда берет начало река Тартар-Трту.

Наша “Нива” ревела и задирала нос, при этом надо было делать такие крутые повороты, что если не впишешься в них, полетишь в пропасть. Ко всему занимала мысль: если все эти ручейки, обильно текущие навстречу, завтра замёрзнут, то никакая “Нива” не довезёт, может быть, только гусеничный трактор...

В самом Царе меня удивило как раз обилие воды. Страшно было ступить, не разбирая дороги, чтобы не провалиться по колёно. Вокруг всё было голо, пустынно. Никаких величественных развалин, только несколько церквушек, сложенных из грубо наломанного камня, скреплённого известковым раствором. Всё великое прошлое Цара, о котором сообщают историки, исчезло.

Приметным оказалось лишь длинное школьное здание без окон и дверей. Я зашёл внутрь и остановился, пораженный. Оно всё было построено из... хачкаров. Вот куда делось прошлое Цара! Его использовали как строительный материал варвары азеры. Вот именно! Если нужен пример варварства – то он в Царе, в здании школы. Интересно, что чувствовало племя младое, незнакомое, азербайджанское, ежедневно взирая на

армянские крылатые кресты и на армянские тексты, в которых говорилось (они этого не понимали) о спасении, о милосердии, о доброте.

Я подошёл к самому краю обрыва. И снова вспомнилось: “Кавказ подо мною. Один в вышине стою над снегами у края стремнины...”

Сложная – сложно сочинённая и сложно расчленённая горная страна расстилалась подо мною. Меж ущельев серебряными нитями струились и сверкали реки. Легкие облака клубились и заполняли впадины. Орлов не видел, не стану врать. Так же как и следов присутствия человека.

Вот эта величественная красота повернула мой угол зрения, обратила меня к природе этих мест.

Я уже, как жадный турист, прошел тот короткий тоннель и увидел бурную реку Трту и сжавшие её скалы. И то, что действительно невозможно пройти вдоль реки – нет не то что тропинки – негде ногу поставить. И гейзер я видел – гейзер, как в долине гейзеров на Камчатке. Он бурлил и чмокал. И не нужно лететь на Дальний Восток, чтобы полюбоваться этой экзотикой. Достаточно приехать в Арцах, в Карвачар. (Это на заметку будущим туристам.)

Да, красива эта земля. Дикая, первозданная, гордая красота!

ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА

Невесомость неба

Писатель

Туман белее снега с Арагаца,
и девственно чиста твоя страница –
беседа букв и болтовня глаголов
остались за порогом кабинета.

По улице плывёт большая рыба.
Молчит и тонет, вязнет в зимнем иле,
то вздрогнет чешуёй зонтов неровно
от городского шумного прибоя –

блуждает взгляд в окне... Остывший кофе,
раскрыта “Капля мёда” Туманяна,
срывают тишину секундной стрелкой
часы, и не написано ни строчки.

О, этот долгий сон, длиною в зиму,
когда тоска совсем невыносима,
и сумерки скользят по стенам комнат,
когда Её лица уже не вспомнить...

Тревожится, шумит листвой платан...
А в зимнем Ереване спят чинары...

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Мне снился Арарат и голос Зары
на ледяных ветрах – “Дле яман”,
и Комитас, мальчишка-сирота,
на стылых камнях прачечной ютился,
пока никем не признанный...

Мне снился
Раздана плеск под сводами моста.
И древние хачкары у дорог,
и звон колоколов Эчмиадзина,
и ангелы, скорбящие незримо
о душах убиенных,
и народ,
хранящий ощущение корней,
как щепку древа Ноева Ковчеха..

Мне снилось – пел дудук.
И запах снега
стучался в окна улицы твоей.

Отражения

Улитка тянет панцирь за собою,
но в зеркале иное отраженье:
дома, машина, лестниц позвоночник,
курносый профиль, глаза сердцевина,
на лепестке волны – фигурка птицы,
поющей под дождём о зёрнах риса,
сезоне облаков и римском ветре...

Как не отдать того, чем не владели –
*“не любят вновь, но любят изначально”**

* *Вариация перевода строки П.Севака «Նորից չեմ ւիրում, ւիրում եմ Կրկին...»*

Течение жизни – Мёбиуса лента –
по замкнутому кругу в бесконечность
с навязчивой иллюзией свободы:
арена Колизея, птица, профиль,
спираль, виток, улитка, отраженье.

Поминальное

*Жертвам армянского и понтийского
геноцида*

Вспомни сегодня о душах, которые ждут.
Лица из прошлого, ветер, песок и пустыня.
Вспомни насильно забытое прадеда имя...

Женщины в чёрных одеждах под солнцем бредут.
Крики детей и израненных судеб печаль.
Зноем иссушенный плач, переполненный скорби.
Смерть проставляет на смуглые лица печать
и заставляет молчать – ятаганом по горлу.
Мелет сгоревшая мельница пепел и дым.
Волны речные алее заката от крови.
Мёртвые матери слёзно поют в изголовьях
песнь колыбельную мёртвым младенцам своим.
Сколько гранатовых зёрен в созревших плодах,
ангелом собранных? Тысячи тысяч убитых,
заживо в храмах сожжённых, камнями забитых
или расстрелянных в анатолийских садах...

Ветер весенний срывает огня язычки
на поминальных свечах. И в молитве усердной
слышится тихое: “Только любить научи!
Господи, да преисполни сей мир милосердьем!”

Послушник

Ты ждёшь ответов от весны и неба,
обманчивых глазниц витражных окон,
от стен холодных, не познавших солнца,
где святость дремлет, чинно торжествуя.

Монах-отшельник сухо шепчет “Амэн!”,
душа, как власяница, липнет к телу –
не снять, не сбросить путы прочных вервий.

Фигуры скорбных женщин, детский лепет,
соборный сумрак стелется под ноги,
но робкий луч под сводом вдруг ослепит,
как знак свободы... Кто тебе ответит
на твой вопрос – судьба, века, дороги?..

Молись своим богам недостижимым,
немой молитвой напрягая жилы.

Необходимость рассветной невесомости

Гадательные камни из ладоней
просыпались, как пыль, как вздох пустыни...

К чему нам знать ответы на вопросы
о том, что будет завтра? Дни, на ощупь
(как братья-близнецы), бредут слепцами.
А время мерно в кружку с подаянием
роняет глухо медные монетки
и чёрствой коркой хлеба кормит память.

ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА

Нам хватит на двоих моих молчаний,
твоих безмолвных писем для ответов.

Пока же спят доверчивыми снами
зачатые не нами наши дети,
я верую в тепло твоих касаний
и невесомость неба на рассвете.

Весеннее обострение

Готов разорваться каштановой почки поло'н,
в заброшенном птичьем гнезде поселился лишь ветер,
тревожит неясно не мною написанный Вертер
раскрытою книгой...

А старые рамы окон
кроят лоскутами весны беззаботное небо.
Упрямые буквы слагаются в новую небыль
в обрывки из снов, недосказанных слов суету,
в строку, по которой босая за солнцем уйду...

“Благодарю друзей за уроки общения”

Вика Чембарцева родилась в Кишиневе, окончила факультет маркетинга ASEM и факультет психологии ПС. Член Ассоциации русских писателей Молдовы, член Союза писателей Москвы. Участница форумов молодых писателей России (2009-2011), V Ереванского форума переводчиков стран Балтии и СНГ. Лауреат и дипломант многих международных литературных премий и конкурсов. Печатается в литературных журна-

лах России и зарубежья. Автор поэтической книги “Тебе...” (Кишинев, 2010). Осенью она побывала в Армении.

– Вика, твой путь в Армению был долгим. Сначала ты познакомилась с ее историей, литературой. И даже видела Армению во сне. Откуда такой интерес?

– Сложно сказать, откуда приходит к нам что-то, что потом наполняет собою всю дальнейшую жизнь. Наверное, существуют какие-то точки отсчёта, с которых начинается наша личная история. Кажется, Армения всегда незримо присутствовала рядом. Детство моё прошло на углу Армянской улицы, в квартале от Армянского кладбища, на котором похоронены мои предки-греки. В нашем дворе было хорошо слышно, как кукует кладбищенская кукушка, считая кому-то отпущенное время... Потом были мамины впечатления от осенней поездки в Армению 1980 года. Синяя прозрачность Севана, Эчмиадзинский монастырь, Матенадаран, хачкары, Цицернакаберд – все эти чуждые слуху названия стали знакомыми с детства... Потом был декабрь 1988-го. Спитакская трагедия – нами, знающими и испытавшими многие землетрясения, – была воспринята как своя. И я помню, как принесла в школу свой любимый красный свитер, отправленный со многими другими вещами детям в пострадавшую Армению... Потом был Карабах. И беженцы. Армянская семья из Баку жила на квартире у моей бабушки. Я помню армянскую речь в её доме... Всё это причудливой мозаикой складывалось в единую картину. Иногда краски её меркли, покрывались пылью других времён, лиц, событий. Но приходило время снова ярче осветиться и напомнить о себе. Так, приехавшая из Лос-Анджелеса моя маленькая племянница вдруг заговорила со мной на армянском. Её учит языку няня-армянка – в чужой стране, чужого ребёнка, учит **своему** языку, просто из желания обрести в ближнем отклик далёкой родины... Так, удивительной прозрачностью слова вдруг открылась поэзия Мецаренца – случайно (или всё же не случайно?!) набрела на его сборник в Интернете. “Мецаренц весь соткан из закатного света”... Так, вдруг до глубины потрясает звучание стихов Севака. Настолько, что неделю безотрывно слушая записанные файлы, не понимая ещё значений армянских слов, но по наитию чувствуя в интонациях глубину и мощь его поэзии, вдруг ощущаю в себе желание перевести его. И всё... я

уже остаюсь в этом пространстве – я читаю его, я читаю о нём, я по тонким протянутым лучикам перехожу от него к тем именам, которые с ним связаны, а от них – дальше и дальше. Саят-Нова, Нарекаци, Кучак, Чаренц, Туманян, Терьян, Матевосян, “Мы и наши горы” Маляна, “Цвет граната” Параджанова, “Майрик” Анри Вернея (Малакяна), “Гнездо жаворонка” братьев Тавиани... Неистребимая жажда всё в себя впитать, приблизить и приблизиться. И уже не удивительно, что однажды приходит сон, в котором я себя вижу на широком бетонном плато с высокой стелой. Я понимаю, что это Ереван, в котором я никогда ещё не была. Тишина, и только ветер наполняет уши звуком лежащего где-то внизу города. Внутреннее ощущение скорбной памяти о чём-то. Осознаю, что это мемориал. Подхожу к краю площадки и вижу спускающиеся вниз ступени лестницы. И просыпаюсь. В Интернете просматриваю фотографии ереванских достопримечательностей и нахожу мой сон – Цицернакаберд. А потом начинают всплывать семейные истории, имена, лица. И я понимаю вдруг, что часть семьи прадеда-понтийца, не случайно, видимо, была вынуждена менять звучание своей греческой фамилии на турецкий манер... Может быть, сквозь сон прорастала память именно об этом? И теперь я знаю, что обязательно должна увидеть Цицернакаберд наяву. И верю в это.

– Как тебя встретила страна Айка? Поделись ощущениями.

– Любая страна, любой город начинаются с людей. Это потом проявляются лица улиц и вкус воздуха. Армения началась ещё в ночном Шереметьево, когда армянин-отец, простой с виду человек, в ожидании посадки по-русски говорил своим маленьким сыну и дочери:

– А теперь мы возвращаемся домой!

– Но ведь наш дом тут, папа! – недоумевала девочка. Судя по всему, они впервые летели в Ереван.

– Нет, джаникес, дом, это там, куда рано или поздно человек возвращается, чтобы остаться навсегда, – и он что-то шептал ей на армянском, поцеловав в макушку.

Потом в самолёте заплакал, раскапризничался внезапно проснувшийся ребёнок. Его успокаивали человек шесть или восемь. Посторонние тётушки поворачивались в своих креслах и спокойно разговаривали с ним, подходили, кто-то передавал игрушку, кто-то конфету, какой-то мужчина вышел в проход и начал на армян-

ском что-то рассказывать ребёнку. И тот затих, прислушиваясь. Наверное, это была какая-то сказка. Никакого раздражения, никакого недовольства, никаких цыканий и отчитываний. Задумалась о том, что, пожалуй, никто так участливо ещё не реагировал на чужого ребёнка, нарушившего покой ночного рейса.

А в Ереване шел дождь. Он просто выливался из неба каким-то сплошным потоком. Бледное предутреннее лицо девушки-волонтера форума, встречающей меня в Звартноце, извиняющееся улыбкой: “Обычно в октябре у нас совсем другая погода!” Садимся в такси. Таксист пытается рассмотреть меня в зеркало, расспрашивая о погоде в Москве, и поняв, что я первый раз в Ереване, начинает советовать, куда мне непременно нужно сходить в городе и что обязательно увидеть. По ходу, он непрерывно подробно комментирует проплывающие (тут уже буквально!) в темноте за окном достопримечательности. Останавливаемся, рассчитываемся, и таксист, вопреки ожиданиям, сам заносит мой чемодан прямо в холл гостиницы: “Разве это дело, гостье под таким дождём чемоданы самой таскать?!” Желает хороших впечатлений от поездки и новых приездов в Ереван: “Обычно, один раз увидев, все возвращаются сюда снова и снова и снова – Ереван не отпускает просто так”, – смеётся он.

В номере я открыла окно и, наконец, спокойно вдохнула воздух улицы. Дождь прекратился. До утренней конференции оставалось каких-то четыре часа и нужно было хоть немного поспать. А я не могла отказать себе в удовольствии первого молчаливого общения с Ереваном. И вот тогда, стоя у раскрытого окна, я почувствовала этот особый вкус воздуха – чистый, переполняющий дыхание прозрачным движением, словно пьёшь родниковую воду. Улица просыпалась – первые машины, первые пешеходы, проясняющаяся с рассветом зелень деревьев в сквере напротив. “Ну, вот я и приехала, здравствуй, Город”, – вдруг понимаю, что произнесла это вслух.

Четыре дня форума, четыре дня событий, конференций, новостей, лиц, презентаций, знакомств и общения. И после всего этого и в промежутках – встречи с друзьями, наперебой, чтобы успеть всех увидеть, чтобы они успели меня сводить, отвезти, показать и познакомить со всем и со всеми, что можно вместить в эти короткие часы. Анаит, Давид, Сурен, Рубен, Рузанна, Рудик...

Утром на Северном проспекте – солнце, и воздух похож на римский. Днём у Матенадарана фотографируемся прямо под дождём. Вечером Арагат всё не открывается.

На углу новой улицы единственный старый дом – жильцы отказываются съезжать из него. Перед домом – ярким пятном вспыхнувшее на солнце осеннее дерево. Единственное дерево перед единственным домом. И я уже знаю, что это дерево запомнится мне навсегда.

– Мне нужно попасть в музей Параджанова!

А у Параджанова во дворе точно такое же дерево.

Параджанов потрясает степенью свободы. Свободой быть отличным от всех, сумасшедшим до гениальности и гениальным до абсурда. Не только быть способным видеть в хаосе вещей и предметов единство, но и позволить себе смелость воплотить свою идею, а потом заявить, показать другим, разрушая рамки и представления дозволенного, сдвигая точки опоры, меняя угол восприятия. Прозаик всегда стиснут границами сюжета и формы, он всегда ориентирован на читателя. Поэт свободен в этом. Параджанов – поэт во всём, что делал. Я вспоминаю его “Андрейш”, снятый на Молдова-фильме – этот фильм не нравился мне в детстве, но почему-то очень запомнился. И теперь мне удивительно, что встреча с Параджановым состоялась задолго до его понимания.

В случайно выхваченном из толпы лице узнаю что-то знакомое. Оборачиваемся одновременно. Анаит! Снова неслучайная случайность?

Древние рукописи согревают неожиданно яркими красками иллюстраций. Трудно представить, как кто-то когда-то сидел за своим столом и витиеватым почерком вносил своё имя в историю. Трудно представить, что спасаясь от преследований, кто-то спасал древние книги, рискуя жизнями своих детей. И сопоставить с тем, что во время войны ценнейшую библиотеку моего прадеда, по крупницам собранную и перевозимую с собою с места на место, разворовали, пустив страницы книг на обёртки для жирных пирожков уличной торговли...

Сурен:

– Амирдовлат Амасиаци “Ненужное для неучей”, средневековая книга по медицине, которой пользуются в армянских семьях до сих пор.

Тончайшие узоры, инкрустированные оклады, золото в иллюстрациях. И понимаешь, что книга была объективной ценностью, бережно хранимой и передаваемой по наследству.

Давид:

– По дороге зайдём в музей Чаренца, ты успеваешь.

Разве восемь месяцев назад, читая в кишинёвской маршрутке его стихи и воспоминания о нём, могла я знать, что увижу его комнату, что улыбнусь фигурке Будды на комодке?

Беспрестанно вытягиваю шею, пытаюсь разглядеть из окна машины:

– В какой стороне Арарат?

А он всё не открывается...

На Северном проспекте поднимаю камешек и долго не опускаю его из пальцев на дно кармана – земли нужно роднить, перевозя частичку в далёкие места. Этот камешек уедет со мной в Кишинёв.

Дорога в Гегард растворяется в тумане, разлитом, как рюмка ракии. Неожиданно навстречу выплывает отара овец, и я отдаю себе отчёт, что мы вообще-то в горах. Но ничего этого не видно. И Араратская долина так и останется для меня нематериализованным звуком.

– Не забудьте же показать нам Арку Чаренца!

Лилит:

– Я могла бы махнуть вам рукой в любом направлении, говоря, что это там. В таком сплошном тумане это одинаково бессмысленно.

Мне становится тоскливо. Ожидания не оправдываются. Грустно, как в детстве, когда вместо желанной куклы дарят очередную ненужную вещь.

Мы приехали. Туман начинает на глазах разрезаться. Выхватываю объективом крест, серебриющийся в теле горы. Поднимаемся. Все по очереди пытаются попасть камешками на уступы ска-

лы, чтобы загаданное желание сбылось. Не прицеливаясь, бросаю камешек, и он летит одновременно с загадываемой мыслью, а может даже чуть быстрее. И остаётся лежать там, наверху. Поднимаю ещё один и уже обдумав желание, бросаю следом. Он замирает где-то там же. Больше не испытываю судьбу, мне хватит и двух желаний.

Радмила, переводчица из Сербии:

– Bravo! Дайте-ка я стану на ваше место, может и мне повезёт.

Внутри слишком темно. Свет, которой должен бы, вливаясь сквозь купольные окна, освещать залы, остаётся бледным парящим облачком только под сводами. Вспышки фотоаппарата выхватывают из темноты фрагменты фресок, хачкары, узор стен, кладку пола. Хочется остаться с храмом наедине – слишком мешают чужие мысли и голоса вокруг. Жду, пока большая часть народа перейдёт в другой зал. Прислушиваюсь к темноте. Плеск воды нарастает и гасит уходящие голоса. И вот опускается ощущение святости места, безграничного покоя и умиротворения. Закрываю глаза, чтобы увидеть эту темноту внутренним взором. Удивительно, но она проливается светом сквозь веки. И звучание ключа, бьющего из стены, снова напоминает о Параджанове. “Цвет граната” – этот гортанный голос воды оттуда. Вспоминаю то, о чём писал Битов – видимое вокруг становится звучанием. Пробую петь. Голос в темноте отражается от стен, и пространство обретает форму. В моём Гегарде звук делает невидимое явным.

Выхожу. Снаружи, оказывается, всё ещё относительно светло. Поднимаю камешек. Внутренне прошу разрешения увезти и его с собой.

– Сфотографируешь меня? – прошу Рубена.

– Конечно!

Говорим о его недавно дописанном романе, о поэзии и снова – о Параджанове. На площадку подняться не успеваем, все уже спускаются к автобусам – мы самые последние.

В сплошной темноте едем в Гарни. Подсвеченный радужными огнями храм воспринимается яркой декорацией, размноженной открыткой, вклеенной в альбом ночи. Мне не хватало гор вокруг,

невидимых из-за темноты. Мне не хватало звука дудука, наверное, чтобы прочувствовать, чтобы **увидеть** и понять. Вспоминаю фразу: “Гарни – цитата, Гегард – метафора”. Ещё один маленький камешек выскальзывает из ладони в карман...

Гор:

– Вам обязательно нужно съездить в Эчмиадзин! А давайте с нами. Завтра как раз родственники будут крестить там ребёнка. Можем за вами заехать.

Мне неловко отказать и неловко согласиться, я совсем не знаю этих людей, но они приглашают меня разделить с ними семейную радость.

– С какой стороны от нас Арарат?..

Анаит:

– Я в твоём полном распоряжении. Куда и когда захочешь пойдём...

В Вагаршапате ещё один камешек отправляется в карман – так я перевезу с собой всю Армению!

Мощь Эчмиадзинского Собора придавливает к земле. Кажусь себе маленькой выпавшей из гнезда птичкой. Ищу взглядом то, за что смогу зацепиться, чтобы взлететь. И нахожу – качаемая ветром лампада над входом. Всё внутреннее великолепие слишком сложно объять. Смотрю глазами, воспринимаю сердцем. Выхожу и на мгновение прикладываю руку к внешней стене, закрываю глаза. Всё, что не успела прочувствовать, передастся через это касание.

Складчатый, оплывающий ствол древней чинары дремлет под шумные зелёные аплодисменты. Дерево так похоже на чинары Ташкента и Самарканда, на платаны Лондона и Рима. И на мой законный платан, что вот уже пятый месяц в этой застывшей затянувшейся во времени осени шелестит мумиями пергаментной листвы во дворе. У них одно родство, хоть звучат они на разные голоса. Так и с людьми. Мы все – одинаково разные.

У Церкви Св.Гаянэ две свадебные процессии. Счастье в глазах молодожёнов – интернациональная черта. “Коридор” из цветов точно такой же, как на молдавских свадьбах.

Ещё одно ослепительно жёлтое дерево, навывлет пронзённое солнцем. Теперь я наверняка напишу о них!

У полуразрушенной (или наполовину выстроенной) стены, трёхцветная кошка. Остановилась, присела, задумалась, внимательно глядя сквозь пространство. Пока она, как-то по-особому мякнув, не исчезла меж камней, успеваю поймать её в объектив, вспоминая мандельштамовское: “дикая кошка – армянская речь...”

Уличные ряженные канатоходцы начинают истовее бить в барабаны и клацать тарелками при приближении потенциальной публики. И разочарованно обрывают представление, видя уже удаляющиеся спины.

В сердцеvine перекрёстка – в раздумьях склонивший голову Комитас. Я смотрю на него с противоположной стороны сквозь куст жасмина. И Комитас, великий Комитас умещается всего между двумя тоненькими веточками, словно в фоторамке. Как мало нужно величю и сколь великое умещается в малом.

– В какой стороне Арарат?..

Проходя через мостик над говорливой речкой, словно попадаешь под дождь. И это гортанное звучание длится и потом ещё долго преследует даже за закрытыми дверьми. Даже эта речка говорит на армянском.

Армянский алфавит очень точно подходит под звучание армянских слов. Пытаюсь читать и понимаю, что более логичных символов для передачи именно этих звуков и быть не могло. Божественная гармония звука и символа.

На площади Республики вечерний театр воды. Причудливая, потрясающая архитектура струй! Фонтанирующие свет и цвет. Голос великолепного Азнавура. Уходить не хочется, хочется аплодировать и кричать “Браво!”

Рузанна:

– Вика джан, когда увидимся? Что хочешь увидеть?

Ереван в лицах напоминает небольшие румынские города, где все друг друга знают. Так часто идущие навстречу люди здороваются, чуть кланяясь в приветствии. Да и внешнее сходство армян с ру-

мынами очевидно – смуглолицые, черноволосые, с тёмными живыми глазами. И кажется, что средних лет мужчина, идущий навстречу элегантной даме, сейчас скажет: “Сэрут мына доамней!”* и слегка приложится губами к её руке.

Ереван в гостях напоминает Бухарест начала девяностых – холодом в квартирах и привычкой не снимать обувь при входе.

– Не разувайся, Вик джан, у нас это не принято!

– Я так не могу!

Но Бухарест девяностых был сер и угловат, неприветлив и эгоцентричен. Ереван – другой.

Рудик:

– Кофе только армянский, растворимого нет.

Зачем растворимый, когда есть такой великолепный! Чуть крепче я пила только в Риме.

Ани:

– Пробуйте суджук, заворачивайте в лаваш с зеленью вместе. У вас же такого нет.

Это правда – ереванский лаваш с кишинёвским “армянским лавашем” ни в какое сравнение не идёт.

Давид:

– На этом лаваше можно стихи писать.

– А с какой стороны сейчас Арарат?..

– Мне обязательно, обязательно нужно увидеть Цицернакаберд!

За три часа до рейса всё же успеваю подняться на холм. Сумерки опускаются быстрее, чем успеваем подойти к мемориальному комплексу. Сакральное место. И кажется, что в перешёптывании ветра явственно слышны голоса. “Господи, да преисполни сей мир милосердьем!”

– Подождите меня, пожалуйста. Я должна подойти к тому краю. Я видела это во сне.

“А что, если я не увижу эту лестницу? Что, если это была только метафора из сна? Что, если?!..” – прячась от собственной

* Целую руку даме (рум.)

мысли, подхожу к самому краю и... К огням лежащего внизу города каскадом сбегает лестница. Улыбаясь темноте, облегчённо выдыхаю. Я не могла обмануться.

– А Арарат мне так и не открылся...

– Это он для того, чтобы у тебя был веский повод снова вернуться, Вика джан.

Новый роман писателя начинается с романа с Городом, который он будет населять потом своими персонажами. Города, который вызывает чувство эмоциональной близости, города, в который можно влюбиться, и новой встречи с которым начинаешь ждать, как свидания с любимым, города, который увозишь с собой. Я увозила Ереван с собою, внутренне переполненная им и длящаяся в нём.

(Из армянской тетради)

– Когда-то Уильям Сароян написал: “Они не лучше и не хуже других народов, но я люблю их чуточку больше других...”. Можно ли о тебе сейчас сказать, что ты чуточку больше любишь армян и Армению?

– Отвечу тоже несколькими цитатами. В книге Давида Мурадяна “Европа на колёсах” есть фраза: “Чтобы любить Армению, достаточно было знать Паруйра (Севака)”. Я скажу: “Чтобы любить Армению, достаточно знать моих армянских друзей!”

У Лоуренса Даррела: “Город становится миром, когда начинаешь любить одного из живущих в нём”. А я отвечу: когда Город и Люди, становятся частью твоего внутреннего мира, можно ли их не любить?!

– Андрей Битов сказал: “Я усмотрел в Армении пример подлинно национального существования, проникся понятиями родины и рода, традиции и наследства”. Вика, а какой урок Армении ты получила?

– Невероятное спокойное национальное достоинство. Ощущение сплочённости и гордости за свою нацию. Потрясающее уважение к своему Слову, Букве, Алфавиту. В бережном сохранении тра-

диционной письменности и культуры Армении, пожалуй, не похожа ни на одну другую страну. Сохранение национальной идентичности даже вдалеке от родины. Гостеприимство и толерантность, доброжелательность и приветливость. Ко всему этому невозможно отнестись равнодушно.

Я благодарю моих армянских друзей за уроки общения.

– Как живут армяне в Молдове? Есть ли исторические места, связанные с армянскими именами?

– По утверждениям историков, армяне появились в Бессарабии примерно в начале XI века, уходя в западные земли от жестоких преследований турок-сельджуков. Ещё одна мощная волна армянской эмиграции к западным пределам Османской империи, в том числе в Бессарабию, пришлась на XIV-XV века. Причинами служили всё те же притеснения со стороны турецких властей.

В 1792 году, спасавшиеся от турецких преследований армяне-беженцы из Измаила, основали в Бессарабии город Григориополь, названный так в честь армянского святого Григория Просветителя.

В 1809 году на территориях, завоеванных во время русско-турецкой Балканской войны, указом русского царя была основана армянская епархия Бессарабии с центром в городе Яссы. Позже, по Бухарестскому мирному договору 1812 года, Яссы остались на территории Османской империи и новым епархиальным центром стал Кишинев. После Октябрьской революции армянские церкви Бессарабской губернии соединились с армянской епархией Румынии.

Самый знаменитый армянин Бессарабии – Манук-бей Мирзоян – в 1816 году планировал построить недалеко от Рени город, куда хотел переселить сотни армянских семей из Османской империи. Будущий город должен был называться Александрополь. Но год спустя, с гибелью Манук-бея, погибла и идея бессарабского армянского города. Манук-бей был похоронен возле армянской церкви Святой Богородицы в Кишиневе. В этой церкви служил священником Габриэл Айвазовский, брат известного художника-мариниста.

Сегодня в Молдове действуют четыре армянских храма – по одному в Бельцах и Григориополе и два – в Кишинёве. Главная армянская церковь Молдовы – храм Святой Богородицы, построенный в 1803 году в новоармянском стиле.

Благодаря усилиям армянской диаспоры в 2003 году была буквально восстановлена из руин старая кишинёвская армянская церковь, воздвигнутая в 1904 году. У её ворот сегодня установлен памятник основателю храма Борису Багдасарову. Рядом с церковью построен культурный центр “Армения” с действующей армянской школой имени создателя армянского алфавита Месропа Маштоца.

Среди ведущих студентов Славянского университета Молдовы немало юношей и девушек из семей армянской диаспоры.

Как представитель греческой диаспоры Молдовы, я хочу добавить, что гордостью обеих общин – греческой и армянской – сегодня можно назвать Афины Мадоян. Юная певица из греко-армянской семьи Ольги и Арама Мадоян, Афина неоднократно становилась дипломантом и лауреатом международных музыкальных конкурсов. Талант девочки отметили в Мариуполе на VI Международном фестивале греческой песни им. Тамары Каци, в ноябре 2010 года. Она заняла первое место на республиканском фестивале “Ploaie din stele” (“Звёздный дождь”), золотую медаль по эстрадно-му вокалу на одесских фестивалях “Морская Жемчужина” в 2010, 2011 году и второе место в конкурсе “Весёлая Радуга”. Хочется пожелать этой девочке большого будущего!

– А что ты желаешь армянским читателям?

– Мне интересна Армения и её люди, ставшие частью моего мира, а что можно пожелать людям, которых воспринимаешь духовно близкими? Гармонии, любви, благодарности, радости и причин для радости, умения осознанно замечать движение каждой минуты жизни, понимать и принимать удивительное божественное начало в любой мелочи, окружающей нас, – это и есть счастье, которое не остановка в дороге, а путь, по которому я желаю всем нам идти.

...А Арарат... когда-то ещё посмотрит на меня, преподнеся в дар своё спокойное величие.

Беседу вела Елена Шуваева-Петросян

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

Русское слово в Армении

В начале октября под патронатом президента РА Сержа Саргсяна в Армении прошли IV Дни русского слова 2011 “Русским языком мы с будущим слиты”, организованные Российским обществом дружбы и сотрудничества с Арменией, Армянским обществом культурных связей и сотрудничества с зарубежными странами совместно с Представительством “Россотрудничество” в РА, Фондом развития “Институт евразийских исследований”, Союзами писателей и журналистов, Министерствами культуры РФ и РА, Министерством образования и науки РА.

Встречи, проекты, перспективы

В течение недели в Армении прошли встречи с мастерами русского слова и политиками, круглые столы и молодежные викторины, научно-практические конференции и литературные вечера, концерты самодеятельных артистов и спектакли известных театральных коллективов, презентации и выставки новых русских изданий и переводов армянской прозы и поэзии, открытие магазина “Дом русской книги” и прием в Посольстве РФ в Армении, посвященный Дню учителя... Главной “изюмин-

кой” Дней русского слова все же можно назвать цикл открытых уроков, которые провели в школах государственные и общественные деятели, представители творческой и научной интеллигенции. Открывая цикл в ереванской школе им. А.С.Пушкина, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Армении Вячеслав Коваленко рассказал школьникам о традиционно добрых связях между Россией и Арменией, о важности изучения русского языка на пространстве СНГ. Одновременно российский дипломат поздравил юных пушкинцев с 75-летием школы, передал в дар книги русских классиков. Не менее интересно прошел “русский час” и лауреата литературной премии имени Валентина Катаева, руководителя Представительства Россотрудничества, советника Посольства РФ в Армении Виктора Кривопускова с учениками старших классов ереванской школы № 109. Основной направленностью открытого урока стала тема “Русский язык – как проводник армянских произведений в мировое литературное пространство. Его роль и значение в современных российско-армянских связях, в нарастающих союзнических отношениях двух стран”.

Весьма важной составляющей можно назвать и ряд соглашений, которые были подписаны в рамках праздника. В частности, практический интерес представляют собой договоры о сотрудничестве в области образования между Представительством Россотрудничества в Армении и вузами республики: с Ереванским государственным лингвистическим университетом им. Брюсова и Армянским государственным педагогическим университетом им. Хачатура Абовяна. Выступая на церемонии подписания, заместитель руководителя Федерального агентства “Россотрудничество” Сергей Шаповалов отметил: “Соглашение можно назвать прорывом в развитии гуманитарных межнациональных связей и, конечно, подтверждением правильности выбранного пути, а сам праздник – ярким событием в культурной жизни наших стран”. Впрочем, это мнение было высказано еще не раз. О развитии армяно-российских отношений с позиций русского языка говорили практически все участники этого

праздничного и одновременно познавательного фестиваля русского слова в Армении. Согласно данным социологических исследований, сегодня 94% родителей в Армении хотят, чтобы дети хорошо владели им, что еще раз говорит в пользу огромного интереса наших соотечественников к русской культуре и русскому слову. Кстати, когда в эти же дни президент Армении принял лауреата Нобелевской премии в области физики, вице-президента Академии наук России, депутата Государственной думы РФ Жореса Алферова, то, приветствуя видного ученого, Серж Саргсян подчеркнул важность укрепления научно-образовательных связей в контексте армяно-российского стратегического партнерства. “Надеюсь, что богатая история и традиции сотрудничества станут основой для новых научных достижений во благо всего человечества и наших двух дружественных народов”, – подчеркнул глава армянского государства, поздравляя российского ученого в связи с его избранием почетным членом Национальной академии наук Армении.

**НИКОЛАЙ КРИВОМАЗОВ,
ПИСАТЕЛЬ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ЖУРНАЛА “ГРАЖДАНИН”**

Армянам и русским снятся одинаковые сны

Российское общество дружбы и сотрудничества с Арменией и Россотрудничество уже организовывали Дни русской литературы в Армении. А ныне и все небывалое – IV Дни русского слова в Армении под красивым и сочным девизом “Русским языком мы с будущим слиты”.

Первое ощущение: Господи, да какое тут русское слово, когда вокруг такое творится! Второе ощущение: а может, оттого и творится, что русское слово сегодня в загоне? Выступая на независимом армянском ТВ под названием “Центр”, я слушал тонкий русский язык в армянском исполнении красивейшей пары ведущих, и прямо говорил о том, что у большинства наших телевизионных красоток не только силиконовые груди, но и силиконовые мозги, на радио – короткие волны и короткие мозги.

Русский язык мы губим. (Плагиат из Ленина). Нещадно уничтожаем английскими глупостями. Смотрим на Запад, как армяне снова смотрят теперь на Север, на Россию (смешная советская киношка “Невеста с Севера” до сих пор самое любимое здесь кино). Ну, а русский язык в чистом виде сохранился, законсервировался разве что в Сибири у староверов и, если почестному, то в таких краях, как Армения, – “консервант” русского языка.

Простейший и самый близкий мне и “Комсомолке” пример – Арам Саркисян, давний собкор “Комсомольской правды”, а ныне – страшно сказать! – председатель Социал-демократической партии Армении. Так что, прости уж, Арам Гаспарович, но мы до сих пор помним, что если уж Арам напишет заметку, так это будет не только сущей правдой, но и эталоном русского языка, где каждое слово выверено под увеличительным стеклом великого незнания двоюродного всё-таки языка, который путём великого труда души и сердца стал родным и близким.

Армяне и сегодня разговаривают на русском словно по льду идут. Не спешат и не тормозят. Чтобы не поскользнуться, не насмешить собеседника. А потом как выдадут иной пируэт – самая фигуристая наша фигуристка на льду Татьяна Тарасова заплодирует!

Очень тонкие русаки, эти армяне. Но их всё меньше. И самые сообразительные, самые памятливые идут в Россотрудничество к Виктору Кривоусову, в Российский центр науки и культуры, и через своих детей и внуков начинают всё сначала: “Ма-ма мы-ла ра-му”.

Если же эту раму не мыть, то сквозь мутное стекло не увидишь ни Армении, ни России.

Я беру в руки программку проведения Дней русского слова в Армении и... балдею: это специально для армянских знатоков русского языка. Потому что в России такая Неделя, в общем-то, невозможна.

Ереванская школа №109 и средняя школа при в/ч 2037 г. Армавира проводят День российской науки, посвящённый 300-летию Ломоносова (я не знал, что ему 300 лет, и наши СМИ не знают). В средней школе города Арташата суд над Раскольниковым (к 190-летию Достоевского). В 24-й школе Еревана – диспут, посвящённый 105-летию Дмитрия Лихачёва. Председатель Союза журналистов Армении Астхик Геворкян проводит в 148-й школе Еревана “Русский час” – “Русский час” по всем школам Армении, в школе №55 имени А.П.Чехова – Артак Давтян, председатель постоянной комиссии Национального Собрания республики.

Названия школ: №7 имени Маяковского, №8 имени Пушкина, №128 имени Л.Н.Толстого.

В Национальной библиотеке Армении умная конференция о роли сельских библиотек в развитии русского языка. Российско-армянский (Славянский) университет показывает композицию на тему: Мандельштам и Армения. Это совсем другой Мандельштам и совсем другая Армения.

В Ереване мы открыли уже четвёртый магазин русской книги. Конечно, в годы СССР в Армении таких магазинов было много, но сейчас их уже четыре. А через несколько месяцев такой же магазин армянской книги откроется в Москве, на Басманной.

Отдельный пример подвижничества и самопожертвования показал Московский молодёжный театр Вячеслава Спесивцева. Он привёз в Армению “Вишнёвый сад” и “Горе от ума”. И повёз его по городам, где русский язык знают не очень-то... Молодцы спесивцевцы! Между прочим, лауреат премии Ленинского комсомола.

Благодаря энергии Зория Балаяна состоялся московский десант делегации в Нагорный Карабах.

Складываю в одну корзинку-колонку самые вкусные изюминки, и корзинка делается безразмерной.

Многие не знают, что Арарат это уже не Армения, а Турция. Его отдали Ленин-Сталин, увы. 31 декабря 1917 года они подписали план вывода войск “из пределов турецкой Армении”. Но если Сталин перед войной исправил ошибки Брестского мира и вернул Западные Украину и Белоруссию, то Арарат остался турецким. Таким образом, он светит своими вершинами как маяк, как мечта о недостижимом, но единственно верном и нужном каждому армянину. (Кстати, коньяк “Арарат” тоже теперь не армянский, его перекупили французы из Перно Рикар.)

В апреле 89-го Аркадий Вольский привёз из Москвы официальное разрешение на открытие первых монастырей и церквей в Карабахе. Миссию эту выполнил епископ Паркев. Если не ошибаюсь, тогда ему было всего 27 лет. Особенно его любили наши вертолётчики. Когда Паркев говорил “летим”, вертолётчики взлетали в любую непогоду, и тучи рассеивались.

Для того чтобы понять, что же произошло в Карабахе, я мысленно перелетаю... в Югославию, которую знаю получше. Был на войне в Книне (1992 год), под Сараево у Караджича (1995). Формула развала страны одна и та же, значит, ничего случайного!

По-армянски “хаос” – это когда собака не признаёт хозяина. В Армении, мне не показалось, хаоса всё же меньше, чем в России.

И теперь, когда мы говорим о роли личности в истории, я рекомендую не забывать фамилию Виктора Кривопускова, автора книг об Армении, прежде всего “Мятежный Карабах”. По сути чиновник высокого полёта. Чёрная машина, строгий костюм, жёсткий дипломатический протокол. Но когда чиновник начинает говорить с высокой трибуны как поэт, он мне нравится не как чиновник, а как Виктор Кривопусков. Знаете, что он сказал на открытии Дней русского слова в Армении? Он сказал: русским и армянам снятся одинаковые сны.

Чего же боле?

Нелли Саакян

“Не имеет стола кроме своих колен”

Из автобиографической книги
“РАЗГОРАНИЕ ДУХА”

Из далеких разноречивых родов – а кто из нас создан не из разнородного материала! – идет то, что определило меня как особь. О реки генных бездн, сливающиеся и не сливающиеся, удачно и неудачно находящие друг друга, о вечное творчество жизни с его вечной эврикой или с не менее вечной выбракованностью полученных результатов! Как заглянуть в лицо этих бездн, как приблизить к пристальному взору сознания эти генные бездны? Слишком текуче, переливчато, неуловимо нерукотворное творчество судьбы. Смирись с полученным результатом, незачем идти вспять по руслу, не тобой проложенному. Однако человек пытлив и попыток не оставляет. Он хочет понять тайну жизни, исследуя самого себя. Вот основа автобиографического жанра. Желание прожить жизнь заново хотя бы в воспоминаниях – побудительная причина этого жанра. Воспоминания – это не простая механическая гальванизация эмоций, а новый импульс для мысли. Прожить всё еще раз, уже не слепо отдаваясь экзистенции, а познавая ее, – вот скрытая пружина

автобиографического жанра. Возможно, универсальнейшего из жанров, ибо литература мешается здесь с философией, лирика – с эпическим обобщением, музыка элегии – с последним словом о бытии.

*Звездой мерцающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез,
Зачем, о Господи, над миром
Ты бытие мое вознес!*

(Иван Бунин)

Зачем – не удастся узнать никому. Но и не задаваться этим вопросом снова и снова сознание тоже не может. Ибо природа его диалогична. И внутренние бесконечные диалоги раздрают того, кто зовется писателем. Диалоги безмолвные, невидимые стороннему глазу, но от этого не перестающие быть драматичнейшими. Бодрствующий писательский мозг... Гладиаторская арена, скажу я вам.

Поскольку судьба сделала меня писателем и поскольку я все равно не успокоюсь, пока не выведу, как она это сделала (сотвори она меня стоматологом или, скажем, тренером по плаванию, я заинтересовалась бы этим точно так же), то еще немного покопаемся в родах и генах, взглянем на всё уже с этой стороны. Да и разве не интересно узнать, сколь задолго начинает природа профессиональную подготовку? Как опытный рачительный земледелец, она готовит почву для зерна, которое тоже где-то возвращается ею.

Исключаю ли я случайность в таком важном деле, как призвание? Полностью. Нельзя призвать кого-то на дело всей его жизни случайно. Увлечь кого-то каким-то делом надолго без внутренних встречных импульсов – невозможно. Увянет, сникнет, сойдет с дистанции. И потому, когда я слышу сетования родителей, что, дескать, дурная компания сбила с пути какого-то невинного подростка, я всегда думаю не о дурной компании, а об этом подростке. Завяз, значит не в дурной компании дело... Сбить с пути нельзя: истинный путь дается не для того, чтобы с него сбивали.

Помню ли я какие-нибудь сомнения, колебания касательно того, кем стать? Даже секунды не было во всей моей жизни, когда бы я хотела выбрать какую-нибудь другую профессию, кроме писательства. Я всегда знала, что буду писать. Более того, я всегда писала. Словом, сочинителем я была всегда. Писала и читала. А до того, как научилась читать, требовала, чтобы мне читали. Всегда что-то декламировала, всегда обожала уроки литературы, всегда тянулась к тому, что называется изящной словесностью.

Да, но какая именно литература окружала мое советское детство? Если бы не русская классика и классика вообще, можно было бы взвыть – скудость, безвкусица, бесталанность были потрясающие. Но человека из эпохи не вынешь, как слово из песни. Хорошо сказал Андрей Платонов: “В литературу попёр читатель”. Словом, делалось все, чтобы мой вкус был вконец испорчен, и если этого не случилось, то только благодаря безошибочному внутреннему слуху, эстетическому инстинкту сидящего во мне художника и той доле упрямства, которая противилась бы еще и не такой эпохе, как советская. Все-таки как замечательно, что личность всегда зависит только от самой себя, а не от навязываемых ей эпох. Ну не мистика ли, что дух дышит где хочет, даже там, где ему дышать не дают. И что дух дышит не только там, где хочет, но и так, как хочет. И иногда – из духа противоречия – дышит даже наиболее интенсивно как раз в смрадные и особенно удушливые времена. Казалось бы... А вот поди ж ты... Самостиен, автономен, упорен, упрям. Любая власть не любит дух, потому что духу всегда наплевать на любую власть. Что и говорить, интересная пара.

Итак, расположение звезд дало мне Слово. Но я хочу сейчас поговорить даже не о Слове, а о направленности слова, ибо писатели разнятся так же, как и люди всех прочих профессий. Не слово вообще, а направление этого слова, творческая установка, “длинная фанатичная идея”, с которой каждый из нас приходит в этот мир, – вот что интересовало меня.

Когда определилось во мне то, что я – писатель этнический? В генных безднах. Два резко отличных рода шли к этому – одно-

му и тому же – разными путями. Крестьянский тяжелый род отца, подверженный нервным болезням и все больше и больше переводивший с годами мою созерцательность в план нелюдимости (ну что ж, сосредоточение для писателя – хлеб насущный). Но и моя склонность ко всему естественному, прямо-таки влюбленность во все натуральное, природное – тоже от этого нелегкого рода. Крестьянского, ни к каким художествам не склонного, на всякую крылатость глядящего косо, покрестьянски недоверчиво. Мои гены располагались по обе стороны непримиримой бездны. От приветливого, открытого, доброго, милосердного священника Тер-Александра (прадеда по материнской линии) до нелюдимои бабки по отцу с ее тяжело нависшими веками и ее нервными экземами – природа всё смешала во мне. К счастью, не в одинаковой пропорции. Тер-Александра было все-таки больше. Хотя и ипохондрии и нервности тоже хватало. Ну а любовь ко всему натуральному – это, можно сказать, моя основа, моя страсть. Камень, траву, дерево, плод, коня, кошку, овцу, собаку я ощущаю так, как, может быть, они сами себя не ощущают. “Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей” (Осип Манделштам). Моя же в первую очередь – землепашцев. Так и сошлись во мне гены, с материнской стороны певучие, учительные, с отцовской – покрестьянски мудрые, но не певучие. Шушинский прадед-священник учил во храме. И не только учил, но и пел в придачу. Сарушенские отцовские предки не пели, но они редкостно чувствовали землю и были наделены от природы пронизательным, сметливым и смелым умом. Даже, я бы сказала, – дерзостным. Из этих двух начал я и состою: из начала музыкального, певучего (что для поэта, писателя совсем не плохо) и из начала, близкого к природе, ко всему натуральному, к земле да еще вдобавок и со склонностью к обобщениям (что для писателя еще лучше). Ибо обобщать – это значит видеть руку Бога. Ухватистый, добычливый разум, мгновенно выделяющий, вышелушивающий принцип, закономерность.

Учитывая именно эту силу моих ощущений, я думаю, из меня вышел бы неплохой крестьянин. Или селекционер. Так

чувствовать свежесть, отборность, разнокачественность земель и почв, ощущать язык солнца в разных местностях, климатическую сухость (читай: сладость плодов)! “Солнце любил, как ящерица” (Д.Мережковский).

Крестьянин из меня не вышел (эпоха повалила в город). Вышел писатель. Правда, писатель с сильной тоской по земле и почве (во всех смыслах), что в переводе на язык духа означает: писатель этнический. Чужой язык и чужие местности проживания в свою очередь внесли свою лепту и усилили эту тоску: мое перо запело так, как, может быть, не пел Тер-Алексан в шущинской церквушке. А так как влияние священничества и патриотического нрава материнского рода было велико, то пела я не о чем-нибудь, а о душе народа, и общественная открытость моего письма более чем очевидна. Что опять же в переводе на язык духа означает: певец нравственной проблематики.

Она пришла к роду

Шаммаса ибн Лайя,

И с нею пришли к ним

мечты и древняя родовитость.

*(Аль Хутайя, средневековый
арабский поэт)*

Насчет родовитости не скажу (хотя все-таки внучка священника), а вот мечты вместе с мамой в дом отца действительно пришли. И немалые: поэта в своих крестьянских рядах отцовский род не помнил. И на занятия мои долго смотрел косо, не видя в них прочного, базисного, дающего твердый хлеб ремесла. Да, твердый хлеб писательство не давало, но ведь горький хлеб, добытый трудом без призвания, оно не давало тоже. Тот малый хлебец, который я своими писаниями добывала, был хлебцем сладким.

Писатель из учительского, проповеднического рода – что ж, совсем неплохо. Что говорить, что писать – какая разница, было бы о чем. А вот это – о чем – и дали мне крепкие крестьянские гены отцовского рода. Властно повелевшие: не о чем-нибудь, а об отчей земле и о душе армянства. И, встав поутру, я

выходила в поля: в поля воображения. И приносила оттуда свой урожай. И этим трудом не только не тяготилась, но любила его жадно, ненасытно, неутолимо – как деда свой, крестьянский.

Росла я среди серой безликости большого города, но во мне говорили деревенские предки, привыкшие к простору. Деревьев в городе моего детства почти не было, но зато жизни дедов сопровождали из поколения в поколение зеленые горы и красота карабахских панорам. И, редко выезжая за город, я любовалась нестесненным светом и далью, жившими в моей крови. Не скученность, а высота и широта мира внятно говорили со мной. Ребенок, выросший на бакинском асфальте, легко узнавал прекрасное по тому естественному чувству радости, которое переполняло душу. То же самое испытала я, впервые попав в горную долину. На краю обрыва, перед необозримой горной впадиной росло старое дуплистое дерево. Я взбиралась на его ветви и не отрываясь глядела вдаль и вниз – в зеленый туман, в провал долины и на снежные горные цепи на горизонте. Дети равнин не понимали меня: они любили стройный ровный лес с сенью и прохладой, я же – ненасытно – только и только земную вознесённость – горы. И, соответственно, – провалы, ибо птица не только взмывает, но и камнем падает вниз. Подо мной был именно такой провал – долина, и душа моя парила. А парящая душа, – о, тут начинался поэт! Причем поэт горный.

Так всходили во мне карабахские деды. Да, жизнь коротка, но предыстория ее длинна. Впрочем, и послесловие не коротко. Жаль, что у меня нет детей, я передала бы им это чувство парения. Для трудной земной жизни и это немало. И можно ли мечтать о большем, прорываясь иногда к небесам!

Я кланяюсь тебе, дерево над долиной. Уже и тогда дуплистое, ты, вероятно, сегодня стоишь у порога смерти. Возможно, ты уже умерло. Но то, что ты подарило мне, бессмертно. На одной из твоих ветвей ощутила я высокий миг узнавания. Душа моя ступила на свою стезю: я снова жила среди синих гор, как века назад, и все четыре времени года с божественной полнотой и неторопливостью проходили передо мной, обитательни-

цей прочного дома на краю сарушенского ущелья... Я снова встречала зори с орлиного полета Шуши, доминирующей над золотой чашей долины. Рельеф. Кровь моя помнила силу взрыва. А что есть горы как не порыв земли к небу. Недаром китайское слово “шаншуй” (ландшафт) означает “горы-воды” (“шаншуй”). Без такого компонента, как горы, ландшафт как бы и не совсем ландшафт. Степной ландшафт, на мой вкус, более простоволос. Рельеф есть что-то резкое, а не плоское. Добавляют, правда, – пересеченный рельеф (чтобы обозначить горный), но, как всякая добавка, это выдает нечеткость понятия, определения. Рельеф, как и силуэт, не должен быть смазанным. Ландшафт – область оттеночных богатств. Как лицо с выразительными или стертými чертами. Европейское “ландшафт” тоже состоит из двух слов, но в нем “ланд” означает уже просто “земля” (в смысле – суша). Китайское, более древнее слово, говорящее не просто о земле, а о горной земле, выявляет еще и ту интересную подробность, что архаические народы жили в горах (в срединном солнечном горном поясе, на той широте, где располагались страны древнейших цивилизаций).

Шаншуй. Слово как консервант прапамяти. Как хорошо закупоренная бутылка с вложенным в нее текстом, плавающая в лингвистических морях. “Утром обрати свой взор на горы, вечером – на воды” (древнекитайское). То есть утром черпай энергию, вечером – покой.

Природа позаботилась о том, чтобы подготовить меня к писательству: я родилась сутулой... Да, писатель – это человек без осанки. От прочих младенцев вокруг я отличалась только тем, что ввиду очень рано проявившегося призвания мне вместо соски, видимо, сразу купили авторучку...

По-моему, я уже тогда знала (вернее чуяла), что язык – это нечто бо'льшее, чем слова. То есть что это нечто бо'льшее, чем сумма слов каждого данного народа. И еще мистические силы подарили мне чувство формы, а это не просто дар, это уже врученное сокровище. Потому что никто не знает, что это такое –

чувство формы, когда созданная вещь не рассыпается и не провисает. Это неизмеримо больше, чем даже чувство слова и формулировочный дар.

Форма ухвачена, найдена. Ухвачена, конечно, без участия сознания.

Кстати, я так и не поняла, что же это такое – формулировочный дар? Идет ли он от умения видеть вещи или это чисто лингвистическая способность? Или и то и другое вместе взятое?

С годами ощущение того, что именно мне дали, конечно, усилилось. Стало ясней, что дар – это всегда резко отличная от других судьба. И если в искусстве важно не только *как*, но и *о чем*, то вот из этой резко отличной от других судьбы даровитый человек и будет черпать это *о чем*. Талант, способности, дарования – ах, дело даже не в том, сколько кому дали, а в том, кто сколько сумел взять. Дать ведь можно и в худые руки. Надо всматриваться не в то, что человек получил от природы, а в то, какое направление дал дару: использовал ли только и исключительно для личных целей, или человеком двигало альтруистическое чувство, забота о душевном и духовном обогащении других людей, даже, если угодно, об общественном благе. Важна и патриотическая окраска этой заботы. Так что то, на что употребил ты полученный дар, вектор стараний – вот что главное. Ведь дав дар, Господь испытывает этим даром. И в зависимости от нравственных стараний личности усиливает или вовсе гасит дар.

Получается ли дар невзначай?

Самое неуместное в этой фразе слово “невзначай”. Бог никогда ничего не дает невзначай. Случайность при получении дара полностью исключается, она так же невозможна, как случайность цвета роговицы глаз: почва-то готовится загодя... Так что поклонитесь корням, откуда все идет. В данном случае – корням рода. Оттуда “непрожеванный крик” (Маяковский). Оттуда все боли и взмывы и вся тоска. Душу рода обижали и обнажали, лишали ее кожи задолго до вашего рождения. Почему-то считается, что это счастье – получить дар. Я бы сказала так: получить дар – это значит родиться с чувством одиночества. На

всю жизнь. Это значит получить полную неслиянность с теплотой жизни, которую имеют подчас обыкновенные смертные. Все прельщаются внешним в судьбе таланта (слава), потому что внутренним (трагизм) в этой судьбе прельститься нельзя. “Ты царь. Живи один” (Пушкин). Живут. Полная царственность одиночества. Пустынность невообразимая. Опять же интересно: пустыня ли требует пустынночества, или же врожденное пустынночество невольно ведет к пустыне? Впрочем, есть ведь и мирская святость.

Художник. Существо замкнутое, ипохондрическое, всяческий интроверт. Обаяние одиночества. И художник, что бы он ни говорил, обожает свое одиночество. “Искусство любит людей, которым не удалась жизнь” (Ключевский). Правда, в помощь одаренному человеку порою дают мудрость. Но мудрость не спасает от ударов судьбы, а только помогает переносить их.

“В простом углу моем, средь медленных трудов” (Пушкин). О да, в стареньком и все ветшающем моем доме, со всех сторон простреливаемом сквозняками! За век своего существования дом этот несколько поистрепался, малость пришел в захудалость (да простится мне невольная рифма в прозе). Но медленные, со вкусом, труды в нем были самой сердцевиной, самым смыслом моей жизни. Да, медленные, со вкусом, труды – и при этом не за письменным столом, которого никогда не имела. Всегда писала, сидя на диване и положив на колени дощечку. Как в Древнем Египте – “писец, получивший дощечку”. Да и на древнем Востоке письменные столы не очень жаловали. О Светлейшем князе Григории Потемкине говорили: “не имеет стола кроме своих колен”. Очень удобно. Походно и как-то особенно задумчиво.

Старенький домик мой сам по себе примечателен, и вот почему. Строение это 1904 года. Когда-то в самом начале XX века, еще до революции, в этом доме помещалась клиника для душевнобольных, такая маленькая уютная больница (гжано'ц по-армянски). Вот такой была Эривань тех лет, ее населению хватало этой скромненькой камерной клиники. Сравните с сегодняшними гигантами кардиологии, онкологии и т.д.

В этом бывшем гжаноце и живу. Иногда проснусь ночью и с душевным содроганием представляю, сколько еще дореволюционных страданий помнят эти осыпающиеся стены.

То, что высшие силы дали мне взыскательный и взыскующий, ищущий дух, – это, конечно, счастье. А вот то, что родили с ярким этническим чувством и писательским даром, а эпоха тут же отобрала родной язык, – как отнестись к этому? Прибавьте сюда еще и повышенный интерес к мировоззренческим проблемам, что тоже убавляет читателей. А резкость и прямота пера – дополнительное условие невостребованности. Даже одной из этих нестыковок было бы достаточно, чтобы посчитать судьбу трагической. Вот так одна горечь наслаивается на другую. Будней (в том числе и литературных) не получается. Очарования легковесности – тоже. Я как-то имела несчастье ни с чем не совпадать. Иначе говоря, была безблагодатна. Вот о чем эта книга. Оказывается, можно дать дар, который не пригодится. И часто ли так расточительна природа? Бесплезная вещь в мироздании – это возможно? Тупиковая ветвь? Судьба, ни с того ни с сего наделяющая качествами, которые трудно применить? К чему мое чувство слова, чужого слова, которому я не нужна? Зачем мое чувство формы, если все созданное должно лежать дома или быть брошенным в иноязычную среду? Зачем наделять меня жаждой творчества, если все это должно накрыть невезение?

Зачем? Зачем? Зачем?

Одна запертость в другой. Кружение лепестков запертости. Благословения вырваться из всего этого не ниспослано. О те, кто волею судеб пишут не на языке окружения и крови! Мы как цветы на ничейной полосе – ни в чью вазу. Упрямый цветок, для кого ты цветешь?

Странность ситуации в том, что я все-таки не могу сказать: “Зачем оставил ты меня, Господи?”, ибо со мной – всю жизнь – дар его. Дар, который, несмотря на все невезение, делал меня счастливой каждый день, каждый час, даже когда я не писала.

Не писала, но ведь думала. Думы, предшествующие писанию! Разве упоительно только запечатление? Уединение, авторучка, бумага – крылатая жизнь духа. Ну а кто уклонится от крылатости! Душа блуждает в собственной вселенной, искусство уходит от действительности. Фантазия – это блуждания. И в этом смысле писатель – это “неподвижный путешественник”. И при этом никакого транспорта, кроме крылатого духа.

Вот так – ветхое жилище, книги, рукописи, мысли.

Почти не надеясь на отклик, я тем не менее не сбавляла интенсивности творческой жизни. Впрочем, что за писатель без работы мысли и без следов всего этого в его писаниях? Так, игрок словами, что-то годное лишь для литературного процесса, но не для литературы. Видит Бог, такой участи я не хотела бы. Уж лучше невезение.

Писательство. Немая беседа, беззвучное бормотание длиною в жизнь. Священнодействие. Вдохновение и созерцательная мощь. Вдохновение, эта внезапная духовная вспышка, вообще очень таинственный вид энергии. Ту любовь к своему делу, какая владела мной, лучше всего обозначить словом “пыл”. Так вот, со всем пылом я отдавалась занятию безмолвного собеседования, гоня авторучку по дешевенькому листу бумаги не самой предельной белизны и забывая обо всем на свете. “Поэзия, что бы там ни твердили, есть лишь самозабвенное насыщение красотой, практика заклинаний. И счастье или несчастье поэта – расколдовывать мир пением” (Хуан Рамон Хименес).

Фактически всю жизнь я размышляла с пером в руке. “Литература – это размышление, а не описание” (Леонид Леонов). Глубокий созерцательный покой, бескорыстнейшие бдения, голова, склоненная над белым листом бумаги, – творчество как радость отдачи. Оно само по себе уже награда, причем редкостная, огромная. Никакая оплата не может сравниться с этим. Сколько жизненных горестей сгорело в топке творческого огня! Чехов говорил, что там, где искусство, где талант, там нет ни старости, ни одиночества, ни болезней и сама смерть – вполнину. И поскольку проза моя все-таки поэтическая (я прежде

всего поэт, даже в прозе), то я не могу не сознавать, что искусство есть еще и самолечение, лечение ритмом. В ритме целительная сила. Пропорция – это тоже производное ритма (вот оно чувство формы).

Писатель. Некая складность живет в крови. Гостя миров, конечно. Что же до моей тяги к отшельничеству, то она, полагаю, есть прежде всего потребность в замедлении темпа жизни, чтобы справиться с напором творчества. Ну а то, что все истинные искусства говорят о высоком, так ведь не низким же себя лечить! Инстинкт высокого в крови у настоящего творца. Хорошо сказано: там, где один опишет лужу, другой опишет звезды, отраженные в луже.

Лечит и само наслаждение стилем – столь ценимые мной благородная прямота и простота высказывания, правда пережитого, неподдельная авторская интонация, стилистическая ясность, неперегруженность, классичность слога. Классика – это торжество порядка над дисгармонией, хаосом, туманностью. Я всегда преклонялась перед умной эмоцией, перед эмоциональностью, внутри которой все расставлено по местам. Чаще всего это ассоциируется со зрелостью. Зрелость называют “порогом, за которым начинается мастерство”. Древние греки смотрят на вещи несколько иначе: “Но уже в возрасте детском ты все изрекал совершенно”. “Люди ошибаются, когда что-либо в человеке объясняют возрастом: человек рождается Весь” (Марина Цветаева).

Трудно разрешить этот спор, в котором речь идет всего лишь о сроках, а не об общем – бессрочном – награждении человека даром: все то, что есть в распутившейся роскошной розе, все это уже было заключено и в бутоне, но было еще не развившимся. И только.

Становление писателя – это прежде всего становление человека: настоящий читатель считывает в книге не фабулу, а вашу душу. Вот это и надо возвращать.

Что есть творчество, как не попытка заговорить врожденную душевную тревогу? Но можно ли заговорить ее окончательно?

Только “откупишься” от ее накала куском чего-то созданного, как – хлоп! – накатывает новая волна, и все надо начинать сначала, то есть пытаться утишить новую порцию тревоги новой песней. И так всю жизнь, вплоть до последней песни – лебединой.

Запуская меня в трудовую жизнь, родители мои, как все родители, были озабочены карьерными соображениями. Я их разочаровала тем, что мой дух нашел свою точку еще до появления на свет, так что никакие поднятия (и, между прочим, спуски) ни по каким бытийным карьерным ступеням мне не грозили. То есть я не крапа часть энергии у творчества. А вот принцип разрастающейся личности, расширяющейся души – да, грозил. Правда, в сильно второй половине жизни. О чем это я? А вот о чем: музыкант-исполнитель становится дирижером, врач-практик становится философом и пишет книги о врачевании, судья становится законодателем, поэт становится пророком, писатель основывает газету, журнал или издательство и т.д. Страстное стремление к служению, забота об общественной пользе расширяет личность. Душа рвется за профессиональные рамки, потому что только профессия насытит сердце не может. Не мастерство, а правда и служение утоляют душу. Пришла ко всему этому и я, “Элитарная газета” тому подтверждение. “Элитарная газета” – присяга высокой культуре. Пока же старый домик мой, проносящийся в безднах, и мой мозг тоже во вдохновенной раскачке. Поэт, живущий в собственных мирах, счастливый человек. Связь с реальностью? Ах, бросьте! Отлет от нее и орлиное зрение на расстоянии. Лучше пишешь не “по заданию”, не по воле редакционного начальства, а только тогда, когда к этому лежит душа. И сколько раз я убеждалась впоследствии, что вот это, созданное по сердцу, всегда попадало в печать, пусть и не сразу. Если не торопиться, то приспособить хорошо сделанное всегда возможно. И это лучше, чем втиснуть пустышку, за которую потом будет стыдно. Так что я положила своей душе – летай без заказа, пусть и на малом хлебе. Летай свободно и одиноко. И какая демиургическая мощь в

этом одиноком писании (демиург в каморке своей), сколь глубоко черпает бессознательное из неведомого тебе источника. Что он есть, этот источник, не можешь не сознавать. Единственное, чего ты не знаешь, – почему он вышел именно на тебя. И потому невольно оборачиваешься на род, породивший тебя. Ибо в этой энергетической цепи ответ. Правда, тоже туманный. Вот один род, отсюда пришла речистость. Вот другой – общая толковость вроде отсюда. Один род музыкален, другой сух, но у него нюх на существенное. Налицо кооперация элементов, где один элемент дополняет другой. Крестьянское чувство земли одного рода, интерес к душевной жизни другого (впечатлительность, чувство вины за все боли мира – вина безвинного) – так взошли во мне гены отцовского и материнского родов. От материнского рода пришло еще и метафорическое мышление. Я вот что заметила: мама была непоследовательна, я стала метафорична. Вот как по-разному проявляется один и тот же ген. Опрокинутый не в творчество, а в жизнь, он дает непоследовательность. Цепь событий, последовательность, говорите вы? Для поэта никакой последовательности нет, его неосознаваемая мысль выхватывает в цепи что хочет и сопрягает это с чем хочет. А потом уже вместе с вами он любит результат. Не им, а кем-то достигнутым результатом... Чья-то воля что-то вложила в него. Вот с этой чужой мощью и живешь. Да еще и жалуешься на невезение. Ну и свинья же я! О человек, о сосуд гордыни! И зачем Бог со всеми нами возится? Плюнул бы он на нас, неблагодарных. Но нет, оставляет нам свободу воли, как будто большинство из нас способны на выбор. Неслыханный дар человеку! Неистошима благодать твоя, Господи!

Что и говорить, Бог божественно же терпелив. Он не устает ждать от нас понимания и встречного движения. В том числе и от меня, поэта.

Поэт. В голове огромная рана воображения. А Кто вручил этот дар, светозарнее которого нет ничего на свете?.. То-то. Удивительно: столь ярко проживать то, чего нет, ткать что-то из пустоты – на это способен только человек.

*Природе не хватает вещества,
Чтобы с мечтой соперничать.*

(Шекспир)

Из прочих писательских свойств я бы отметила в себе еще и быстроту реакции, наблюдательность и, что всего важнее, жажду познания. О да, учиться я любила и умела. Умею и по сей день (“Старею, но по-прежнему учусь”, Солон). Так что быстрое профессиональное возмужание вроде было неизбежно. Всё то (избирательное), что интересовало меня, я жадно впитывала подобно сухой губке и усваивала мгновенно. Служила мне и хорошая память (хорошая память – хлеб писателя). И поверх всего уже упомянутое упорное ощущение, что Кто-то ведет... Узор судьбы только для непонимающего кажется пестрым и хаотичным, для понимающего же – “гениальный контрапункт человеческой судьбы” (Вл.Набоков). Однако остережемся обливаться слишком ярким светом то, что прячется во внутреннем зрении, ибо Боги любят сокровенное и ненавидят явное.

О связи дара с телесной организацией мы знаем пока очень мало. Но недаром в слове “биография” в первую очередь слышится именно “био”... И недаром биографический, хронологический принцип лежит в основе одной из величайших книг человечества – в Евангелии (куда он пришел, надо полагать, из ведической традиции). Да, любой храм начинается с фундамента, а заканчивается куполом, как дерево начинается с корней и заканчивается кроной. А встающее и заходящее солнце чем не хронология? Биография: таинственные дали генов и их развитие в короткой вспышке жизни. Возникновение, развитие и уход. Пришли–ушли–остались. Или: пришли–ушли–и как бы никогда не были. Так что зачин “Жили-были” не так уж и тривиален.

Вот, сидишь у себя в углу, сколачиваешь лад, а жизнь размагничивает. Соприкосновение творца с действительностью после вдохновенных трудов – о! Инстинкт писательства, куда ты меня завел? Полное разминовение инстинкта и дейст-

вительности. Так птица вьет гнездо на линии высоковольтных передач, которая (линия) может убить все ее начинания.

Родовой дар вел меня к писательству, но эпоха порушила самые корни – родной язык. А что любой писатель без этой пуповины! Порушили полнозвучие духа, органику звукового соответствия: смешали картину мира, поменяли стихию. Забыли, что ухо приспособлено к тому же, к чему и ген. И что интонация возможна только одна – дожизненная и, стало быть, пожизненная. Да, ты умеешь плавать, но воды-то чужие, незнакомые твоему подсознанию. Как рыба в воде не получается. Получается, как рыба в чужой, непривычной, пусть и замечательной, воде. А писатель в отличие от беллетриста есть существо этническое до корней волос. Ибо он выдыхает саму народную душу. Да, этническое во мне кровоточит. Но “невыпадет пришел...” (В.Даль). И сколько ни защищайся от судьбы! “Когда я пишу по-английски, я все равно пишу по-армянски” (Уильям Сароян). Но как ни защищайся, счастье все равно надтреснутое. Словно кто-то надкусил прекрасный плод, поднесенный вам. Считается, что счастье – это состояние человека, способного реализовать себя несмотря на обстоятельства. И в этом смысле историю человечества делают счастливые люди. Теперь ты понял, из чего ты выпадаешь? И что твой явный наличный дар изолированно торчит неизвестно для чего.

Говорят, для того, чтобы стать художником, нужны три вещи: талант, владение ремеслом и рана в сердце. Соответствия родному, соприродному почему-то к сему не присовокупили. А писатель, пишущий на чужом языке, – это не рана в сердце? И когда, несмотря ни на что, мое перо продолжало бежать по бумаге, я поражалась упрямству богов. “Темная воля творчества” (Андрей Платонов). Слепой инстинкт продолжал работать? Или все же “Порою “сказать себя” – это почти спасти себя” (Зинаида Гиппиус)?

Улыбнемся, читатель, чтобы не заболели скулы от одного только сурового нравственного императива. Воля к противостоянию обстоятельствам, стремление к познанию (и само-

познанию) святы, кто спорит. Но улыбка, ирония и самоирония святы не менее.

...Постарайся же

Прибавить несколько холодных капель

Терпения в свой пылкий дух.

(Шекспир)

Книги мои в Ереване еле-еле просачиваются к читателям: русский язык теперь употребителен не на самых глубинных пластах, русскоязычная среда все более и более суживается. Мой читатель в России, душа же моя и моя тема – здесь.

Чужда Руси моих писаний тема,

Язык мой чужд народу моему.

Вот такая горькая доля. Все это, заметьте, в придачу к вечным писательским терзаниям по поводу того, что, как говорил Достоевский, мысль не пошла в слова.

Да, писание без читателя. Эмиграция на родине – такое возможно? Вокруг вроде соприродные мне реалии (о чем и пишу), но язык... Соприродный мой язык – русский. А вот подкорковое наполнение... Да разве это новость – судьба, зашедшая куда-то не туда?..

Но лучше я продолжу размышления о том, что же такое писательский дар, потому что тема – писатель без среды – надрывает душу. Писатель – наблюдатель. И выниматель внутренних своих миров. А качественный читатель – это показатель состояния культуры. Как известно, в неотзывчивой языковой среде писатель выдыхается.

Писатель – от слова “писать”. Да, умение писать, то есть владеть словом, очень важная вещь. Но писатель – это не тот, кто пишет (мало ли кто что пишет), а тот, кому есть что сказать. Поэтому правильней было бы назвать такого человека не “писатель”, а “естьчтосказатель” при всей неудобоваримости такого построения, такой словесной конструкции. Да, конструкция неудобоварима, но смысл-то правильный. Не человек со стилем в руке, а тот, кто владеет смыслами. А таких людей единицы.

Не знаю, как воспримутся следующие мои слова, но ханжеством будет не сказать того, что я чувствую сердцем. Меня

можно посчитать нескромной. А можно понять мою горечь. Пусть читатель сам выберет, что ему больше по душе.

Бывает миг судьбы, когда человек понимает, что завоевал право на неувертливые, прямые слова даже и о себе. “Если я в эти годы [то есть в семьдесят лет] испытаю себя и пойму, что честен, я пойду против сотен, тысяч и даже десятков тысяч” (Конфуций). Так вот, сдается мне, что меня нельзя назвать писателем посредственным, что в моих писаниях все-таки что-то есть, что они заразительны, будят мысль и читаются столь же вдохновенно, как они и написаны. Вот только такой и писатель, кто читается вдохновенно. Мне кажется, я еще и потому умею писать, что я всегда умела читать, то есть вчитываться. Я никогда не читала пустых книг, они были мне неинтересны. Это передалось и моим писаниям. Ну а то, что я писатель наставительный, так это уж тип мышления. Отсюда афоризмы.

Ой ты жизнь моя небудничная – стило в руке, бумажечка и мысль в голове. И понеслось, и побежало. И хлебец малый сладостный, и чашка кофе, вдохновенным трудом заработанная. Труд, похожий на молитву и на радость. Так что, обставленная неприятностями и даже горестями, я ухитрялась внутри всего этого и пороскошествовать, взвиваясь мыслью, как на батарейках внутреннего огня. А там, где огонь, там растапливается всё – все земные прахи и все земные неустройства. Пегас – создание крылатое. Крылатый конь. Да ведь и всякий иной конь крылат, полётен. Замечательное создание – огнедышащее, небесное, благородное, умноглазое, быстроаллюрное. Вот и я быстроаллюрна (огонь вдохновения). Хотя труд мой и сидячий. Зато мысль – вещь не сидячая.

Но хватит. По словам Альбера Камю, писатель “неизбежно говорит больше, чем хотел”. Это “больше” говорит не он, а вдохновенные миры его бессознательного. Это они “проговариваются”. Их и поблагодарим. Их и восторг творчества. А есть ли на земле восторг сильнее? Сказано же, что творчество – это лучшее орудие самозащиты.

С годами поняла я и еще одну важную вещь, а именно, что настоящий читатель считывает не только вашу лингвистичес-

кую интуицию, но и чистоту вашего сердца. Я бы назвала это так – красота, усиленная красотой. То есть стиль, красота слога плюс ощущаемая читателем искренность и душевная чистота автора. Очень важное соединение, вызывающее доверие читателя. А в таком душевном ключе он уже не оторвется от ваших писаний. И потому поблагодарю-ка я богов за то, что дали мне прямогу, правдивость и открытость духа, суровость к себе до непримиримости, когда дело идет о творчестве. Два типа людей всегда были чужды и неприятны мне – устроики, приспособленцы и те, кто все превращает в игру и развлечения. Не огорчало меня даже то, что к повышенному эстетическому чувству, чувству красоты, развитому художественному вкусу природа почти всегда прилагает излишний невротизм и одиночество. Горестная связка, не так ли? Пусть. Ведь все лучшее для души – со мной. Переносимость излишнего невротизма, одиночества и даже невостремительности обеспечена. “Толпа толкает меня внутрь себя” (Николай Карамзин). Пусть. Не в одиночестве ли созидает любой цветок самую впечатляющую свою красоту?

Нервность и психологическая устойчивость. Представьте, это возможно. Здоровое начало в невротике.

О красоте я заговорила не случайно. Все-таки я прежде всего поэт. Поэт, увы, почти всю жизнь проторчавший в газете. То есть не на своем месте. Да и проза моя своеобразная: эссе. То есть и тут проступает поэтичность. Иначе говоря, размышления о вечном: поэт слышит гул inferнального, как младенец в “Лесном царе” Гёте.

Некоторая заложенная во мне универсальность позволяла мне годы и годы оставаться в газете, снабжая ее не скоропортящимся материалом. Да и трудности с публикацией книг (во все времена) заставляли меня не порывать с газетами.

Конечно, больше всего я завидовала слову устному, прямо идущему в душу, священческому. Но женщина и советские годы – о какой церкви тогда могла идти речь? Впрочем, женщина и церковь – это, видимо, всегда несовместимо. Оставался письменный жанр размышлений. Для Востока вообще и в частности для Византии типична фигура человека мысли, пишущего по

самым разнообразным отраслям знания – от математики до богословия и художественной литературы. Византийская философия оказала большое влияние на средневековую европейскую схоластику, итальянское Возрождение, культуру Армении и философскую мысль в славянских странах. Сергей Аверинцев заметил, что на Востоке не было “непризнанных гениев”, ибо писцы, мудрецы не выделяли себя из толпы. Вот и я, скриторе новейших времен, с удовольствием подписалась бы под тем, о чем говорится в старинных книгах: “Не судите меня и изложенное мной строго, ибо писал не ангел Божий, а человек грешный и исполненный неведения. А если кого заинтересует личность писца, то я, да забудется имя мое, был человек незаметный, но до мысли охочий и до писания старательный. А прочее не суть важно для нашего с тобой общения, мой будущий читатель, если судьбе будет угодно свести нас”.

Самый лучший скриторе тот, у кого воображение безгранично и дерзостно. Но и самый лучший читатель тоже наделен богатым воображением. Воображение – это рудимент, остаток воспоминаний о прежних воплощениях. Пуповина с иномирностью не обрезана, держит крепко. Кичиться, впрочем, нечем. Ведь не кичится же водопроводная труба или электрический шнур, что через них что-то бежит. Почему избрали именно тебя? Да потому, что гены были подготовлены. Вот и всё.

Безграничное воображение и творящего, и читающего нужно еще и потому, что не обо всем можно сказать. Слово хоть и было в начале, но выразить потаенное, самое сокровенное в отличие от музыки оно почти не способно. Слово стыдливее музыки, которой дана такая полнота выражения, что поневоле позавидуешь. Слово конкретнее, земнее музыки, его прозрачность и определенность не для всякого разглашения. Пусть слово – самый универсальный способ познания бытия, но музыка – самый глубинный. Так что в начале ли было Слово? Бог весть. Андрей Битов, например, считает, что: “В начале было знание о Мире, а не Мир. А вот где оно помещалось – в голове Бога или в Космосе – это вам решать. В начале было не Слово, а Молчание.

И первое, что мы издаем в этом мире, – это крик отчаяния или боли”. Вот это самое Молчание и крик отчаяния или боли и способна лучше всех прочих искусств передать музыка.

Слово поэзии, рожденное из музыки. Вычлененное из нее. Афродита, рождающаяся из пены морской. Миг, когда Афродита вся еще в морских брызгах, еще не ступила ногой на берег. На сухой, немзыкальный берег прозы. К счастью, я была награждена таким видом прозы, как эссе, то есть самым музыкальным из всех прозаических видов, словесностью наиболее изящной, ибо не чурающейся внутреннего ритма.

Поэзия помогла мне и в том смысле, что я не превратилась в профессионала. “Нечто очень страшное – превратиться в профессионала, то есть в человека, из которого вынута душа” (Александр Бенуа). Есть так называемые крепкие профессионалы. Эти попросту скучны. Есть пописывающие. Эти случайны. А есть писатели милостью Божьей. Истинные только эти. Годы и опыт тоже учили многому. Скажем, сдержанности. Тем более что писатель в поздние годы уже не Марфа, которая хлопочет о многом... Процесс накопления авторитета – поблагодарим и его, ибо доверие читателя к твоему имени – приятное сопровождение в эти годы. Дожить бы еще до той ступени, когда все то, что выходило бы из-под моего пера, превосходило бы меня.

Так идут мои дни, единственной радостью которых являются труды. Труды и дни, так сказать. Поэта во все возрасты растит жизнь, а не школьное научение. Да и зачем брать малое, когда жизнь просторна. Красота не формальная, а одухотворенная. “Дело не в слове, а в тоне, в каком это слово произносится” (Виссарион Белинский). Вот так – цитаты только из числа самых вкусных. Так что зависит ли интеллект от информированности? Большой вопрос. “Самая лучшая вещь на свете – слушать излияния большой души” (Гете, “Страдания юного Вертера”). Что есть большая литература как не эти излияния! И вот почему наименее заразительны циники и пошляки. Их нельзя полюбить, они не вызывают симпатии. А симпатия к автору очень помогает восприятию его речи. И если еще не ловчить,

оставаться честным, искренним и душевно открытым даже и при малом таланте, то без благодати отклика вы не останетесь.

Наличное бытие слишком рано разбудило меня. Самопознание наступило слишком рано. Божественная целостность была разорвана до срока. Всё от этого.

А если бы не разбудило?

Так те мои первые начальные и доначальные страхи были связаны с познанием? И не призвали ли творчество, чтобы как раз переломить или хотя бы смягчить страхи? Неосознаваемый путь неокрепшей души к Богу? Поговорить с Богом. А так как он высок, отсюда красота. Не пошлить же, общаясь с ним...

Таковы истоки искусства. Но “если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти” (древние китайцы). Золотые слова. Увы, об этом не догадываешься в юности.

Пугливая в младенчестве и детстве, я так и осталась пугливой и в младших классах школы. И потому училась плохо. Дух мой несколько окреп лишь в старших классах, где я уже опережала всех в сочинениях по литературе. Писатель во мне уже просыпался.

Говорят, страх – это болезнь воображения. Я бы сказала так: страх – это высокая вещь. Ну а раз так, то это тем более имеет отношение к творчеству. Лишь к юности в моей погруженности в себя стали пробиваться кое-какие бреши, лишь через “пустыню отрочества”, когда моя неокрепшая душа одиноко бродила по библиотекам, музеям, кинотеатрам и улицам (всегда любила взбегающие или сбегаящие улочки, что-нибудь горбатенькое, горное), вбирая в себя впечатления, как и в часы углубленного чтения и первых робких влюбленностей. К сожалению, огромный, бесконечно любимый мной мир музыки ограничивался лишь тем, что лилось из радиорепродукторов. Впрочем, и это было немало. Особенно в сравнении с сегодняшними агрессивными и бесталанными шумами.

Дух мой втягивал впечатления жадно, но росла душа как-то неровно, синкопообразно, как, впрочем, и полагается в отрочестве и

юности, которые не были бы очаровательны без порывистости и неопытности. Без нерва. А нервный – значит неровный.

Я окончила школу, и меня повезли в Ереван. Такой невзрачный поезд, такая будничная поездка. Я не знала тогда, что меня везут навстречу моей судьбе, что сам такой неосознаваемый поворот судьбы вел меня к моей теме.

Насколько я понимаю теперь, в эти мои годы, талант – это сила родовых чувств. Ничего более. Я избываю эту тоску предков (особенно материнского рода), тоску эмигрантов по оставленному некогда родному дому и родным ландшафтам. Накопление и прорыв – из этого и состоит дорога рода. Тоска сгустилась до деяния. Этим деянием и стало мое творчество. Какой же жгучей была их тоска, раз это мое слово не могло не родиться! Когда я все это избуду до конца, я перестану писать: творческий порыв во мне иссякнет, утоление оборвет песню.

ЛАРИСА ГЕВОРКЯН

“Мы прожили интересную жизнь”

ПЕРЕВЕЛА ЕРАНУИ ПЕТРОСЯН

Наша беседа с Маргрет Бюнеманн-Ахназарян, женой Армена Ахназаряна, состоялась в западногерманском городе Аахен, что близ границы с Голландией, 2 мая 2010 года – за три дня до шестидесятипятилетия покойного архитектора.

Приехав в Германию, я первым делом позвонила фрау Маргрет. Сказала, что хочу побывать на могиле Армена Ахназаряна, почтить его память, возложить цветы. Вдова рассказала, что прах покойного разделен на две части: одна похоронена в Германии, а вторую, по воле Армена, передали на захоронение в село Арташаван, в Армению. Эта подробность мне не была известна: на другой день после его кончины я уехала из Армении.

Мы долго беседовали с фрау Маргрет о документальном фильме Эрика Фридлера “Катастрофа: Геноцид”, в те дни надевавшим много шуму в Германии. Разговор получился таким интересным и душевным, что мы договорились встретиться – многое осталось недосказанным.

День второго мая выдался дождливым... Я признательна своему сыну Арутюну, с готовностью согласившемуся отвезти

меня в Аахен, хотя для этого пришлось одолеть огромное расстояние. Более того, он сидел с нами в течение всего разговора, увлеченно следя за ходом беседы. Впрочем, эту привычку он приобрел с детства, наблюдая за моими многочисленными – одна другой интереснее – встречами с замечательными людьми.

...В тот день ремонтировали крышу дома Армена. В аккуратном уютном садике с пышной зеленью распускались цветы, но их хозяин уже не увидел весеннего разноцветья своего сада.

Первый раз я услышала голос Маргрет Бюнеманн-Ахназарян за день до того, как Армена не стало. Случилось так, что очередная наша встреча с Ахназаряном в Армении всё время откладывалась: он просил меня написать о деятельности группы немецких специалистов, которые в одной из дальних армянских деревень проводили воду для орошения. Я с радостью согласилась, так как считаю неоценимым всякое проявление бескорыстной помощи. Данными мы, однако, не обменялись, и Армен должен был сам познакомить меня с немцами, но почему-то всё не ехал.

Из его офиса в Академии мне сообщили, что здоровье его ухудшается с каждым днем, и я тут же позвонила в Германию. К телефону подошла его жена, с которой я не была знакома лично. Изложив свои мысли, естественно, по-немецки, я услышала ответ на армянском: она сообщила, что муж слишком слаб и сам к аппарату подойти не может. Глубоко опечаленная, я попросила просто передать Армену, что ему звонили из Армении. Несмотря на тяжелое состояние Армен потребовал дать ему трубку. Так я получила возможность еще раз услышать голос, уже очень слабый, моего талантливого соотечественника. Тогда я не знала, что это был последний раз...

На следующий день в теленовостях я услышала скорбную весть. Услышала и похолодела. Такой же холод я почувствовала много лет назад, когда услышала о смерти отца, которому едва исполнилось сорок четыре...

Мы с сыном сидели на первом этаже типично немецкого двухэтажного дома. Под ногами у нас в гостиной лежал старинный

карпет. Кавказский – сказала сама хозяйка в ответ на мой вопрос. Я думала, он иранский, возможно, даже выткан бабушкой Армена. Но иранским оказался другой, лежащий под окном, размером меньше кавказского, удлинённый, с грубыми узлами бахромы по краям. Это не было наследство, оставшееся от бабушки с дедушкой, – просто старый иранский карпет.

Мы пили кофе, я рассматривала висящие на стенах изображения за стеклом: старинные памятники, наши армянские церкви в аккуратных рамочках, пастельные пейзажи с непременно архитектурными ансамблями, портреты непередаваемой философской глубины, древние амфоры, шершавые кувшины, старинная посуда и иные находки. Об археологии и местах раскопок мы не говорили...

В доме этих людей, не претендующих на роскошь, её не было и в помине. Хотя... кто как понимает роскошь. В глазах людей моего типа это был один из самых роскошных домов, в каких нам когда-либо приходилось бывать. Все здесь сияло особой чистотой. Эта же чистота читалась в открытом и печальном взгляде Армена на простенькой фотографии, где теоретик архитектуры был запечатлен вместе с дочерью...

Как и ее муж, фрау Маргрет не употребляла слова “турок” – только “тачик”. Так же не говорила “Западная Армения”, вместо этого – “Тачкайастан”. Произносила по старинке “Персия”, “персы”, не употребляя современных названий “Иран”, “иранцы”, “иранский”...

Начиналась наша беседа по-армянски – фрау Маргрет прекрасно им владела. Потом, устав от долгого общения на неродном языке, перешла все же на немецкий. За чашкой кофе она со всей откровенностью призналась: “Муж умер девятнадцатого февраля, в день праздника Вардананц^{*}. Я усматриваю в этом

^{*} Праздник Вардананц – день памяти Вардана Мамиконяна и его воинов-мучеников, сложивших голову на Аварайрском поле (451 г.), но отстоявших христианскую веру.

глубокий смысл". Значит, последний раз я слышала его голос восемнадцатого февраля. Что касается совпадения с днем Вардана, то мне оно тоже показалось символичным.

Следуя подлиннику, передаю наш разговор в том виде, как он происходил, не изменяя в нем ни слова.

– Госпожа Ахназарян, расскажите, пожалуйста, где вы познакомились с Арменом?

– Мы вместе учились, изучали архитектуру в университете Аахена.

– Я всегда замечала, что немцы легко заключают браки с иностранцами, убедилась в этом во время своих посещений Германии. Мы, армяне, народ маленький, во главу угла ставим сохранение нации и смешанные браки не особенно приветствуем. Вы, немка, считали себя готовой к компромиссам, которые в любом случае являются основой крепкой семьи, независимо от национальной принадлежности супругов?

– Это сложный вопрос. Армяне и немцы всегда по-разному относились к смешанным бракам. Сидя у себя дома, армяне пребывают в полной уверенности, что их дети, где бы они ни находились, непременно выберут в спутники жизни армянина.

– Чтобы, как вы говорите, сидя у себя дома, пребывать в полной уверенности, армяне внушают это своим детям с малых лет, но выбор спутника жизни не всегда совпадает с генетикой или воспитанием. Моя младшая дочь, которая получила второе высшее образование в Германии, и молодой немец полюбили друг друга и поженились. Что бы ни думал родитель, но решать не ему, а детям. Их воля может идти вразрез с системой ценностей родителей.

– Я сама выросла в Германии, развязавшей Вторую мировую войну, детство мое пришлось именно на эти годы. Я видела, слышала, я знала, какие ужасы творились в мире тогда. Мы, немецкая молодежь, были гораздо более открытыми, более толерантными. Этим мы как бы хотели подчеркнуть свое отличие

от наших родителей. Вот почему я изначально не была настроена против брака с иностранцем. Особенно против армян никаких предубеждений у меня не было: армяне и германцы принадлежат к одной цивилизации, одной духовной культуре – христианской. Потому без всяких колебаний я приняла предложение Армена.

– А до встречи с Арменом у вас было какое-либо представление об армянах, об истории армянского народа? Знали вы, например, где они живут, что исповедуют, каковы были их исторические пути?

– Нет, об армянах я не знала ничего. Живя в Германии, я не имела обо всем этом никакого понятия. Конечно, в общеобразовательной школе изучали всемирную историю, знали о существовании Советского Союза. Учебники нам сообщали, что в состав этого огромного государства входят пятнадцать республик и одна из них – Армения. Тогда мне это название ни о чем не говорило. Вот и все мои познания. Для большей ясности скажу, что познания немца, живущего в Германии, нельзя сравнивать с знаниями живущего во Франции. Об армянах немцы стали узнавать тогда, когда мир потрясли первые террористические акты, когда об армянах стали писать газеты, когда европейской общественности попытались объяснить, почему представители этой нации прибегают к столь крайним мерам и жестоким акциям...

– Говоря “первые”, вы имеете в виду Согомона Тейлера-на? Того самого, который в Берлине, в Шарлоттенбурге, среди бела дня застрелил Талаата и предстал перед германским правосудием, превратив судебный процесс в политический?

– Нет, я имею в виду теракты, совершенные армянами позднее: вооруженные нападения на турецкие посольства... В общем, немцы тогда и понятия не имели, что на самом деле произошло между армянами и тачиками. К примеру, мои сверстники заинтересовались армянами только тогда, когда они предприняли террористические действия против турецких дипломатов.

– Вы имеете в виду карательные акции бойцов “Тайной армии освобождения Армении” против турок, осуществляемые в разных странах мира с более широким временным спектром... Стало быть, на эти события откликнулась и немецкая пресса?

– Да, да, именно во всем мире. Наша пресса, конечно, затронула эти события. В то время газеты, особенно “Spiegel”, пытались разобраться в первопричине этих действий, понять, что предопределило сложность исторической судьбы армянского народа. Постепенно немцы (не все, конечно, только те, кого тронуло происходящее), ознакомившись с историческим прошлым армян, стали лучше понимать, что это такое вообще – история армянского народа.

Мы с Арменом дружили со студенческих лет. В этом смысле я была как бы в привилегированном положении, так как могла узнавать о событиях, что называется, из первых рук и научилась правильно их понимать. Еще в самом начале он сказал мне о самом главном: “Если ты хочешь жить со мной, то должна знать, что “Ай Дат”, история армянского народа для меня очень важны, возможно, даже важнее семьи. Они для меня на первом месте. Готова ли ты к этому?” Честно говоря, мне трудно было это принять, особенно в начале нашего знакомства. Я тогда не понимала, почему для человека может быть так важно существование его страны. Ведь я всегда жила в Европе и была убеждена, что немец ты или принадлежишь к какой-то другой национальности – не столь важно. Во всяком случае, не важнее того, чтобы жить в спокойной, благополучной и, самое главное, – мирной Европе. Уже потом, да и то не сразу, я стала понимать, что значит для человека не иметь своей собственной страны.

Случалось, моего мужа спрашивали в Германии, кто такие армяне, чем они живут. Удивительно то, что интересующиеся могли говорить об армянских помидорах, о каких-то других незначительных вещах. Между тем, заметьте, это были люди с высшим образованием, ученые немцы, те, кого мы здесь называем академиками. Представьте, даже они ничего не знали об

армянах! Армен вынужден был просвещать их, отвечая на вопрос вопросом: а не приходилось ли им слышать о Сарояне, о Микояне, неужели имя Шарля Азнавура им ничего не говорит? Вот через такие перипетии пришлось пройти, чтобы дать людям представление об армянах.

– Поверьте, то же происходило и в других уголках мира. И я рада, что в Германии нелегкую миссию просвещения непосвященных выполнял Армен.

Полагаю, семейная жизнь с Арменом была делом не легким – разумеется, в позитивном смысле. Оставляя в стороне банальные эпитеты типа “гениальный” или “одаренный”, просто скажу, что трудно жить под одной крышей с человеком незаурядным, ибо мысль и дух выдающейся личности витают в иных пространственных измерениях. Армен жил в водовороте опасностей – я имею в виду его деятельность, связанную с Западной Арменией, в целом – и как архитектора, и как теоретика армянского зодчества, и как истинного армянина. Когда он впервые сообщил вам, что едет в Западную Армению, как вы к этому отнеслись?

– Армен с самого начала решил, что посвятит себя армянской архитектуре. Я с уважением отнеслась к его решению. Мы оба осознавали всю его серьезность. Отец говорил ему: “Прежде ты должен изучить что-нибудь, чтобы идти по жизни вперед”. Армену во что бы то ни стало нужно было в точности знать, что осталось в Западной Армении после выселения оттуда армян, какие реликвии сохранились на территориях, некогда плотно заселенных армянами. Людей истребляли, лишили их родины, но, может, уцелели хотя бы островки армянской культуры на этих выжженных землях, обезлюдивших после бесчинств турок? Началось всё с храма св. Фаддея – это была тема докторской диссертации Армена. Вы наверняка знаете, что был такой храм.

– Знаю, разумеется. Я помню, как Армен довольно подробно рассказал мне об одном случае, связанном с его первым серьезным исследованием. Работа должна была прохо-

дять в приграничной зоне, а это означало, что он будет находиться под строгим надзором в бдительно охраняемой местности. Словом, речь шла о разрешении на проведение работ на территории храма апостола Фаддея (Тадеоса). А это еще надо было заслужить. Как раз в то время шах Ирана организовал встречу с перспективными студентами, получившими образование за границей и вернувшимися на родину. В знак особой милости каждому из молодых людей предложили высказать по одной просьбе. Армен, дождавшись своей очереди, попросил шаха позволить ему вести профессиональные работы в храме апостола Тадеоса, располагавшемся в военной зоне, в Маку. Более того, он еще хотел бы, чтобы его как исследователя не ограничивали во времени, поскольку то, чем он намерен заняться, требует длительного изучения. Его величество был весьма удивлен, но, конечно, удовлетворил просьбу Армена, которая многим показалась дерзкой. После этого начались труднейшие, но доставившие ему величайшее профессиональное удовлетворение работы в Артазе.

– Обмеры в храмах св. Фаддея и Степаноса Нахавки (Первомученика) действительно длились около полугода. Армен и еще один немецкий архитектор вместе отправились в Персию, чтобы работать там. Но для более детального профессионального анализа надо было сопоставить храм св. Фаддея с другими армянскими храмами: с точки зрения специалиста это вполне обоснованная необходимость. Однако в те годы, как вы знаете, ездить в Армению было невозможно. Армен был гражданином Ирана, а с таким паспортом запрещено ездить в коммунистическую страну. И так получилось, что первую поездку для сравнительного анализа он совершил в Турцию. Побывал всего в нескольких исторических местах: посмотрел Ани, Ахтамар, другие ценные образцы архитектуры. Из того, что увидел, он понял, в каком плачевном состоянии пребывают памятники армянской культуры. Понял также, что ждет их впереди, если не остановить процесс их разрушения. Об этой опасности надо бы-

ло говорить, и делать это надо было без промедления. Для начала необходимо было запечатлеть на бумаге всё то, что еще осталось, чтоб хотя бы так сохранить их. О восстановлении памятников в то время нельзя было и мечтать – это было просто невозможно...

– Да, подобную жизнь беззаботной не назовешь. Но давайте для начала уточним дату первого путешествия вашего мужа в Турцию, хотя вернее было бы назвать это научной экспедицией.

– Впервые это было в тысяча девятьсот семидесятом году. Потом он стал регулярно ездить в Турцию в составе различных научных групп. Армен собирал и систематизировал полученные данные, а это требовало определенных материальных ресурсов. У нас же, естественно, в то время были финансовые трудности, и для их преодоления пришлось ехать в Америку. Муж читал лекции в армянских общинах, показывал свои находки в Турции, объяснял, какая опасность угрожает нашим архитектурным шедеврам.

– Могу представить, какое впечатление производили эти лекции, учитывая заинтересованность аудитории.

– Настолько сильное, что рождали не просто живой отклик, но и сознание необходимости помочь, немедленно что-то предпринять. Действенную помощь Армену оказал профессор Вазген Барсемян – химик по специальности, живущий в Нью-Йорке. Он много лет спонсировал научные экспедиции, взяв на себя все расходы, связанные с путешествиями. При том, что каждая экспедиция в Западную Армению длилась около двух месяцев. Хочу отметить, что профессор, сам уроженец провинции Мокс, весь гонорар от опубликованной им монографии отдал Армену, переслав деньги на адрес открывшегося в Аахене офиса по исследованию армянской архитектуры. В 1972 г. мы создали организацию RAA по изучению армянского зодчества.

– Эта организация хорошо известна в Армении. Ее многолетняя деятельность была высоко оценена и, к всеобщей радости, удостоена государственной награды.

– Прекрасный человек был Вазген Барсегян. Каждый год он спонсировал нашу работу, и ежегодно мы командировали в Западную Армению по три-четыре человека на поиски армянских исторических памятников в разных районах. Это было чрезвычайно трудное и рискованное дело, ведь там, на месте, никто не должен был догадаться, что эти ученые заняты поисками, обмерами и фотографированием предметов и памятников армянской культуры. Армен ездил в Западную Армению так часто, что это стало уже равносильно занесению в “черный список”. В следующий свой приезд он мог оказаться в турецком застенке. Во всяком случае, статус “персоны нон грата” он уже заработал. Лишившись возможности самому участвовать в экспедициях, он стал посылать туда группы, в которых были и иностранцы – японцы, марокканцы... Особенно часто в группы включали немцев, глядя на которых никому в голову бы не пришло, что их цель – поиск и изучение армянской архитектуры. Местное население всегда избегало и боялось иностранцев, хотя и живо интересовалось, чем они тут заняты, что ищут: может, золото?! Какое-то время, можете мне поверить, наша деятельность была сопряжена с большим риском. Надо было исхитриться проделывать эту огромную, масштабную работу предельно осторожно и без лишнего шума. Мы и за пределами страны не афишировали результаты своего труда. Наоборот, тщательно скрывали все, продолжая терпеливо, по крупицам, собирать, собирать, собирать...

– Если не ошибаюсь, работа экспедиций по сбору и обмеру продолжалась около двух десятков лет, а основной ее вектор всегда был направлен на Западную Армению, Малую Армению, Киликию. Поскольку вы сама архитектор, а еще потому, что Армен Ахназарян с самого начала заразил вас любовью к Армении, думаю, вы не могли не принимать участия в организации и работе экспедиций. Я знаю, что так оно и было. Всегда ли вы ездили вместе с Арменом? Было ли это возможно?

– В первые годы, вы знаете, я не ездила с ним. Непосредственно участвовать в экспедициях начала позже: в семьдесят

четвертом с нашей старшей дочкой поехала в Иран. Мы прожили там лет шесть или семь. А Армен каждый год посылал свои группы из Германии в Западную Армению. И вновь хочу вспомнить нашего нью-йоркского друга – с благодарностью и признательностью. Было выпущено семь томов микропленки, что стало возможным также благодаря финансовому содействию господина Барсеяна.

– Насколько мне известно, каждый такой том содержит свыше пяти тысяч изображений самобытных сооружений армянской архитектуры, снабженных профессиональным комментарием. Подавляющая часть материалов вместе с научными пояснениями подготовлена Арменом Ахназаряном.

– Да. Вот так, человек сказал: я помогу вам, – и помог. Сделанное им нельзя переоценить. Здесь, в Германии, мы с Вазгеном Барсеяном собрали вместе все группы, которые занимались подобной деятельностью и прошли, каждая в отдельности, тот же путь. Это были группы из Франции, Италии, в свое время работавшие с Жаном Мишелем Тьерри. Свой собственный путь они успели пройти еще до этого. Мы никогда никому не говорили: знаете, этот путь должны пройти только мы и никто иной. Объединение единомышленников с научной точки зрения было необходимо, чтобы в максимальной степени обобщить и унифицировать имевшийся у нас богатый информационный материал. Должна сказать вам, что совместная работа такого количества людей, сотрудничество различных групп далеко не простая задача. Зачастую Армен непременно хотел сам работать с ними.

– У меня складывается впечатление, что ваш муж совершенствовал и вас как архитектора.

– Пожалуй. Понимаете, в нашей жизни в разное время главными были разные вещи. “Армянский путь” – это то, что было очень важно для нас обоих всегда. Но одновременно с этим мы вдвоем работали как архитекторы в Иране. Должны же мы были, в конце концов, как-то решать бытовые проблемы, заботиться о семье. В этом плане у нас была очень полнокровная

жизнь. Мы были не просто архитекторами, не только проектировали города и создавали чертежи. Кроме того, в Иране мы составляли Masterplan – генеральный план развития для разных городов. Здесь хотелось бы особо отметить Masterplan города Бама – помните, несколько лет назад там произошло страшное землетрясение?

– К сожалению, в Иране землетрясения случаются часто – это же активная сейсмическая зона. Приятно, когда после разрушений идет восстановление, особенно если в архитектурном аспекте конечный результат превосходит то, что было: строятся красивые и, главное, надежные здания.

– Вы правы. Часто после землетрясения приходится строить города заново. Так было с Бамом. Нам привелось работать и над проектом города, строящегося в пустыне. В Тегеране мы построили Политехникум – целый жилой квартал, специально предназначенный для преподавателей. Всю расчетную работу делал Армен, а я – дизайн. В то время дети были маленькие, я сидела с ними дома. Чертила по ночам, так что работала не зная сна. Потому и говорю, что наша жизнь проходила очень интересно. Муж активно сотрудничал с армянской общиной. Ну, а потом пришел Хомейни...

Его приход помешал многим, не только нам. Я почти вынуждена была бежать из Ирана. Вместе с дочками уехала в Германию, к маме, а муж остался там. Никогда не забуду первый год крайне напряженной внутривосточной ситуации в Иране. Это был очень трудный год, пожалуй, самый трудный. Всякая работа в стране остановилась, а в нашем офисе армяне продолжали работать. У нас было достаточно известное архитектурное бюро, куда мы привлекли армянских специалистов. Но даже в то время, когда Иран лихорадило, мы платили нашим сотрудникам, чтобы они могли содержать свои семьи.

Спустя какое-то время жизнь постепенно стала налаживаться. Уже через год я вернулась в Иран. При режиме Хомейни мы прожили в Германии год, а потом бывали тут только летом, в самую жаркую пору, когда в Иране температура доходит до со-

рока градусов. К тому же как раз тогда началась ирано-иракская война, и в силу обстоятельств я вынуждена была остаться в Германии, у моей матери, а Армен был в Иране. Полгода мы не видели друг друга. Потом Армен получил визу, правда, на одну поездку из страны, после чего опять вернулся туда. Тяжелейшее было время. В конце концов мы с девочками переехали в Аахен, но муж большую часть времени проводил в Иране.

– Если я не ошибаюсь, Армен так и остался гражданином Ирана.

– Да, не ошибаетесь. В последние годы он получил и немецкий паспорт, но от иранского не отказался, хранил его до конца жизни.

Для нас, как для осколка зарубежного армянства, и, конечно, для мужа в особенности, распад Советского Союза стал поистине счастливым шансом. Путь в Армению наконец был открыт. В эпоху советского тоталитаризма он один раз побывал в Армении. Я тоже – это было в дни открытия Гладзорского храма, они совпали для меня с открытием Армении.

Нас официально пригласили, и для Армена это было очень важно. До этого для него существовала только духовная Армения. Теперь духовное обрело плоть, и Армения стала для него реальной страной. Он был несказанно рад, что имеет возможность отныне жить и работать на родине. Он всегда говорил своим соотечественникам, что приехал сюда не помогать или поучать их, а тем более грозить пальцем. Он просто радовался, что теперь сможет работать бок о бок с ними и быть полезным Армении. Помню его кабинет в здании Академии. Сотрудников своих он всегда призывал: “Говорите, предлагайте, критикуйте, сомневайтесь – высказывайтесь свободно!” Эти люди были не виноваты в том, что не привыкли предпринимать что-либо по собственной инициативе, предлагать самостоятельные решения. Зато они прекрасно умели исполнять порученное.

– Конечно, сказанное вами по понятным причинам не ласкает мне слух, но и возразить вам я не могу. В основном так все и было, более того: в условиях тотального нивелиро-

вания, когда всё и всех принудительно подстригали “под газон”, иной вариант в нашей стране не приветствовался.

– Армен говорил: “Я приехал из Германии, чтобы работать вместе, чтобы объединить наши усилия, наши возможности и способности”. Он пробуждал в людях самостоятельность. Повторяю, мы с Арменом прожили пусть полную трудностей, но очень насыщенную, интересную жизнь.

– Не трудно ли вам было после Германии жить в Иране? Я имею в виду запад и восток, резкие, порой взаимоисключающие различия в культурной, духовной жизни и быте. На востоке все не так, как в Европе: от идейных и идеологических ценностей до самого элементарного, поверхностного – внешнего вида. Вероятно, вам пришлось призвать на помощь весь свой запас толерантности, терпимости. Речь не об оценке, не о добре или зле, не о том, что положительно, а что, наоборот, негативно, а об элементарных различиях западного и восточного, которые существуют, не могут не существовать.

– В этом смысле у меня проблем не было. Хочу отметить, что иранцы люди довольно лояльные. Трудности, как уже говорилось, у меня были только при правлении Хомейни. В другие времена я знала иранцев как очень воспитанных, вежливых людей. Конечно, я не могла не заметить явного различия между Германией и Ираном, и не только заметить, но и испытать его на себе.

Я приехала туда с желанием показать, что такое истинная демократия. Поэтому вначале я прибиралась в доме сама. Потом свекровь сказала мне, что здесь много безработных, можно обратиться к ним, и они с радостью будут помогать по хозяйству. К прислуге там относятся иначе, чем здесь, в Европе.

– Несомненно. Смотрят сверху вниз, чувствуя себя хозяевами положения. Это вообще присуще восточному мышлению, его системе ценностей.

– Совершенно верно. Но я этого никогда не принимала. Я просила: Туба-ханум, сделайте то-то и то-то. Однако опыт об-

щения показал, что говорить с прислугой надо строго, давать четкие указания: сделать то-то и то-то за такое-то время. Иначе вас не поймут.

Любой человек на чужбине должен разбираться в тонкостях культурных различий и быть готовым к преодолению возникающих трудностей. А в общем в Иране я чувствовала себя неплохо. Семья мужа жила в Тегеране, свекор мой был инспектором армянских школ и очень уважаемым человеком в своем кругу. И все наши соседи были очень интересные, редкие люди.

– Наверняка они в свою очередь тоже помогли вам быстрее адаптироваться к незнакомой среде, иначе вы не смогли бы годами жить и работать в Иране. Наконец, надо думать, ваши личные качества также сыграли немаловажную роль в преодолении подобных трудностей, без них ни ваш муж, ни его близкие не смогли бы ничего сделать.

А теперь позвольте упомянуть о неприятном эпизоде, произошедшем во время научной поездки на родину предков вашего мужа. Я имею в виду полученный от турка в Западной Армении удар в спину, который в дальнейшем стал причиной образования опухоли. Во всяком случае, сразу же после известия о смерти Армена Ахназаряна армянские телеканалы поспешили выступить с такой интерпретацией. Что бы вы сказали по этому поводу? Простите, что причину вам боль...

– Знаете, Армен не любил вспоминать об этом. Я знала, что с ним произошло, но при мне он упомянул об этом случае лишь вскользь: мы всегда были заняты другими важными делами. О том, что армянские СМИ так трактовали причину болезни моего мужа, я слышу впервые, и меня это, честно говоря, удивляет.

– Вернемся к экспедициям в Западную Армению, в которых, я знаю, участвовали и вы. Эти поездки сами по себе есть профессиональное сотрудничество. По правде говоря, иной вариант показался бы даже странным. В скольких же экспедициях вам пришлось участвовать?

– В Западную Армению я ездила четыре раза.

– И все четыре раза с Арменом?

– Нет, нет... Он меня так ни разу и не взял с собой. Бывало, что он не мог туда поехать, поскольку, как я уже говорила, въезд ему был запрещен. Я тоже дипломированный архитектор, работала в Германии по своей специальности. Закончив свои дела здесь, я почувствовала себя готовой к поездкам, преследующим цели RAA. Первый раз в девяностых мы проехали из Эрзерума в Спер (Измир), в следующий раз совершили путешествие от Самсуна до Хопы (здесь хотелось бы, в частности, упомянуть посещение Гарахисара и области Амшен), а также из Трабзона в Артвин. Затем мы изъездили дороги Хоторджура, и не один раз. Это был действительно захватывающий период моей жизни. Я не говорила, что приехала сюда с целью изучения армянских памятников архитектуры. Особо любопытным объясняла, что я архитектор и эти древние здания и мосты интересны мне как профессионалу.

– Знаете, вы мне напомнили об Османе Кйокере, чья мать была из греческих армян, а отец турок. В первопрестольном Кёльне в свое время прошло довольно интересное мероприятие. Турецкий журналист Осман Оккан организовал презентацию книги Кйокера – своего соотечественника, которая представляла собой своеобразную коллекцию марок. Автор собирал марки с конвертов, и его марки оказались не просто знаками почтовой оплаты – они, как зеркало, запечатлели армянские архитектурные памятники этого периода. Люди посылали письма из одного западноармянского города в другой, и на их конвертах были эти самые марки.

– Вы правы. Мне как архитектору эта книга была очень интересна. Когда проходила презентация книги здесь, в Кёльне, я, к сожалению, была в Армении и не могла присутствовать. Выход этой книги я считаю знаковым явлением. Собранные в ней марки являются отражением той жизни, которой жила в начале двадцатого века, до пятнадцатого года, Западная Армения. Изображенные на них образцы армянской архитектуры – это

ценные документальные свидетельства образа жизни и культуры армян.

– Иногда пытаюсь представить, как отреагировали бы турки, окажись перед ними эта книга.

– Но ведь там эту книгу тоже представили, не так ли?

– Я не знаю, была ли она представлена в Турции, зато знаю, что в день презентации в Кёльне нашлись армяне, которые протестовали против этой книги и самого мероприятия, были даже попытки провалить его. Но мероприятие все же состоялось: Кемаль Ялчин, турецкий писатель из города Бохум, прочитал отрывки из своей книги – их перевела на армянский героиня его книги, жительница города Раттинген. Армянин, приехавший из Голландии, играл мелодии на багламе*. Свое недовольство кёльнские армяне объясняли тем, что издание подобных книг ставит под угрозу мирные взаимоотношения армян и турок, проживающих в Германии, вбивая между ними клин. До меня доходили слухи о таких неприглядных проявлениях. Об этом я имела возможность говорить с прогрессивными представителями турецкой и армянской общин Германии.

– По правде говоря, я таких подробностей не знаю.

– Однако приятно услышать от немецкого архитектора признание важности упомянутого издания.

Говоря о муже, вы, госпожа Ахназарян, произносите его имя с присущей немецкому языку артикуляцией – с выпадением “р”: Амен, Амик. Вы всегда так его произносили?

– Да. Так называла мужа только я. Точно так же армянское слово “арден” – “уже” я произносила “атен”. Муж посмеивался надо мной: “Следи за произношением. “Атен” – это в Греции”.

– Помню одну из последних моих встреч с Арменом Ахназаряном. Было это в его кабинете в Академии. В тот день я принесла ему мой только что вышедший в свет роман, пятый по счету – “Совість”. Говорили мы, как и обычно, о его

* Самый распространенный в Турции народный струнный инструмент.

западноармянских экспедициях. Потом о моих паломничествах. Незаметно беседа привела нас к его отцу, Ованнесу Ахназаряну. Армен очень эмоционально поведал мне о последнем дне жизни отца. В тот день его отец закончил свою книгу, а вечером ушел в мир иной. Армен даже грустно пошутил по этому поводу: “Человек уходит из жизни, когда в этом мире закончит все свои самые важные дела. Стало быть, вам еще есть что делать. Считайте, что ваше главное произведение еще впереди”. Перед моими глазами и сейчас стоит его лицо с нескрываемой признательностью во взгляде, его незабываемое волнение. Вы, наверно, догадались, разговор пойдет о мемуарах отца. Вы были в Германии, когда ваш свекор скончался? Или последние дни Ованнеса Ахназаряна проходили у вас на глазах?

– Начну с того, как мы познакомились. С родителями Армена я впервые встретила в Аахене. Они иногда приезжали в Германию повидаться с сыном. В то время его отца часто приглашали читать лекции в ведущие университеты мира – Америки, Англии. Я видела, каким уважением пользуется мой свекор как среди армян, так и, в той же степени, среди иранцев. Он инспектировал тридцать три армянские школы и вел себя со всеми как равный, хотя и был начальником. Был человеком скромным и мудрым. Во время больших христианских праздников – Рождества, Пасхи и т.д. – к нам всегда приходили его воспитанники с огромными букетами, чтобы поздравить своего преподавателя. С родителями Армена мы жили в одном доме: они на первом этаже, мы – на втором. Если свекор был не на работе, значит трудился у себя в кабинете.

Как я уже говорила, днем раньше я уехала в Европу с Талин-Шаисом. Именно в этот день свекор признался мужу, что закончил книгу. А историю, которую описал, он хранил в душе всю жизнь, не рассказывая никому. Он записал ее до последнего слова – и умер.

– Мой вопрос как раз об этом. Речь о книге воспоминаний Ованнеса Ахназаряна “Провинция Гохтан” (“Гохтан гавар”).

Описанные там события действительно произошли двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот девятнадцатого года. Турки захватывают Агулис и весь Нахичеванский район. Резня, погромы. Он пытается бежать вместе с семьей, но в руки турок попадают отец, мать, две его сестры и младший брат. Я знаю, что об этом Ованнес Ахназарян впоследствии не рассказывал никому до конца жизни. Возможно, и вам ни словом не обмолвился о пережитой трагедии?

– Он действительно ни с кем об этом не говорил, и я не была исключением. Мы знали только, что он потерял всех своих родных, но понятия не имели о том, что тогда происходило в армянских городах и селах Нахичевана. Обо всем этом отец Армена рассказал в своей книге. Написал, поставил точку и умер. Я не раз слышала похожие трагические истории. Это пережили очень многие армяне, но переживали в себе, молча, не делясь ни с кем. Например, Питер Балакян. Мне очень нравится его “Черный пес судьбы”. Это книга о тех, кто пытается все забыть, старается слиться с американцами, жить как они, в то время как другие, наоборот, живут под гнетом перенесенной травмы. Сегодня эта тема активно обсуждается и в Германии. Хотелось бы в этой связи вспомнить Тессу Хоффман...

– Госпожа Ахназарян, вы сейчас упомянули потрясающую книгу о последствиях геноцида. Питера Балакяна прекрасно знают и в Армении: я была на презентации его книги в Ереванском государственном университете, не раз выступала с рецензиями на книгу “Черный пес судьбы” в прессе, а также на радио, в авторском цикле передач для армянской диаспоры “Ай Дат”. Коль скоро речь о путешествиях в Армению, наверняка следует уточнить понятия “Западная” и “Восточная”, поскольку вы теперь так и живете – одной ногой в Германии, другой в Восточной Армении.

– Вернувшись в Германию, я продолжала ездить как в Турцию, так и в Армению... Но прежде чем обратиться к Восточной Армении, мне бы хотелось, госпожа Геворкян, рассказать подробно об одной из акций, осуществленных мною в Герма-

нии. Знаете ли Вы, что армянскую церковь в Кёльне реставрировали мы с мужем?..

– Мне известно, что здание церкви арендовано армянами и частично ими отремонтировано: в свое время я работала над циклом радиопередач о духовной жизни армян в Германии. Немало было и публикаций в прессе, большей частью основанных на моих интервью с предводителем армянской паствы в Германии – отцом Гарегином Пекчяном. Но, сказать по правде, я не знала, что авторами преобразований внутри храма, выполненных в армянском духе, являетесь вы, супруги Ахназарян.

– Эту католическую церковь армяне получили от немцев. Построил церковь в послевоенные годы известный немецкий архитектор, так что она никак не могла быть выполнена в армянском духе. Армяне пользовались ею в течение семи лет, хотя алтарь там располагался не в той стороне, к тому же был ровень с полом. Настоятель церкви попросил нас помочь, поскольку на следующий год армянскую общину Кёльна собирался посетить Католикос Всех Армян Гарегин Первый. Было несколько предложений, но проблема заключалась в том, что мы не имели права производить масштабные преобразования. После Второй мировой войны немцы стремились быть демократичными, чтобы вертикальной – сверху вниз – иерархии не было вообще. Поэтому алтарь стоял не на возвышении, как это свойственно традициям и духу армянской церкви. Мы представили наши проекты, конечно, с тем чтобы все изменить.

Вы правы, это арендованная церковь, но я всю ее изменила. Алтарь стоял в передней ее части, на западной стороне, в то время как должен быть ориентирован на восток. Я переставила церковный орган, а на его месте выстроила возвышение с пятью ступенями: как вы знаете, пять, как и семь, – число священное. И у меня получился настоящий амвон. Орган наш, армянский. Я его несколько видоизменила – он стал намного меньше – и установила на полу. И весь интерьер церкви после

этого стал выглядеть совсем по-армянски. Мы выстроили правильный алтарь.

– Да, это все, что вам разрешили. Я знала, что церковь арендована. И по этой причине, как сказал мне в своем интервью отец настоятель, армяне не имели права даже гвоздик лишний вбить в стену.

– Супруга архитектора, построившего эту церковь, сама тоже архитектор. Мы с ней часто беседовали, хотя наше общение с ней трудно назвать разговором. Я с этой женщиной боролась. Очень трудно было прийти к общему знаменателю. Я ей обещала, что изменения будут только во внутреннем пространстве церкви – в интерьере, а внешний вид останется неизменным. Только попросила разрешения поменять место двери, чтобы она находилась против алтаря, как это принято по армянским церковным канонам. Я долго и увлеченно изучала с мужем армянскую церковную архитектуру и прекрасно знала, что собой представляет настоящая армянская церковь. Но супруга немецкого архитектора была непреклонна. И мы в конце концов дали обещание не выходить за рамки того, что нам разрешено.

Это здание представляет собой четырехугольное строение простейшей конструкции – как, скажем, фабрика. Кстати, в этом районе в то время жили рабочие автозавода “Форд”, и предполагалось, что церковь, которую они станут посещать, должна напоминать их завод. Что же касается церковного ритуала, то здание церкви абсолютно не соответствовало духу армянского богослужения. Кроме преобразований с алтарем, о которых я уже говорила, я добавила еще две комнатки-ризницы справа и слева. В одной из них установили купель для крещения, вторая служила для литургий. Кроме них получилась еще пара небольших помещений – вы их наверное видели.

– Не только видела, но и не один раз пользовалась ими по назначению: мои внуки крещены в кельнской церкви святых Саака и Месропа. Это дети моей старшей дочери – Ален-Аветис, Марал-Лусин и Алессия-Ани. Но, по правде говоря, мое внимание приковал центральный купольный свод храма, выполненный в подчеркнуто армянском стиле.

– Вы, конечно, знаете, что купол – одна из важнейших частей армянской церкви. Прототип кельнского купола вы могли видеть в Западной Армении, в Карсе. Образцом для меня послужила карсская церковь Сурб Аракелоц (святых Апостолов). В центральной части церкви я спроектировала внутренний свод, уходящий под потолок и опирающийся на четыре колонны. Он символически заменил собой армянский храмовый купол.

– **Итак, вы все успели к приезду Католикоса Всех Армян?**

– Успели. Вообще визит Гарегина Первого произвел сильное впечатление, но это тема для отдельного разговора. Говорил он прекрасно, мы все были восхищены его речью. Очень жаль, что его сразила эта ужасная болезнь. Он не расставался с сигаретой...

– **А что вы можете сказать о вашей деятельности в Восточной Армении?**

– Сейчас мы с Самвелом Карапетяном продолжаем начатое Арменом дело. Хочу упомянуть о реставрационных работах, которые муж успел завершить. Начну с Сирии, с реставрации двух жилых зданий и двух церквей в Кесабе. В Иране: церкви св. Саркиса в Ванаке и св. Геворга в Тегеране, св. Степаноса Первоученика в Дарашамбе, а также церкви Апостола Тадеоса и Цорцора. Не забывал он и об Арцахе – церковь Сурб Аствацацин (св. Богородицы) в Каринтаке и строения храмового комплекса Дадиванк. Многое сделал он в Сюнике: церкви в селах Татев и Давид-Бек, Сагмосаванк, однефный храм св. Саркиса в Уши.

– **Вы перечисляете эти названия и, знаете, я радуюсь, что в чисто профессиональном плане совесть моя спокойна, поскольку в своих многочисленных публикациях и радиопередачах я постоянно обращалась к реставраторской деятельности Армена Ахназаряна. Наши с ним беседы слушала многомиллионная аудитория, поскольку эти передачи транслировались и за границу, в диаспору. Откликов было много, и это при том, что армяне не особенно отзываются на передачи. Уверена, было бы неверно молчать об огром-**

ном объеме реставрационных работ Армена. Повторяю, у меня совесть чиста уже потому, что я не допустила подобной ошибки.

– У нас есть еще и другая группа, госпожа Геворкян. Она основана в США, и руководит ею Шаген Арутюнян. Она сотрудничает с нами. Члены группы, в частности, поддерживают нас в материальном плане. Кроме того в последние годы Армен написал книгу, на этот раз об армянских памятниках Ирана, храмах св.Фаддея, Степаноса Первомученика и вообще об оставшихся там церквах. В прошлом году я ездила в Иран с небольшой группой, сделала новые снимки для этой книги Армена, которая скоро выйдет из печати.

Так что я работаю как здесь, в Германии, так и в Армении. Сколько раз я устраивала выставки для армянского прихода, демонстрировала всем равнодушным людям, что мы имели в пятнадцатом году, в каком состоянии пребывают эти памятники сейчас и что их ожидает завтра. Кое-какую работу турки пытаются делать, что-то реставрируют. Ахтамар – очень известный храм, а Турция очень заинтересована в развитии туризма. Но вы знаете, Ани восстанавливают неверно. Хочется надеяться, что реставрационные работы будут проведены с бережным соблюдением архитектурных канонов. Во всяком случае, мы продолжаем делать нашу работу.

– Это, что называется, болезненное место для нас и вообще для всех, кто заинтересован в том, чтобы люди знали правду об армянах. Такое уже случилось, вопреки протестам именитых ученых, которые даже написали открытое письмо президенту Турции... Уверена, госпожа Ахназарян, это всё вам известно. Однако, пользуясь возможностью беседовать с представительницей немецкой интеллигенции, спрошу о другом. Знаете ли вы, что в учебную программу школ земли Бранденбург, то есть в немецкие учебники истории, несмотря на противодействие многотысячной турецкой общины Германии, включена тема геноцида армян? Но пока только в этой федеральной земле...

– Да, знаю. Нигде больше, только в Бранденбурге...

А дальше наш разговор с Маргрет Бюнеманн-Ахназарян почти целиком был посвящен документальному фильму Эрика Фридлера “Катастрофа:Геноцид”, о котором хотелось бы рассказать особо. Я очень рада, что именно здесь, в Германии, посмотрела его. После знаменитого фильма Джордано эта лента – лучшая из всех, показанных в Германии.

Райф Джордано – преданный боец “Ай Дата”, автор нашумевшего романа о геноциде “Бертинисы. История одной семьи” – родом из Гамбурга. Это поистине замечательная личность. В этом году двадцать четвертого апреля, в день Памяти жертв геноцида, армяне организовали во франкфуртской церкви Паульскирхе службу по случаю девяностопятилетия трагедии. Ждали и Джордано, желая еще раз услышать слово этого человека, но, к сожалению, в этот раз он приехать не смог.

Его фильм я считаю первым по степени воздействия на широкого немецкого зрителя. А во втором, фильме Фридлера, самые известные артисты Германии читают вслух фрагменты из воспоминаний очевидцев резни. Они как бы отдают свои голоса исторической правде документов. Прекрасно подобрана также музыка к фильму. В итоге лента просто потрясает.

Иной раз люди говорят, что немцы не слишком эмоциональный народ, и возможно, они в чем-то правы. Но все, кто слышал проникновенное чтение актеров-участников фильма, по-моему, никогда больше не смогут говорить о неэмоциональности немцев. Словом, я была потрясена не только режиссерской находкой, но и чувствами, вложенными в ее исполнение. Быть может, не в равной мере, но безусловно и это в немалой степени обеспечило успех конечного результата.

Что же касается организованного телекомпанией обсуждения фильма, думаю, что в нем не было необходимости. Ведь создатели фильма при содействии профессионалов-консультантов попросту подняли и озвучили преданные забвению секретные

материалы, не одно десятилетие пролежавшие под замком в политическом архиве Берлина. Комментарии тут излишни. Об этом фильме, о его достоинствах и недостатках еще долго будут говорить.

Надо сказать, многие турки, как, например Орхан Памук, разделяют с армянами их боль. Но те двое, что принимали участие в студийной дискуссии, утверждали совершенно обратное. Как обычно, ни словом не касаясь сути фильма, турки твердили о том, что он получился односторонним, тенденциозным. И это понятно, ибо лента Фридлера не отвечает их национальным интересам.

В фильме Эрика Фридлера Оздемир в конце концов озвучивает свою позицию: да, случившееся – это геноцид и Турция должна принять произошедшее именно как геноцид. Он говорит также, что теперь Турции придется пересмотреть свою историю. Мне представляется важным, что в фильме впервые было сказано о германско-турецкой ответственности: причастность Германии к свершившемуся злодеянию особо подчеркнул консультант фильма, теолог Герман Гольц, преподаватель из университета Мартина Лютера.

Кстати, в Германии и у нас, в Армении, хорошо известно и другое немецкое имя – Вольфганг Густ. Он вместе с женой перерыл архивы и подготовил книгу, которая показывает, как далеко зашли немцы в своем соучастии в преступлении против армянского народа: они прекрасно знали о том, что происходит, но закрывали на это глаза, не принимая никаких мер.

Я знаю турок, которые признают, что произошел именно геноцид, что они допустили страшную ошибку. Однако те двое, что с пеной у рта продолжали настаивать, что, дескать, это армяне убивали турок, меня страшно возмутили. Можно понять людей, которые учились по обычным турецким школьным учебникам, где история преподносится в искаженном виде: они не знают фактов и верят тому, что написано в книжке. Именно таким людям и может помочь фильм – конечно, если они увидят его...

Это вообще присуще туркам – везде и всегда нападать на армян. Они прекрасно усвоили принцип “Лучшая оборона – это нападение”. И, надо признать, создали мощную пропагандистскую машину, целую армию работающих на них историков и ораторов, таких как тот, в фильме, что путешествует по Европе, продает турецкие варианты, и где-то же их покупают!

Проживающие в Германии прогрессивные турки, примкнувшие к защите “Ай Дата”, в тот день признались мне, что, как только турецкие участники дискуссии раскрыли рты, они выключили свои телевизоры, не желая в очередной раз выслушивать потоки привычной лжи.

Если турки когда-либо сумеют все понять, это пойдет на пользу и им, и нам, армянам. Эта нескончаемая ложь оскорбительна для нас, мы не можем излечиться от ран, причиненных геноцидом, избавиться от воспоминания о нем.

Житель Кёльна Доган Аканлы однажды сказал: каждый турок должен посадить гранатовое дерево – в память о погибших армянах. И не только сказал, но и написал об этом...

Хочется надеяться, что когда-нибудь это случится – они поймут. И тогда душа подвижника Армена Ахназаряна обретет покой.

Содержание

журнала “Литературная Армения” за 2011 г.

Проза

- Аветисов Ю.** Одесские небылицы. Рассказы. N3
- Арутюнян С.** Смерть деда в моем исполнении. Господь решил помыться ад. Речь идет об осени. Рассказы. *Перевод Н.Абрамян.* N4
- Бакши К.** Девяносто восемь ступеней. Главы из новой книги. N4
- Вардумян О.** Три рассказа. *Перевод И.Маркарян.* N3
- Григорян В.** Последний армянин Дакки. Повесть. *Перевод Ж.Шахназарян.* N3
- Грин Э.** Над головою небо. Из цикла “Приложение к каталогу выставки”. N3
- Егиазарян К.** Блуждающий осколок. Повесть. *Перевод Д.Мирзоян.* N2
- Карапетян Л.** Ключ. Свадьба. Рассказы. *Перевод Е.Шуваевой-Петросян.* N2
- Мартиросян Т.** Клуб зевак. Рассказ. N1
- Марухян Р.** Кинематография. Повесть. *Перевод Д.Мирзоян.* N1

- Овсепян Р.** Первомайский парад. Рассказ. *Перевод Л.Овсепян.* N4
- Оганян З.** Из глубины. Рассказ. N2
- Тер-Казарян В.** Ала-бала-ница. Рассказ. *Перевод М.Абаджянца.* N1
- Хачикян Э.** Медведь. Рассказ. *Перевод Л.Захарян.* N1

Поэзия

- Авакян А.** Из книги “Слово и ветер”. *Перевод К.Лазаревой.* N2
- Ананикян С.** Химеры и сны. N1
- Баренц Г.** Пена. N2
- Камилла.** В тоске по людям. N2
- Маркарян С.** Армянские столицы. *Перевод Г.Кубатьяна.* N1
- Оганесян А.** Из глубины молчания. *Перевод А.Налбандяна.* N4
- Пальчиков В.** Бессонница. Поэма. N3
- Синельников М.** Армении. N3

Соложенкина С. Из стихов об Армении. N2

Тамразян Р. Мембрана памяти, живое полотно... *Переводы Г.Кубатьяна, В.Пальчикова, А.Налбандяна.* N1

Тоноян Т. Время ожиданий. *Перевод Г.Баренца.* N4

Чембарцева В. Невесомость неба. N4

Очерк, публицистика

Балаян З. Кругосветка. N2

Беженару Л. Армения выживает культурой. N1

“Благодарю друзей за уроки общения” (*беседа Е.Шуваевой-Петросян с В.Чембарцевой*). N4

Геворкян Л. “Мы прожили интересную жизнь”. *Перевод Е.Петросян.* N4

Гулакян Б., Джигарханян А. Долги наши. N3

Мелик-Шахназарян Л. Трагедия длиною в десять веков. N1

Навасардян А. Память и прапамять. N1

Олюнина В. Арбуз и дыня в коньяке. Путеводные звезды Спендиарова. N2

Русское слово в Армении. N4

Саакян Н. “Не имеет стола кроме своих колен”. N4

“У меня в руках армянский клубок...” (*беседа Е.Шуваевой-Петросян с В.Олюниной*). N2

Хечоян Л. Железными дорогами Европы. *Перевод Э.Бабаханян.* N3

Чебанян А. Мои воспоминания о Чаренце. N1

Чолакян М. Великие зодчие средневековья. N1

Чтян А. Идея и воплощение. *Перевод Е.Петросян.* N1

Критика, литературоведение

Джанполадян М. Книга тревог и надежд. N1. Шок от книги. N3

Мирзоян Г., Гончар Н. Вопреки фактам, наперекор логике. N2